

МАТЕРИАЛЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАОЧНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

СОВРЕМЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Новосибирск, 2013 г.

УДК 34
ББК 67
Т33

Т33 «Современная юриспруденция: проблемы и решения»:
материалы международной заочной научно-практической
конференции. (13 февраля 2013 г.) — Новосибирск: Изд.
«СибАК», 2013. — 184 с.

ISBN 978-5-4379-0222-6

Сборник трудов международной заочной научно-практической конференции «Современная юриспруденция: проблемы и решения» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной юриспруденции.

Данное издание будет полезно аспирантам, студентам, исследователям в области практической юриспруденции и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития юриспруденции.

Рецензент — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономико-управленческих и правовых дисциплин, филиал Российского государственного гуманитарного университета, действительный государственный советник Российской Федерации 3 класса, Андреева Любовь Александровна.

ББК 67

ISBN 978-5-4379-0222-6

© НП «СибАК», 2013 г.

Оглавление	
Секция 1. Административное право и процесс	7
ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ Смашникова Татьяна Борисовна	7
Секция 2. Актуальные вопросы противодействия общеуголовной преступности	13
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАСИЛЬСТВЕННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ Ефимова Мария Прометеевна	13
Секция 3. Актуальные вопросы противодействия преступности в сфере экономики	23
ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЙДЕРСКИМ ЗАХВАТАМ (ЗАВЛАДЕНИЯМ) ОБЪЕКТОВ «МАЛОГО БИЗНЕСА» Андреева Любовь Александровна	23
Секция 4. Актуальные вопросы противодействия преступности, носящей коррупциогенный характер	29
ОТГРАНИЧЕНИЕ «ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА» ОТ ИНЫХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ Андреева Любовь Александровна Андреев Сергей Юрьевич	29
Секция 5. Гражданское, жилищное и семейное право	36
СУДЕБНАЯ МЕДИАЦИЯ Байгулина Акнур Кайраткызы Дячук Марианна Ивановна	36
К ВОПРОСУ О ПРАВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ БЮДЖЕТНОГО И АВТОНОМНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ Полотовская Елена Юрьевна	43
ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) Чикишева Надежда Александровна	47

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ Щербачева Любовь Владимировна	51
Секция 6. Земельное и экологическое право	56
ПРОЦЕСС ПРАВОПРЕЕМСТВА ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ Ватников Дмитрий Юрьевич Понька Виктор Федорович	56
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИИ Тимофеева Ольга Ивановна	67
Секция 7. История государства и права России и зарубежных стран	71
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА СССР В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД Билль Марис Владиславович	71
Секция 8. Конституционное право	78
РОЛЬ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КОНТРОЛЕ ЛЕКАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ Литовкина Маргарита Ивановна	78
ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ Платонова Наталья Игоревна	85
ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ ГРАЖДАН ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ: ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Плехотко Константин Константинович	89
ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ Поперина Екатерина Николаевна	96
Секция 9. Международное право	101
МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ Фадеев Павел Владимирович	101

Секция 10. Муниципальное право	107
МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ Дархамбаева Айнура Даулетбековна	107
К ПРОБЛЕМАМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ Падерина Ангелина Павловна	112
УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В УКРАИНЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ Петришина Марина Александровна Новак Анна Александровна	116
Секция 11. Правоохранительные органы	123
ОСОБЕННОСТИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЕ Османова Гулайна Жалалыевна	123
Секция 12. Предпринимательское право и правовые основы банкротства	134
К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПЕРЕДАТОЧНОГО АКТА (РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО БАЛАНСА) ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ Войтович Геннадий Иванович	134
Секция 13. Теория государства и права	140
ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ КУЛЬТУРЫ МИРА Чеджемов Сергей Русланович	140
«ЧАСТНОЕ» В КОНТЕКСТЕ ПЛЮРАЛИЗМА ПРАВООПОНИМАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА Чувальникова Анна Сергеевна	145
Секция 14. Уголовное право	150
ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ Клещёв Александр Сергеевич Бимбинов Арсений Александрович	150

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ НРАВСТВЕННОСТИ И ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ Шмыков Дмитрий Валерьевич Шмыков Валерий Иванович	154
Секция 15. Финансовое право и финансовая политика	161
КОНФЛИКТНАЯ ПРИРОДА НАЛОГОВОГО СПОРА — ПРЕДПОСЫЛКА ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГОВОГО КЛИМАТА Заика Аурика Анатольевна Кучерявенко Николай Петрович	161
СУЩНОСТЬ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ Бадамшин Салават Курбангалеевич Шарипова Юлия Саматовна Иксанова Лилия Ишбулдыевна	169
ОСОБЕННОСТИ РЕГИСТРАЦИИ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ АКЦИЗНОГО НАЛОГА В УКРАИНЕ Шаренко Максим Сергеевич	174
Секция 16. Юридическая психология	178
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ НЕОСТОРОЖНОГО ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ДТП Ефимова Елена Олеговна	178

СЕКЦИЯ 1.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

ОСОБЕННОСТИ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В СОЮЗНОМ ГОСУДАРСТВЕ БЕЛАРУСИ И РОССИИ

Смашиņикова Татьяна Борисовна

*канд. юрид. наук, доцент ФГБОУ ВПО «ЧелГУ»
г. Челябинск*

E-mail: tat-sma@mail.ru

Миграционные процессы представляют собой широкома- штабные, во многом хаотичные перемещения различных групп мигрантов внутри государства и из одного государства в другое. Современные средства массовой информации позволяют заинтере- ресованным лицам получать информацию об уровне жизни, состоянии рынка труда, социальных гарантиях в разных государствах, а системы транспорта обеспечивают перемещение людей из одной страны в другую.

Российская Федерация и Республика Беларусь суверенные дружественные государства, ближайшие соседи, и, одновременно, члены Союзного государства Беларуси и России, созданного на основе Договора от 8 декабря 1999 года [1]. Миграция населения в границах Союзного государства — естественный и закономерный процесс, позволяющий сбалансировать экономическую, социальную, полити- ческую и духовную сферы союзного сообщества. Существовая почти 15 лет, Союзное государство не имеет своего конституционного акта, который бы определил статус Союзного государства и статус гражданина Союзного государства, союзного миграционного законо- дательства, единых полномочных миграционных государственных органов. Незавершенное государственное строительство Союзного государства является отрицательным правовым фактором в решении имеющихся проблем взаимной миграции белорусов и россиян соответственно в Россию и Беларусь.

Описывая правовое регулирование взаимных потоков россиян и белорусов — трудовых мигрантов Союзного государства, можно отметить следующее.

Трудовая эмиграция или выезд на работу в другое государство в настоящее время, по причинам длящегося экономического кризиса, носит ярко выраженный характер в Республике Беларусь. По данным 2010 года основной поток выезжающих белорусов отмечен в Россию (2765 человек), также граждане Беларуси выезжали в США (1387 человек), Польшу (108 человек), Чехию (78 человек) и другие страны. На 1 декабря 2012 г. в Республике Беларусь насчитывалось 9 млн. 465 тыс. человек населения. За 2011 год население официально уменьшилось на 16 тыс. человек (и это не считая неофициальной трудовой миграции в Россию), миграционный же приток населения из других стран компенсировал лишь 38 % убыли населения [3].

На 1 января 2013 года по предварительным данным Госкомстата в России было 143 млн. 369 тыс. постоянных жителей. В 2012 году население России практически впервые за двадцать лет суверенного существования выросло, превысив 143 млн. человек. Максимум численности населения пришелся на 1992 год (148,56 млн. чел.), с тех пор эта цифра монотонно снижалась. На 1 января 2011 в России было зарегистрировано 142 млн. 865 тыс. жителей, причем экономически активное население составляет 52 %. Если отмечать миграционный прирост, то в 2010 году он составил 158 тыс. человек, а уже в 2011 году — 320 тыс. человек [5].

В связи с высокой интенсивностью взаимных миграционных потоков между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, еще до создания Союзного государства, Высшим Советом сообщества Беларуси и России 22 июня 1996 года было подписано решение № 4 «О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий» [4]. В соответствии с которым, к гражданам Беларуси в России и к гражданам России в Беларуси не применялся действующий на основе национального законодательства порядок регулирования привлечения и использования иностранной рабочей силы и белорусам и россиянам были предоставлены на территориях России и Беларуси соответственно равные права на трудоустройство, оплату труда, режим рабочего времени, охрану и условия труда и другие социально-правовые гарантии.

24 января 2006 года Договором между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о сотрудничестве в области социального обеспечения урегулированы вопросы обеспечения равных прав и предоставления гарантий гражданам Беларуси и России в области

пенсионного обеспечения и социального страхования, тогда же было подписано Соглашение между об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств — участников Союзного государства [2].

В соответствии с указанными нормативными актами, граждане Республики Беларусь в России, как и граждане России, находящиеся на территории Беларуси, пользуются исключительным привилегированным статусом по сравнению с мигрантами из других государств, так как белорусы и россияне являются одновременно гражданами Союзного государства. Однако, наличие этого преимущественного статуса не освобождает граждан России и Беларуси от основных процедур, предусмотренных национальными миграционными законодательствами принимающих государств, действующих в области учета и контроля пребывания на территории принимающего государства иностранных граждан. А именно: регистрации по месту пребывания, наличия законных источников доходов, получения вида на жительство, получения гражданства России или Беларуси.

Одно из основных преимуществ для граждан Республики Беларусь на территории России, и для граждан России на территории Республики Беларусь, — это возможность оформления и получения разрешения на постоянное проживание (вида на жительство) в принимающем государстве без промежуточной стадии — получения разрешения на временное проживание, которое в обязательном порядке необходимо пройти иммигрантам из других государств для возможности оформления и получения разрешения на постоянное проживание в России или Беларуси. Согласно ст. 4 указанного Соглашения между Российской Федерацией и Республикой Беларусь об обеспечении равных прав граждан на свободу передвижения факт принадлежности лица к гражданству одной из Сторон является основанием для получения разрешения на постоянное жительство (подачи заявления о выдаче вида на жительство) без учета срока временного пребывания и получения разрешения на временное проживание на территории другой Стороны. При этом заявления граждан одной Стороны о получении разрешения на постоянное жительство (выдаче вида на жительство) на территории другой Стороны рассматриваются компетентными органами этой другой Стороны в первоочередном порядке в возможно короткие сроки [2].

Другие важные миграционные привилегии, которыми наделяются иммигранты-белорусы на территории России и иммигранты-россияне на территории Беларуси это: безвизовый въезд с одновре-

менным отсутствием необходимости оформления миграционной карты, возможность трудоустройства в государствах-членах Союза без необходимости получения официального разрешения на работу [2].

Главное отличие для россиян в Беларуси и для белорусов в России в том, что после заключения трудового договора в России граждане Беларуси могут оформить регистрацию по месту временного пребывания сроком, совпадающим со сроком трудового договора, но не более, чем на 1 год, а граждане Российской Федерации, заключившие трудовой контракт в Беларуси обязаны в установленном порядке получить разрешение на временное проживание на срок действия трудового контракта, но не более чем на 1 год.

Если в Республике Беларусь все заключаемые с работодателем трудовые контракты являются срочными, независимо от основания заключения, то Трудовой кодекс Российской Федерации определяет перечень оснований для заключения срочного трудового договора и не содержит такого основания срочности как наличие работника — иностранного гражданина. Таким образом, российский работодатель должен, в соответствии с трудовым законодательством, заключать с белорусом бессрочный трудовой договор, однако, пребывать в России законно белорус может не более одного года. Это один из спорных и неразрешенных на законодательном уровне России вопросов, связанных с трудовыми мигрантами. Кроме того, полисы обязательного медицинского страхования в России выдаются также с жесткой привязкой к срокам официально разрешенного пребывания (проживания) в России.

Наличие номинального гражданства Союзного государства у россиян и белорусов, не является основанием наделения их на территориях союзных государств всеми правами, которыми пользуются граждане принимающей стороны, хоть это и провозглашается действующими двусторонними договорами. Предоставляемые же взаимным мигрантам права жестко увязаны с необходимостью соблюдения и исполнения ими требований миграционных режимов государства пребывания. Являясь гражданином Союзного государства, мигрант из Беларуси в России, и из России в Беларуси, также как и мигрант из любого иного государства, может стать незаконным мигрантом, если вовремя не встал на миграционный учет, не зарегистрировался (не продлил регистрацию) по месту пребывания, проживания, нарушил иные нормы национального миграционного законодательства.

К нарушителям миграционного законодательства или к нежелательным на территории России или Беларуси гражданам второго государства (несмотря на то, что они являются гражданами Союзного

государства) могут применяться все возможные меры воздействия (депортация, административное выдворение в России, высылка и депортация в Беларуси). Например, из Беларуси в 2011 году выслано 10 граждан России, в России в 2011 году принято решение о депортации 1 гражданина Беларуси. «Порядка 400000 человек — такое количество иностранных граждан не может присутствовать на территории Беларуси, при этом почти половина из этой цифра граждане России» (И. Рачковский — глава Государственного пограничного комитета Республики Беларусь) [6].

Следует отметить существенные различия в области применения государственных и административных мер наказания к мигрантам в России и Беларуси, в том числе и к гражданам Союзного государства. Например, значительно отличаются по процедурам применения такие виды взысканий как депортация (в России — это мера государственного пресечения, а в Беларуси — мера административной ответственности), высылка — мера государственного пресечения в Беларуси (в России отсутствует мера воздействия к мигрантам с таким названием), административное выдворение в России — мера административной ответственности (в Беларуси это словосочетание является пояснением к термину депортация в Кодексе об административных правонарушениях Республики Беларусь).

Декларируя заинтересованность в притоке мигрантов-соотечественников из-за рубежа, получение гражданства России белорусом, как и получение гражданства Беларуси россиянином, по-прежнему происходит в общем порядке в соответствии со своевременно оформленными миграционными документами (выполнением правил миграционного учета государства пребывания) и соблюдением ценза оседлости (5 лет постоянного проживания в России, 7 лет — в Беларуси), и не имеет преимуществ для указанных мигрантов ни по процедуре, ни по срокам.

Автор считает, что для россиян в Беларуси и для белорусов в России могли бы быть введены максимально благоприятные правила получения гражданства государства пребывания. Для этого следует изменить требования ценза оседлости для взаимных мигрантов, а именно, установить условие пребывания мигранта на территории принимающего государства (неважно в каком статусе — пребывания или проживания) 1 год, при этом предусмотреть возможность сохранения национального гражданства.

На основании изложенного можно сделать вывод, что в принципе правовое пространство, обеспечивающее развитие трудовой миграции в рамках Союзного государства сформировано. Действующая

нормативная база направлена на защиту прав и гарантий белорусских и российских трудящихся-мигрантов при трудоустройстве в Российской Федерации и Республике Беларусь соответственно. Однако, следует продолжать работу по совершенствованию миграционных правил, принять единый для России и Беларуси закон Союзного государства «О миграции», которым были бы определены основные направления миграционной политики Союзного государства Беларуси и России, возможные правовые статусы мигрантов (с едиными процедурами получения и единым комплексом прав и обязанностей), четко указаны взаимные преимущества мигрантам — гражданам государств-членов Союза, определены единые по названию и процедурам меры государственного и административного воздействия, применяемые ко всем мигрантам, а также меры воздействия, применяемые (неприменяемые) к мигрантам — гражданам Союзного государства на территории государств-членов Союза. Содержащиеся в различных правовых актах как международного, так и национального характера, правовые льготы и преимущества россиян и белорусов должны быть сведены в один нормативный правовой акт, единообразно действующий на всей территории Союзного государства Беларуси и России.

Список литературы:

1. Договор о создании Союзного государства от 08 декабря 1999 года. Федеральный закон от 02.01.2000 № 25-ФЗ. Собр. законодательства РФ. 2000. № 2. Ст. 146.
2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о сотрудничестве в области социального обеспечения (Санкт-Петербург, 24 января 2006 г.)// Собрание законодательства Российской Федерации от 9 апреля 2007 г. № 15 с. 1745.
3. Миграционная политика Республики Беларусь. Исполнительный комитет СНГ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.minsk.by>.
4. Решение Высшего Совета Сообщества Беларуси и России от 22 июня 1996 г. № 4 «О равных правах граждан на трудоустройство, оплату труда и предоставление других социально-трудовых гарантий» // Ведомственное приложение к «Российской газете» от 28 сентября 1996 г.
5. Россия 2012: статистический справочник. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.gks.ru/free_doc/doc_2012/rus12.pdf.
6. Россия не пускает в Беларусь [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.uowz.org/2011/05/25/rossian_ne_puskayut_v_bielarus.html.

СЕКЦИЯ 2.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕУГОЛОВНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С НАСИЛЬСТВЕННЫМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ В СФЕРЕ СЕМЕЙНО-БЫТОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ефимова Мария Прометеевна

*старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса ЮФ
Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова
г. Якутск*

E-mail: prometeevna@mail.ru

Насильственные преступления занимают лидирующее место в системе всей преступности. Убийства, причинение тяжкого вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязания, изнасилования, имущественные преступления, сопряженные с применением насилия всегда составляли большую долю в структуре преступности, что свидетельствует о высоком проценте агрессии в обществе.

Согласно официальной статистике сайта МВД РФ, в 2008 г. было зарегистрировано всего преступлений — 3209862, из них тяжких и особо тяжких — 851392. Убийство и покушение на убийство — 20056; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 45436 [11].

В отчетном периоде 2009 г. зарегистрировано всего преступлений — 2994820, на 6,7 % меньше, чем в 2008 году. Из них тяжких и особо тяжких — 796224. Убийство и покушение на убийство — 17681; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 43112. В результате преступных посягательств погибло 46,1 тыс. человек, здоровью 55,4 тыс. человек причинен тяжкий вред здоровью (+9,0 %). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных возрос до 26,6 %.

Почти каждое восьмое преступление из общего числа зарегистрированных, совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения (13,0 %) [11].

В период 2010 г. зарегистрировано всего преступлений 2628799, на 12,2 % меньше чем за аналогичный период 2009 года. Из них тяжких и особо тяжких преступлений зарегистрировано — 684347. Убийство и покушение на убийство — 15563; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 39745. В результате преступных посягательств погибло 42 тыс. человек (8,9 %), здоровью 50,8 тыс. человек причинен тяжкий вред (8,3 %). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных снизился до 26,0 %. Почти каждое шестое преступление из общего число зарегистрированных, совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения (16,6 %) [11].

В 2011 г. зарегистрировано всего преступлений 2404807, на 8,5 % меньше чем за аналогичный период 2010 года. Из них тяжких и особо тяжких преступлений зарегистрировано — 607507. Убийство и покушение на убийство — 14305; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью — 38512. В результате преступных посягательств погибло 40,1 тыс. человек (4,5 %), здоровью 49,4 тыс. человек причинен тяжкий вред (2,8 %). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных снизился до 25,3 %. Почти каждое пятое преступление из общего число зарегистрированных, совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения (20,1 %) [11].

В 2012 г. зарегистрировано всего преступлений 2302,2 тыс. преступлений, на 4,3 % меньше чем за аналогичный период 2011 года. В результате преступных посягательств погибло 38,7 тыс. человек (-3,4 %), здоровью 50,6 тыс. человек причинен тяжкий вред (+2,4 %). Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, в числе зарегистрированных сократился с 25,3 % по сравнению с 2011 г. до 24,8 %. Каждое четвертое преступление из общего число зарегистрированных, совершено лицами в состоянии алкогольного опьянения (25,1 %) [11].

Основная масса убийств имеет бытовой характер, они совершаются в результате конфликта, который является логическим завершением длительных напряженных отношений либо совместного распития напитков. В убийстве, совершенном в состоянии опьянения, итог в известной степени случаен, неожидан (в том числе для убийцы), однако сама пьянка, приведшая к нему, закономерна [4, С. 356].

Высокая криминогенная роль пьянства в этиологии насильственных преступлений общеизвестна. Примерно 70 % тяжких насильственных преступлений против личности (убийств, причинения тяжкого вреда здоровью, изнасилований) и более 90 % актов уголовно наказуемого хулиганства совершается лицами, находящимися в состо-

янии опьянения. Значительная часть этих преступлений, особенно совершаемых в семейно-бытовой сфере, связана с хроническим алкоголизмом и алкогольной деградацией личности [6, с. 462].

В Российской Федерации на 2010 год (по данным ФГБУ «Национальный научный центр наркологии России») состояло на учете в наркологических учреждениях — 2 097692 человека; общая заболеваемость алкоголизмом (включая алкогольные психозы) в 2010 году составила 1478,1 на 100 тыс. населения; первичная заболеваемость в РФ — 108,5 на 100 тыс. [2].

Число больных алкоголизмом в России, зарегистрированных наркологической службой в 2011 г., составило 2003021 человек, или 1402,0 в расчете на 100 тыс. населения, что составляет почти 1,4 % общей численности населения. Это число включает больных алкоголизмом и алкогольными психозами [2].

Данные по алкоголизму, опубликованные в отчете НИИ Росстата по итогам 2011 года, свидетельствуют, что фактически в стране насчитывается 12 миллионов злоупотребляющих алкоголем, около 4,5 миллиона наркоманов и пробовавших наркотики и более 1 миллиона беспризорников и детей, оставшихся без попечения родителей или проживающих в неблагополучных семьях [12].

Не менее важную криминологическую и социальную проблему представляет собой безработица, особенно, коснувшаяся трудоспособного поколения, а также в сельской местности. Этот аспект требует отдельного исследования и анализа показателей.

Общая численность безработных на январь 2012 г. составила 4,9 млн. человек. Снижение (январь 2012 г. к январю 2011 г.) — на 15,5 %. В государственных учреждениях службы занятости населения зарегистрировано в качестве безработных 1,3 млн. человек, в том числе 1,1 млн. человек получали пособие по безработице. Сельские жители составляли среди безработных 1,941 тыс. человек, или 39,5 %.

Безработица в значительной степени является застойной, особенно в сельской местности. Из 1,9 млн. безработных сельских жителей 42 % находились в ситуации застойной безработицы (искали работу 12 месяцев и более), из 3 млн. безработных городских жителей — 30,2 % [5].

Согласно данным МВД РФ, в 2008 году выявлено 1256,2 тыс. лиц, совершивших преступления. Удельный вес лиц без постоянного источника дохода 60,8 %, а удельный вес ранее судимых лиц 23,8 % [11].

В 2009 году выявлено 1219,8 тыс. лиц, совершивших преступления, удельный вес лиц без постоянного источника дохода

возрос с 60,8 % в январе-декабре 2008 года до 64,4 %, а удельный вес ранее судимых лиц — с 23,8 % до 23,9 % [11].

В период 2010 года выявлено 1111,1 тыс. лиц, совершивших преступления (8,9 %), удельный вес лиц без постоянного источника дохода возрос с 64,4 % в январе-декабре 2009 года до 65,7 %, а удельный вес ранее судимых лиц — с 23,9 % до 26,5 % [11].

В период 2011 года выявлено 1041,3 тыс. лиц, совершивших преступления (6,3 %), удельный вес лиц без постоянного источника дохода возрос с 65,7 % в январе — декабре 2010 года до 66,3 %, а удельный вес ранее судимых лиц — с 26,5 % до 28,7 % [11].

В 2012 году выявлено 1010,9 тыс. лиц, совершивших преступления, удельный вес лиц без постоянного источника дохода возрос с 66,4 % в январе-декабре 2011 года до 66,7 %, а удельный вес ранее судимых лиц — с 28,7 % до 32,3 % [11].

Согласно официальной статистике, удельный вес лиц без постоянного источника дохода и ранее судимых, совершивших преступления, из года в год растет. Государству необходимо предпринять конкретные меры по преодолению безработицы и организации социальной адаптации лиц, ранее судимых. Федеральным Законом РФ от 06.04.2011 г. «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [14] регулируются отношения, связанные с оказанием уполномоченными на то органами индивидуального профилактического воздействия, направленного на предупреждение совершения новых преступлений данными лицами. Названный нормативно-правовой акт в большей мере устанавливает ряд определенных запретов и ограничений, нежели дальнейшую организацию лиц, имеющих судимость. Уполномоченным органам необходимо организовать целенаправленную работу по оказанию конкретной помощи судимым лицам в социальной адаптации, разрешить вопросы не только трудоустройства, но и предоставления временного места жительства, профессиональной переподготовки и др.

Безработица, бедность, нищета порождают депривацию, пьянство, алкоголизм, ощущение ненужности, выброшенности из общества, которые выступают непосредственными причинами преступности. Одновременно идет процесс криминализации образа жизни, навязанный новыми условиями, обусловленный необходимостью физического выживания [4, с. 77].

На этом фоне высокими статистическими показателями обладает насильственная преступность, совершаемая в сфере семейно-бытовых отношений. Исследователи семейного насилия полагают, что не меньшая часть преступлений против жизни и здоровья совершаются именно

в сфере семьи и быта. В этой же сфере отношений совершаются в значительной мере преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Исследователи-теоретики, а также практические работники предпочитают рассматривать данную группу преступлений отдельно от блока семейно-бытовых преступлений. Полагая, что в основу такого деления должен лежать видовой и непосредственный объекты преступного посягательства. По общепринятому мнению, «традиционными» преступлениями для сферы семейно-бытовых отношений являются такие деяния — как умышленное убийство, убийства со смягчающими вину обстоятельствами, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, побои, истязания, угроза убийством или причинением вреда здоровью и др. Тем не менее, нельзя не согласиться с мнением, что изнасилования, насильственные действия сексуального характера, совершенные в отношении малолетних в том же самом кругу семейных отношений, также следует рассматривать как семейно-бытовую преступность, потому как здесь затрагиваются не только половая неприкосновенность малолетнего, его физическое и нравственное развитие, а также интересы семьи.

Причины бытового насилия не коренятся, в каком-то одном социальном явлении, а состоят из совокупности условий объективного и субъективного плана во всем их многообразии. Но как бы они не переплетались, все отражаются в личностных свойствах и качествах бытовых преступников, превращаясь в причину бытовых преступлений. Бытовое насилие себя воспроизводит. Насилие, направленное против детей, порождает агрессию и воспитывает жестокость, а значит, воспроизводит новых насильников [10, с. 103].

Анализируя причины и условия тяжких бытовых преступлений, связанных с насилием над личностью, с увеличением агрессии и жестокости, нельзя не заметить падение нравственных и культурных качеств значительной части малоимущего населения. Это в основном связано с увеличением пьянства, наркомании и безработицы, а также полного отсутствия условий для социальной адаптации лиц, вернувшихся из мест лишения свободы и попадающих в экстремальную обстановку выживания. Это порождает рост рецидивной преступности насильственного характера, увеличивается удельный вес преступных посягательств с глумлением над людьми, с элементами цинизма и бездушия [10, с. 88].

Семейными преступлениями наносится семье далеко не только материальный ущерб. Нередко вред бывает выражен (что чаще всего бывает) и в нанесении ущерба здоровью людей. Порой это не только влияет на психику человека, но и приводит его к нетрудоспособности,

делает инвалидом, калекой. Вред бывает, связан и с насильственным лишением жизни человека. Последствия преступлений отрицательно влияют также и на семейные интересы, связанные с образованием, воспитанием, формированием личности и вообще. Семейные преступления объективно направлены против семейных ценностей. Вред семейным интересам наносится уже самим фактом совершения семейного преступления. Причем от преступлений страдают не только интересы сами по себе, но и социально-экономические и иные семейные условия. Последствия семейных преступлений всегда выступают в виде определенного вреда [1, с. 74].

Основными детерминантами семейного насилия являются:

- недостатки семейного воспитания;
- недостатки школьного воспитания;
- длящиеся семейные конфликты;
- неумение разрешать конфликты мирным путем;
- алкогольная деградация;
- аморальное поведение самих потерпевших;
- материальная неудовлетворенность;
- жилищные проблемы;
- проблемы с трудоустройством;
- слабая работа органов опеки и попечительства, в частности по выявлению неблагополучных семей и дальнейшей организации из этих семей детей;
- нереагирование правоохранительных органов на семейные конфликты и др.
- психические аномалии;
- отсутствие государственной помощи лицам, пострадавшим от насилия в семье и т. д.

Не менее актуальной проблемой является предупреждение насильственных преступлений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений.

Государство предпринимало и предпринимает различные меры, направленные на сдерживание роста преступности и минимизации ее последствий. Однако в условиях противоречивого государственного и общественного развития в настоящее время реально действующим средством борьбы с преступностью, к сожалению, выступают уголовная ответственность и наказание, т. е. «силовые» методы. Но, как свидетельствует опыт, эти методы в сущности своей противоречивы, сдерживая преступность, но способны породить и порождают новые сложные негативные проблемы [9, с. 49].

В России вопросам защиты детей от семейного насилия практически уделяется крайне мало внимания, несмотря на обилие по этой проблеме законов и целевых программ. Все они в большинстве разделов и пунктов носят декларативный характер, практически претворяясь в жизнь лишь в экспериментальном порядке [10, с. 113].

Необходимо принятие общероссийского основополагающего акта, определяющего основы системы профилактики. Его отсутствие сдерживает и принятие иных важных для развития этой системы нормативных правовых актов, в том числе об участии общественности в обеспечении правопорядка и законности. Кроме того, необходимо принятие и таких федеральных законов профилактической направленности, как о прекращении насилия в семье, о социально-правовом контроле за лицами, освобожденными из мест лишения свободы, об оказании им помощи в социальной адаптации и др. [9, с. 49].

Особое внимание следует уделить социальным мерам предупреждения семейного насилия.

Пропаганда государством здорового образа жизни, уважительного отношения к личности, сострадания, взаимопомощи и т. п.

Совершенствование деятельности СМИ, прекращение трансляции культа насилия. Усовершенствование досуга населения, в первую очередь несовершеннолетних. Массовая доступность различных спортивных секций, бассейнов, тренажерных залов и т. п. Многие семьи просто не в состоянии оплачивать посещение их детьми зачастую дорогих досуговых мероприятий.

Требует совершенствования работа участковых уполномоченных полиции с населением, работа инспекторов по делам несовершеннолетних, деятельность органов опеки и попечительства. Участковые уполномоченные органов полиции должны своевременно реагировать на поступающие сигналы от «потенциальных» жертв семейного насилия.

Серьезное внимание следует уделить уголовно-правовой профилактике насильственных преступлений. Важную профилактическую роль в этом плане играют нормы Особенной части УК РФ с так называемой двойной превенцией. Эти нормы об уголовной ответственности за деяния, создающие условия и непосредственную обстановку для совершения других, более тяжких преступлений. Речь идет именно о двойной превенции, двойном профилактическом действии таких норм — против деяний, для борьбы с которыми они непосредственно предназначены, и против тяжких преступлений, для которых создается благоприятная почва, если указанные деяния останутся без реагирования. Эффективность их профилактического воздействия связана главным образом с обеспечением своевремен-

ности ответственности за деяния, создающие условия для совершения других, более опасных преступлений. Более 10 % убийств можно было бы предотвратить, если бы своевременно применялась норма об ответственности за угрозу убийством и причинением тяжкого вреда здоровью [7, с. 123].

Необходимо создать различные Центры помощи пострадавшим от насилия в семье. Такие Центры должны оказывать психологическую и юридическую помощь пострадавшим, по возможности предоставлять временное жилье, а также помощь в социальной реабилитации.

В России нет соответствующего законодательства и служб, которые бы осуществляли профилактику домашнего насилия, коррекцию поведения преступника, дальнейший надзор за ним и за семьями, находящимися в опасном положении. Из-за отсутствия своего жилья потерпевшие продолжают проживать совместно с преступником и вести с ним общее хозяйство. В России всего 21 кризисный центр для женщин на 200 мест, при необходимости в 15000 мест [13, с. 14].

В силу особой сложности внутрисемейных отношений оказать эффективную помощь в предупреждении семейного насилия может только опытный психолог и другие специалисты этой области. Поэтому для успешного предупреждения насилия в отношении женщин в семье необходимо создавать реабилитационные службы (центры) социально-психологической помощи семьям с нарушенными эмоционально-психологическими взаимоотношениями между ее членами, женщинам и детям, подвергающимся насилию в семье. Подобные службы будут способствовать устранению неблагоприятного эмоционально-психологического климата в семье, конфликтных отношений между ее членами, снижению эмоциональной напряженности в их отношениях за счет осмысления сложившейся ситуации и поиска путей ее разрешения. Указанные службы необходимо создавать при каждой районной администрации с подчинением областной службе (службе субъекта РФ) [3, с. 39].

В США, Германии, Японии и ряде других стран повсеместно действуют программы специализированной помощи жертвам преступлений, включающие меры оказания необходимой медицинской и психологической помощи, материальную поддержку для наиболее нуждающихся, услуги правового характера, в том числе по установлению опеки над потерпевшими в период следствия и судебного процесса. Подобные меры, к сожалению, отсутствуют в России, и это связано с тем, что защита жертв преступлений по разным причинам до сих пор не в полной мере вписывается в национальную

уголовную политику. Важно иметь в виду, что реализация виктимологического направления предупреждения преступности во многом зависит от масштабных правовых, социальных и организационных изменений в обществе в отношении жертв преступлений. Для развития в России виктимологической профилактики необходимо:

- разработать виктимологическую идеологию, направленную на переориентацию общества с проблем только преступника, на проблемы жертв преступлений (как на уровне простых граждан, так и на уровне сотрудника правоохранительных органов);
- создать систему специального законодательства, направленного на обеспечение прав жертв преступлений и организацию справедливого обращения с ними. Федеральный закон РФ от 20 августа 2004 г. «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [15] реализуется не в полной мере в связи с недостаточностью финансирования;
- организовать эффективное ресурсное обеспечение деятельности правоохранительных органов по обращению с жертвами преступлений и жертвами злоупотребления властью;
- укрепить взаимодействие между гражданами и системой уголовной юстиции [8, с. 29].

Для повышения эффективности профилактической деятельности необходимо совершенствовать формы и методы виктимологической профилактики. Это позволит охватить превентивным воздействием миллионы людей — потенциальных жертв преступлений [9, с. 49—50].

Необходимо разработать целый комплекс административных, уголовных, гражданско-правовых и социально-правовых мер предупреждения насилия в семье. Это должно стать основой политики государства в области охраны семьи и детства.

Список литературы:

1. Боков А.В. Организация борьбы с преступностью: Монография. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. — 175 с.
2. Всемирный день трезвости и борьбы с алкоголизмом 3 октября 2012 года // dcgb.ru [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.dcgb.ru/news/120.html> (дата обращения 12.01.2013 г.).
3. Ильяшенко А.Н. Насильственные преступления в отношении женщин: состояние, причины, предупреждение // Российский следователь. 2001. № 1.
4. Клеймёнов М.П. Криминология: учебник / М.П. Клеймёнов. — М.: Норма, 2009. — 448 с.

5. Костина М.В. Основные социально-экономические показатели Российской Федерации в 2011 году // Политическое просвещение. 2012. № 3 (68). [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.politpros.com/journal/header/?journal=119> (дата обращения 15.01.2013 г.).
6. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. — М.: Норма, 2009. — 800 с.
7. Криминология: учеб. пособие / Г.И. Богуш [и др.]; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. — М.: Проспект, 2008. — 328 с.
8. Окс Л.Е. Некоторые проблемы совершенствования правового обеспечения виктимологической профилактики преступлений // Российский следователь. № 5. 2009.
9. Перминов О.Г., Кипман Н.Н. О профилактике преступлений // Российская юстиция. 2009. № 2.
10. Сердюк Л.В. Насилие: криминологическое и уголовно-правовое исследование. Под ред. Заслуженного деятеля науки РФ, докт. юрид. наук, проф. Щербы С.П. М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2002. — 384 с.
11. Состояние преступности // Пресс центр: официальный сайт МВД РФ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports> (дата обращения 15.01.2013 г.).
12. Статистика алкоголизма в России // Как бросить пить: официальный сайт [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://nodrink.me/articles/statistika-alkogolizma-v-rossii> / (дата обращения 15.01.2013 г.).
13. Сухарева Н.В. Домашний произвол // Новая адвокатская газета. — 2011. № 07. 16—31 марта 2011.
14. Федеральный закон от 06.04.2011 № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».
15. Федеральный закон от 20.08.2004 № 119-ФЗ (ред. от 30.11.2011) «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс». (дата обращения 15.01.13 г.)

СЕКЦИЯ 3.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕЙДЕРСКИМ ЗАХВАТАМ (ЗАВЛАДЕНИЯМ) ОБЪЕКТОВ «МАЛОГО БИЗНЕСА»

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры экономико-управленческих
и правовых дисциплин Российского государственного гуманитарного
университета, филиал г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

При квалификации преступлений в сфере экономики, таких как «рейдерство», одним из определяющих является объект преступления. Статья посвящена правовым определениям понятий «бизнес» и «малый бизнес». Для определения понятия «бизнеса» как объекта преступления в сфере экономики, прежде всего, необходимо обратиться к основам регулирования правового явления «бизнес» и «предпринимательская деятельность». Определения ученых-юристов и специалистов в области экономики А. Хоскинга [7], Р. Хизрича [6], С. Жилинского [2], Н.Х. Леффа [4] и других, имеют научное и практическое значение, вместе с тем, раскрывают только отдельные аспекты регулирования данной проблемы: лицензирование, формы организации юридического лица, занимающегося предпринимательством, условия организации и видов деятельности бизнесмена.

Бизнес (дело, коммерческая деятельность) — совершение коммерческих операций по производству, обмену, реализации товаров и услуг, результатом которых может быть получение прибыли или несение убытков. Бизнес — понятие более широкое, чем предпринимательская деятельность. Однако, отличия бизнеса от предпринимательской деятельности как совершения любых, в том числе разовых, коммерческих сделок в любой сфере деятельности, по мнению автора, безосновательно. Участие в бизнесе некоммерческих организаций и учреждений, не снимает с них обязанности регистрации, в том числе

в качестве юридического лица, в бизнесе участвуют и физические лица без образования юридического лица. Организационная и имущественная самостоятельность определяется наличием у предпринимателя обособленного имущества как экономической базы деятельности, возможности принятия самостоятельных решений в процессе коммерческой деятельности, начиная от решения заняться предпринимательством, выбора вида деятельности.

Отграничение «бизнеса» от «малого бизнеса», в основном не связано с квалификацией предпринимательской деятельности и составом имущественного комплекса, а основывается на признаке количества работающих на предприятии. Следовательно, для правового определения понятия «бизнес» и «малый бизнес» как объектов «рейдерства» и других преступлений экономической направленности, отграничения деяния от иных составов преступлений, направленных против предпринимательской деятельности, по мнению автора, необходимо законодательно закрепить сущность понятий «бизнес», в том числе «малый бизнес». Необходимо отграничить общественно опасное деяние «рейдерство» от смежных форм преступного поведения, направленного на воспрепятствование предпринимательской деятельности, включающим посягательство на имущественный комплекс предприятия.

На практике, предприниматель, права которого были нарушены незаконным вмешательством должностного лица либо нормативными актами, принятыми должностными лицами, обжалует действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления в арбитражный суд. В условиях малых форм предпринимательства, их материального и финансового благополучия, обращение в судебные инстанции малоэффективно, так как сроки рассмотрения дела не соотносимы с возможностями малого предприятия поддерживать и обеспечить одновременно производственную деятельность и судебный процесс.

Выделение специального состава — воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности — заключается в попытке законодателя подчеркнуть особую важность объекта, свободы и конституционных гарантий экономической деятельности. Однако, отсутствием определения «бизнеса» и «малого бизнеса», препятствует обеспечению безопасности именно малых предприятий. Объект — воспрепятствование законной предпринимательской деятельности — установленный и охраняемый законом в интересах индивидуальных предпринимателей и коммерческих организаций, не представляет сущностного определения «предпринимательская деятельность». Следует учитывать, что практика рейдерских захватов

предприятий малого бизнеса представляет собой действия, направленные не на отдельное предприятие, а на сеть предприятий или отдельную отрасль либо подотрасль предпринимательской деятельности.

Таким образом, бизнес (малый бизнес) и предпринимательская деятельность самостоятельная, осуществляемая на свой риск, направленная на получение прибыли от использования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в качестве юридических лиц, имеющих во владении и пользовании имущественный комплекс, обеспечивающий выполнение уставных задач бизнеса. Организационная и имущественная самостоятельность определяется наличием у предпринимателя обособленного имущества как экономической базы деятельности и возможности принятия самостоятельных решений в процессе коммерческой деятельности.

Факт нарушения свободы экономической деятельности, независимо от объема производственной деятельности и ее организации, по мнению законодателя, заслуживает уголовной ответственности, если воспрепятствование законной предпринимательской деятельности принесло крупный ущерб от действий должностного лица, заключавшихся в воспрепятствовании в той или иной форме.

Для крупных предприятий, ущерб может выражаться как в виде реального материального ущерба, так и главным образом в виде упущенной выгоды, неполучении доходов, которые предприниматель получил бы при условии, если бы права не были нарушены (ч. 2 ст. 15 ГК РФ [1]). Вместе с тем, для предприятий малого бизнеса размеры ущерба обычно выражены в прекращении деятельности. Ограничение круга субъектов, воспрепятствовавших законной предпринимательской деятельности, признание таким субъектом только должностного лица, использующего свое служебное положение, существенно затрудняет выбор способов защиты от рейдерского захвата (завладения) малым бизнесом.

На практике должностное лицо является соучастником рейдерского захвата предприятия, иногда даже организатором рейдерской атаки. Однако он лично не препятствует законной предпринимательской или иной деятельности путем неправомерного отказа в регистрации или уклонения от регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица, отказа в выдаче или уклонения от выдачи специального разрешения (лицензии) на право осуществления определенной деятельности. Данные действия совершаются лишь теми должностными лицами, которые уполномочены принимать решения о регистрации или выдаче лицензии. Другие должностные лица при наличии сговора с должностным лицом, уполномоченным

на принятие решения, являются лишь соучастниками преступления, могут совершаться любыми должностными лицами государственных органов (федеральных и субъектов РФ), органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, а также представителями правоохранительных органов.

Предприниматель, чьи права были нарушены незаконным вмешательством должностного лица (отказ в регистрации, выдаче лицензии, ограничение самостоятельности и т. п.), в соответствии с Конституцией РФ (ст. 46) [3], статьями 11, 12, 13 ГК РФ [1] и другими нормативными актами обжалует действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления в арбитражный суд, и в соответствии со ст. 13 ГК РФ [1] ненормативный акт государственного органа или органа местного самоуправления (в случаях, предусмотренных законом нормативный акт), не соответствующие закону или иным правовым актам и нарушающие гражданские права и охраняемые законом интересы гражданина или юридического лица, могут быть признаны судом недействительными. Таким образом, при наличии составов воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности (ст. 169 УК РФ) [5], злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) [5] и превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) [5], расследование переводится в рамки гражданского судопроизводства.

Смысл выделения специального состава воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности заключается в попытке законодателя подчеркнуть особую важность объекта, как свобода и конституционные гарантии экономической деятельности. Однако, более тяжкие преступления — злоупотребление должностными полномочиями или превышение должностных полномочий, блокируют криминальную оценку деяний воспрепятствования законной предпринимательской деятельности, отнесенной законодателем к числу преступлений, небольшой тяжести и поглощаются последней.

Основные принципы и гарантии осуществления экономической деятельности в Российской Федерации закреплены в ст. 8 Конституции РФ [3], к ним относятся: единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, гарантируется юридическое равенство всех форм собственности (частной, государственной, муниципальной). Недопустимость установления каких-либо привилегий или ограничений для тех или иных форм или субъектов хозяйственной деятельности.

Положения Конституции РФ получили свое развитие в нормах статьи 2 Гражданского Кодекса РФ [1]. Гражданское законодательство

определяет правовое положение участников гражданского оборота, основания возникновения и порядок осуществления права собственности и других вещных прав, прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненные к ним средства индивидуализации (интеллектуальных прав). Регулирует договорные и иные обязательства, а также другие имущественные и личные неимущественные отношения, основанные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием, исходя из того, что предпринимательской является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке. В статье 132 ГК РФ законодатель указывает, что предприятием как объектом прав признается имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности. И определяет, что предприятие в целом как имущественный комплекс признается недвижимостью, а в состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (фирменное наименование, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором. Законодатель, регулируя предпринимательскую деятельность, сводит все к определению имущественного комплекса, а при совершении сделок с предприятием их предметом являются все перечисленные виды имущества. Таким образом, определение имущественного комплекса, как основного показателя определения «бизнес», не является главенствующим при определении понятия «малый бизнес», и наоборот, деятельность малого предприятия построена на эксплуатации имущества, оборудования, аренды производственных помещений, не являющихся собственностью бизнесмена. Вместе с тем, указание того, что совершение сделок с предприятием (например, продажа) не влечет прекращения производственной или иной предпринимательской деятельности, должно иметь существенное значение. В законе требуется внести дополнение, определяющее понятие «работающего» предприятия либо «действующего» малого бизнеса.

Таким образом, в ходе рейдерского захвата, действия рейдеров, направленные против имущественного комплекса, не находят правовой оценки как действия, направленные против предприятий малого бизнеса. При совершении сделок с имущественным комплексом юридического лица, малое предприятие является уже не единым имущественным комплексом, а лишь отдельными видами имущества. Вместе с тем, определение «бизнеса» не получило распространения в российском законодательстве.

Следовательно, для определения понятия «бизнеса» и «малого бизнеса» как объекта преступления в сфере экономики, общественной опасности «рейдерства», отграничения деяния от иных составов преступлений, направленных против предпринимательской деятельности, по мнению автора, необходимо законодательно закрепить сущность общественно опасного деяния (рейдерства) в целях отграничения от смежных форм преступного поведения, направленного на завладение «бизнесом», включающим имущественный комплекс предприятия и «малого бизнеса», воспрепятствующему предпринимательской деятельности «работающего» предприятия.

Автор, рассмотрев основные проблемы правового регулирования бизнеса и предпринимательской деятельности, предлагает внести изменения в законодательство, направленные на обеспечение охраны интересов бизнеса, способов противодействия рейдерским захватам (завладениям) предприятиями в уголовное, гражданское и административное законодательство.

Список литературы:

1. Гражданский Кодекс РФ // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/5_1.html#p54.
2. Жилинский С. Правовая основа предпринимательской деятельности. — М., 1998.
3. Конституция Российской Федерации / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/>.
4. Лефф Н.Х. Черты современного предпринимателя / [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://gendocs.ru/v39507/>.
5. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ с изм. 07.03.2011 г. № 26-ФЗ // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/>.
6. Хизрич Р., Петере М. Предпринимательство, или как завести собственное дело и добиться успеха, вып. 1., М., гл. 1, с. 11—50.
7. Хоскинг А. Среда предпринимательства. Курс предпринимательство. — М., 1993, с. 22—25.

СЕКЦИЯ 4.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ, НОСЯЩЕЙ КОРРУПЦИОГЕННЫЙ ХАРАКТЕР

ОТГРАНИЧЕНИЕ «ВЗЯТОЧНИЧЕСТВА» ОТ ИНЫХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Андреева Любовь Александровна

*канд. юрид. наук, доцент кафедры экономико-управленческих
и правовых дисциплин Российского государственного гуманитарного
университета, филиал г. Великий Новгород
E-mail: andreeva56@mail.ru*

Андреев Сергей Юрьевич

*студент 3 курса Российского государственного гуманитарного
университета, филиал г. Великий Новгород
E-mail: ala56@list.ru*

Характеризуя современное влияние коррупции на эффективность реализации норм закона, учитывая степень угрозы безопасности государства, очевидно, что в сложившейся ситуации противостояние коррупционной преступности должно стать приоритетным направлением.

Следует отметить, что термин «коррупция», охватывающий сложное социальное явление, пока не нашел надлежащего отражения в российском законодательстве, не наделен конкретным юридическим содержанием.

Существование мер противодействия коррупции и взяточничеству можно наблюдать на ранних стадиях развития государства. Специфика взаимосвязи взяточничества с коррупцией выразилась в том, что коррупционные отношения включали в себя частичное использование взяток на поддержание системы мер самозащиты чиновничества, обеспечивающих безопасность их преступной деятельности. Эта ситуация складывается с коррупционными преступлениями в настоящее время.

В трудах многих отечественных историков, посвященных истории, становлению и развитию Российского государства, термин «коррупция» практически не используется, внимание обычно акцентировалось на мерах борьбы со взяточничеством.

В русском языке взяточничество исторически связано с терминами «лихоимство» и «мздоимство». В толковом словаре В.И. Даль дает толкование мздоимства и взяточничества: мздоимствовать — брать подарки, приношения, взятки; быть продажным человеком. В земле нашей мздоимствуется по обычаю. Мздолюбие — сильное расположение ко взяточничеству. Взятка — срыв, поборы, приношения, дары, гостинцы, приносы, пишкеш, бакшиш, хабара, могоарычи, плата или подарок должностному лицу, во избежание стеснений, или подкуп его на незаконное дело. Лихоимец — жадный вымогатель, взяточник [2, с. 121, 387].

Мздоимство упоминается в русских летописях XIV в. Взятки («посулы») — вознаграждение от лица, заинтересованного в исходе того или иного дела, как вид преступления упоминаются в Псковской судной грамоте (XIV в.), которая имела особую статью о «посулах» (ст. 48), запрещающую взимание тайных посулов, а взятополучателю предъявляется обвинение в грабеже («ино быть ему в грабежи») [1, с. 14]. В дальнейшем, ограничение коррупционных действий предпринималось Иваном III, а Иван Грозный впервые ввел смертную казнь в качестве наказания за «чрезмерность во взятках». В Судебнике 1550 г. было впервые введено наказание для взяточников — начиная от мелких канцелярских служащих — подьячих, кончая боярами. Законодательство было избирательно — наказания для бояр, решающих дела неправильно, по «посулам» (взяткам), были куда мягче, чем для подьячих [4, с. 36—37].

В связи с ростом коррупции, Петр I ужесточил меры по борьбе с ней. Например, в коррупции был изобличен и публично казнен сибирский губернатор Гагарин, а затем четвертован за взяточничество обер-фискал Нестеров, изобличивший Гагарина. Такая же участь постигла князя Кольцова-Массальского, сильно разжившегося лихоимством при управлении соляными сборами [1, с. 18]. Е.П. Карнович отмечает, что брали взятки богатейшие чиновники тогдашнего общества. Один из богатейших людей в Европе светлейший князь Александр Данилович Меншиков тем не менее вымогал взятки у шведского посланника барона Цедеркрейца (5 тыс. золотых монет), принял взятку от герцога Голштинского и его супруги (80 тыс. руб. и еще 20 тыс. «в качестве делового обязательства» [3, с. 17—18].

В XVII—XVIII вв. среди наиболее активных взяточдателей находились желающие стать владельцами казенных откупов: таможенных, заставных, винных, табачных и соляных. После того как «взятка сработала», владельцы откупов (лицензий) сами становились взяточполучателями и «допускали упушения казенного интереса». Например, Н.И. Костомаров отмечал, что широкое распространение взяточничества в отдаленных местах, например в Сибири, люди «холопского» происхождения, отданные в солдаты и дослужившиеся до офицерского чина, получали должности воевод, и это было запрещено при Анне Ивановне, а на будущее время указано назначать в воеводы только людей, происходивших из знатного шляхетства. Надеялись, что такие лица менее будут падки к незаконной наживе и покажут более радения в собирании государственных доходов. Но правительство здесь ошиблось. При таком новом порядке немало было случаев злоупотреблений по должности, и, между прочим, один губернатор за взятки был казнен смертью [5, с. 905].

Взяточничество, в основном, было связано со служебными преступлениями, в качестве доказательств использовались не только предметы взятки, но и подложные документы, шнурованные книги, так называемые «черновые» записи, расписки и пр. При отсутствии доказательств зачастую применялся «расспрос с пристрастием», допрос с угрозой применения пыток. Сыщик должен был записать каждый ответ на вопрос. Допросные листы скреплялись подписями сыщика, допрашиваемого и понятых. Чаще всего пытка употреблялась в «делах видимых» при расследовании убийств, разбоев. В других случаях «пытать не мочно». Если про взятку «сыскати будет нечем, и в том учините вера, крестное целование» (присяга) [6, с. 408—425].

Вместе с тем, современная практика борьбы со взяточничеством практически не изменилась. Социальная напряженность и периодические кризисы являются питательной средой коррупции, зачастую приводят к росту коррупционных преступлений. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [12] определяет противодействие коррупции как деятельность органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по предупреждению коррупции. Вместе с тем в законе отсутствует механизм в области пресечения, раскрытия и наказания коррупционных преступлений ввиду отсутствия норм УК РФ и КоАП РФ.

Среди официальных трактовок коррупции можно выделить определение ООН, которое является наиболее полным, отражает ее суть, то есть злоупотребление для выгоды и, возможно может послужить основой квалифицирующего признака коррупционного

преступления. Формы коррупции разнообразны: от получения взяток за совершение как законных, так и незаконных действий (в том числе за вмешательство коррумпированных должностных лиц в конкурентную борьбу в пользу взяткодателей). До сложных и завуалированных в виде участия должностных лиц в различных сферах предпринимательской деятельности, продажи должностей и званий. Коррумпированности должностных лиц высшего уровня, участвующих в законотворчестве в виде лоббирования законов за вознаграждение и т. п. Наиболее типичные проявления коррупции — подкуп чиновников, взяточничество за предоставление благ и преимуществ, протекционизм (выдвижение работников по признаку родства, землячества, личной преданности и пристрастных отношений).

Попытки определения перечня коррупционных преступлений предпринимались правоохранительными органами. Например, в совместном Указании Генпрокуратуры РФ № 399/11, МВД РФ № 1 от 28.12.2009 (ред. от 30.04.2010) «О введении в действие Перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» [9] преступления коррупционной направленности дифференцированы на три группы, всего 40 составов преступлений. В приказе СК при Прокуратуре РФ от 19.03.2009 г. № 7 «Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами СК при прокуратуре РФ» [7] к преступлениям коррупционной направленности отнесены 29 составов, представляемых почти все родовые объекты уголовного законодательства. Представляет интерес классификация в приказе Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 20.05.2009 № 97 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, образцов форм статистической отчетности» [8] к ним отнесены 42 состава, охватывающих весь объектный спектр Особенной части УК РФ. Таким образом, как на теоретическом уровне, так и в практике отсутствует единое мнение о преступлениях, относимых к коррупционным. Под ними понимаются все должностные или служебные преступления, отсутствует четкое объектное отнесение преступлений к коррупционным, не определен круг субъектов коррупционных преступлений, так как большинством исследователей понимает только государственного или муниципального служащего.

Безусловно, взяточничество представляет собой коррупционное преступление. Однако, в отличие от иных преступлений корруп-

ционной направленности, внимание законодателя к квалификации взяточничества, по мнению авторов, чрезмерно. В свою очередь это привело к увеличению количества преступлений данной категории, «двойному либо тройному счету» этого вида преступлений, «гипервнимания» к взяточничеству в ущерб изучения проблем коррупции в целом и других коррупционных преступлений.

В целях дифференциации ответственности за коррупционные преступления в Уголовном кодексе РФ закреплены четыре вида взятки. Это коммерческий подкуп, дачу взятки, получение взятки и посредничество во взяточничестве, причем устанавливаются кратные штрафы в размерах, зависящих от вида взятки. Расширена диспозиция статьи 290 Уголовного кодекса РФ, к предмету взятки кроме денег и ценных бумаг относится и «незаконное оказание услуг имущественного характера». Уголовный кодекс РФ дополнен статьей 291 «Посредничество во взяточничестве», в которой дано определение самого вида преступления, а также указана мера ответственности посредников во взяточничестве. Ранее посредник, всегда оставался только свидетелем в уголовном деле.

Однако, следует отметить, что на практике по-прежнему за совершение данных преступлений привлекаются в основном учителя и врачи, крупные коррупционеры остаются безнаказанными. Кроме этого привлечь к ответственности за совершение коммерческого подкупа проблематично, т. к. инициатива возбуждения уголовного дела в коммерческой организации должна исходить от руководителя организации. Обычно руководители не предпринимают таких действий, что способствует дальнейшему процветанию коррупции.

Понятие взяточничества — это правовое понятие, которое объединяет два состава преступления — получение взятки и ее дачу. Взятничество является одним из проявлений коррупции, представляет собой собирательный юридический термин, который охватывает собой два самостоятельных состава должностных преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления — получение взятки и дачу взятки.

Вместе с тем, взятка является наиболее типичным и характерным проявлением коррупции, этого опаснейшего криминального явления, дискредитирующего органы власти и подрывающего их авторитет, затрагивает законные права и интересы граждан. Высокая степень общественной опасности дачи-получения взятки определяется тем, что она резко деформирует нормативно установленный порядок осуществления некоторой частью должностных лиц своих служебных

полномочий и в связи с этим грубо нарушает интересы государства, правопорядок и законность.

Получение взятки и дача взятки — это два взаимосвязанных преступных деяний, они не могут совершаться сами по себе, вне связи друг с другом, то есть они находятся относительно друг друга в положении необходимого соучастия, при котором отсутствие факта дачи взятки означает и отсутствие ее получения. В данном случае охраняемым законом объектом, то есть тем, на что посягает взятка, является правильная, отвечающая интересам общества функциональная работа государственного аппарата, предприятий, организаций, учреждений, а также общественных организаций. Таким образом, объективной стороной является наличие общественно опасного последствия в виде существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Предметом дачи или получения взятки, а также посредничества в совершении этих преступлений в самом широком смысле является любая выгода материального характера, в том числе и имущественные права и обязанности, например, освобождение взяткополучателя от обязанности уплатить денежный долг, вернуть собственнику ранее взятое у него имущество. Таким образом, решающим для уголовной ответственности за данное преступление является не внешняя форма получения взятки, не способ ее передачи, а сам факт приобретения должностным лицом определенной имущественной выгоды за совершение или не совершение им в интересах дающего каких-либо действий с использованием своего служебного положения.

В связи с вышеизложенным, авторы предлагают объединить составы статей 290 и 291 УК РФ, создав единую норму, определяющую понятие «взяточничество». Это позволит отграничить взяточничество от других составов коррупционных преступлений, дать правовую оценку преступлению, с указанием умысла всех субъектов. Например, под предлогом декриминализации по действующему уголовному законодательству наказание за получение взятки наполювину снижено, исключено дополнительное эффективное наказание — конфискация имущества (достаточно сравнить санкции основного состава данного преступления по ч. 1 ст. 173 УК РСФСР [10] и ч. 1 ст. 290 УК РФ [11]). Одновременно в санкцию включено альтернативное более мягкое, чем лишение свободы, наказание — штраф, что позволяет взяткополучателю практически официально откупиться от ответственности. В связи с этим, аналогичные по своему содержанию противоправные деяния, оцениваются неединообразно. Объединение статей 290 и 291 УК РФ позволит избежать двойного

учета взяточничества, унификации уголовной ответственности как за дачу, так и получение взятки.

Список литературы:

1. Брякин Н.Н. Об истории возникновения и развития понятия «взяточничество» // Актуальные проблемы государства и гражданского общества на современном этапе развития российского законодательства. — Астрахань: Изд. Дом «Астраханский университет», 2007. С. 13—18.
2. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2000. С. 121, 387.
3. Карнович Е.П. Замечательные богатства частных лиц в России. СПб., 1885. С. 17—18.
4. Кобрин В.Б. Иван Грозный (История Москвы: портреты и судьбы). М., 1989. С. 36—37.
5. Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М.: Изд-во «Эксмо», 2004. С. 905.
6. Краткое изложение судебных процессов или судебных тяжб // Российское законодательство X—XX вв. Т. 4. М., 1986. С. 408—425.
7. Приказ СК при Прокуратуре РФ от 19.03.2009 г. № 7 «Об утверждении и введении в действие формы статистической отчетности «Сведения о противодействии коррупции при организации деятельности по выявлению, расследованию, раскрытию и предупреждению коррупционных преступлений следственными органами СК при прокуратуре РФ» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.durex-promo.ru>.
8. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 20.05.2009 № 97 «Об утверждении Табеля форм статистической отчетности о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, образцов форм статистической отчетности»//[Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.durex-promo.ru>.
9. Указание Генпрокуратуры РФ № 399/11, МВД РФ № 1 от 28.12.2009 (ред. от 30.04.2010) «О введении в действие Перечней статей УК РФ, используемых при формировании статистической отчетности» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.durex-promo.ru>.
10. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // «Свод законов РСФСР», т. 8, с. 497. Документ утратил силу.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
12. Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ (в ред. от 21.11.2011 № 329 // Собрание законодательства РФ — 2008. — № 52 (ч. 1). — Ст. 6228; 2011. — № 48. — Ст. 6730.

СЕКЦИЯ 5.

ГРАЖДАНСКОЕ, ЖИЛИЩНОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

СУДЕБНАЯ МЕДИАЦИЯ

Байгулина Акнур Кайраткызы

магистрант первого курса ВКГУ им. С. Аманжолова, Казахстан

Дячук Марианна Ивановна

научный руководитель, канд. юрид. наук

Казахстан

E-mail: aknura3011@mail.ru

Программой развития ООН в Казахстане, Верховным Судом РК и Международным правозащитным центром (МППЦ) впервые в Казахстане начат проект «Судебная медиация — необходимое условие для развития института медиации в Казахстане».

Цели проекта — повышение эффективности судопроизводства с помощью апробирования методов судебной медиации; повышение положительного образа медиаторов; реализация пропагандистской компании о возможностях института медиации; воспитание молодежи в духе толерантности и снижения уровня преступности [2].

В современной мировой практике под судебной медиацией принято понимать процедуру урегулирования конфликта, проводимую после возбуждения дела в суде и по предложению судьи, в производстве которого находится гражданское дело. В зависимости от того, кто проводит процедуру, выделяют «сближенную» и «интегрированную» модели судебной медиации.

В первом случае медиация проводится, как правило, профессиональным медиатором, работающим вне здания суда. «Сближенной» данная модель называется потому, что в ней медиация представляет собой стороннюю по отношению к судебному разбирательству процедуру, однако непосредственно связана с ним, так как во время проведения медиации суд занимает выжидательную позицию и откладывает совершение дальнейших процессуальных действий до получения результатов примирительной процедуры.

Этот тип процедуры, в котором наиболее четко выражается взаимодействие судьи и независимого медиатора, в настоящее время получил широкое распространение в Нидерландах. В связи с этим вполне правомерно называть данный подход к построению взаимоотношений между судом и медиатором голландской моделью.

Интегрированная судебная медиация — предполагает проведение процедуры одним из сотрудников суда, как правило, специально обученным действующим судьей. В данном случае судебное разбирательство по делу также приостанавливается, но медиация проводится в здании суда, а в случае заключения сторонами соглашения об урегулировании спора оно тут же протоколируется в качестве мирового судьей-медиатором. Очевидно, что в этой модели наиболее полно выражается институциональный подход к развитию альтернативных по отношению к судебному способам разрешения споров, когда они предлагаются непосредственно в рамках судебной системы.

Такая модель в последние несколько лет стала популярна в Германии и даже была официально признана в качестве одного из видов медиации в законопроекте «О поддержке медиации и других форм урегулирования конфликтов», предложенном правительством ФРГ [3, с. 229]. Статистические данные приводятся на сайтах некоторых судов. Например, согласно статистике Суда земли Шлезвиг-Гольштейн в 2010 г. в данной федеральной земле было проведено более 1000 судебных медиаций, 90 % которых окончились примирением сторон. В Баварии в 2005 г. при проведении эксперимента по введению судебной медиации 22 судьи-медиатора провели за год более 600 судебных медиаций [3, с. 229].

По аналогии с первой моделью, учитывая распространение и успешное применение указанного подхода на протяжении нескольких лет именно в ФРГ, назовем этот вариант интеграции медиации в судебное производство немецкой моделью судебной медиации и рассмотрим более подробно основные черты каждого из представленных вариантов взаимодействия судебного процесса и медиации.

Голландская модель — медиация как термин и явление правовой жизни вошла в юридический язык и культуру Нидерландов в 1990 г. и с тех пор заняла там прочное место. Голландская модель была выработана в ходе правовых экспериментов по внедрению и развитию судебной медиации, проводившихся в 90-х гг. XX в., и предполагает взаимодействие государственного суда и независимого частнопрактикующего медиатора [3, с. 229]. Реализация данной модели требует решения ряда вопросов. Например, должен ли судья, направляющий стороны на медиацию, рекомендовать конкретного медиатора

(организацию) для проведения процедуры или достаточно оставить это на усмотрение сторон спора? Если судейская рекомендация все-таки необходима, то на основании каких критериев должен осуществляться отбор медиатора и как судья может быть уверен в наличии у него необходимой квалификации и профессиональной подготовки? Как осуществляется финансирование деятельности медиатора?

Очевидно, что самостоятельный поиск конфликтующими сторонами подходящего медиатора может оказаться для них невыполнимой задачей. Кроме того, не имея возможности проконтролировать процесс, судья не может быть уверен, что стороны действительно обратятся к профессионалу. Именно поэтому в голландской модели данный вопрос был решен путем установления взаимодействия государственных судов и Нидерландского института медиации (далее — NMI), созданного в 1993 г. [3, с. 229] как организация. Цель, которой — распространение информации о медиации, расширение практики ее применения, а также разработка стандартов и правил, гарантирующих качественное оказание услуг по проведению данного вида примирительной процедуры, т. е. структуры, фактически выполняющей функции саморегулируемой организации (СРО) медиаторов, возможность ее создания предусмотрена и российским законодательством.

NMI, фактически являясь головной организацией для многих частнопрактикующих медиаторов и структур, работающих в области медиации, не только занимается вопросами обучения, но и ведет списки аккредитованных медиаторов, которые предоставляются в суды и берутся за основу при выборе медиатора. Именно данная организация гарантирует суду и сторонам, что их спор будет урегулирован при содействии профессионального медиатора, обладающего необходимыми навыками и профессиональной квалификацией.

В Нидерландах государство берет на себя финансирование первых часов медиации, которые оплачиваются медиатору напрямую Министерством юстиции Нидерландов. В случае если в течение оплаченного государством времени сторонам не удалось урегулировать конфликт и достичь соглашения, они могут по договоренности с медиатором оплатить следующие часы его работы за счет своих средств до заключения соглашения, которое оформляется медиатором и передается в суд для утверждения в качестве мирового соглашения.

Если же по результатам первых сессий очевидно, что стороны не готовы или не способны урегулировать возникший конфликт в рамках медиации, они возвращаются в суд для его разрешения в обычном порядке, установленном гражданским процессуальным законодательством [3, с. 229].

Немецкая модель судебной медиации начала применяться в Германии в 2002 г. в рамках проекта «Судебная медиация в Нижней Саксонии», проводившегося с 2002 по 2005 г. [3, с. 229]. Особенностью данной модели, как уже указывалось, является то, что процедуру медиации проводит действующий судья-медиатор, который помимо своей основной деятельности по осуществлению правосудия занимается медиацией, принимая дела от своих коллег-судей.

При этом передача дел на медиацию происходит примерно по следующей схеме. На предварительной беседе со сторонами судья, в чьем производстве находится дело, предлагает им попытаться урегулировать конфликт с помощью процедуры медиации, если, по его мнению, в деле возможно примирение сторон. В случае согласия участвующих лиц дело передается специально обученному судье-медиатору, он лично связывается со сторонами и договаривается о времени проведения медиационной сессии, в которой кроме спорящих сторон могут принимать участие их представители, а также другие лица, чье участие будет признано необходимым.

Само заседание проходит в неформальной обстановке за общим столом, с кофе и печеньем. В случае если в ходе процедуры сторонам удастся прийти к соглашению об урегулировании спора, оно протоколируется судьей-медиатором и передается на утверждение судье, в производстве которого находится дело. Если медиация не принесла положительного результата и сторонам не удалось договориться, судья-медиатор извещает об этом судью, рассматривающего дело, тот в свою очередь назначает дату и время рассмотрения дела по существу и проводит процесс в порядке, предусмотренном ГПК Германии [3, с. 229].

Проведение судебной медиации в немецкой модели бесплатно и не требует от участников процесса никаких дополнительных затрат, помимо тех, которые они несут в ходе обычного судебного разбирательства. Даже участие адвокатов в судебной медиации оплачивается в соответствии с установленными государственными тарифами, как и участие в судебном процессе. Этот немаловажный фактор делает немецкую модель судебной медиации настолько выгодной для сторон, что все чаще отмечают о нарастающей конкурентной борьбе между судьями-медиаторами и частными специалистами, работающими в сфере досудебной медиации. Связано это с тем, что сторонам становится экономически более выгодно обратиться в суд и в рамках начатого судебного разбирательства дела принять участие в судебной медиации, чем в досудебном порядке обращаться к одному из частных специалистов и оплачивать участие в медиации, которая не может

гарантировать ни достижение соглашения, ни его последующее принудительное исполнение.

Вместе с тем, анализируя особенности немецкой модели судебной медиации, некоторые специалисты склонны полагать, что данная процедура фактически представляет собой «судебную примирительную процедуру», но не является «медиацией» в общепризнанном смысле этого термина, так как имеет ряд существенных особенностей. Рассмотрим различия между данными процедурами, выделенные Р. Греггером [3, с. 229].

1. Обучение и практика. Несмотря на то, что судьи-медиаторы, перед тем как приступить к осуществлению примирительных процедур, проходят специальный курс обучения, их квалификация в вопросах примирения редко может сравниться с уровнем подготовки профессиональных частных медиаторов. Такие способы улучшения навыков медиатора, как дополнительное углубленное обучение или супервизия, почти никогда не применяются при интегрированной судебной медиации.

2. Время проведения медиации. Любое урегулирование конфликта требует времени, и медиация не является исключением. Урегулирование сложных многоуровневых конфликтов может потребовать как нескольких часов, так и нескольких дней и ряда медиационных сессий. Судьи, которые осуществляют медиационную деятельность наряду с выполнением своих повседневных обязанностей, просто не располагают таким количеством времени. Поэтому лимит времени при судебной медиации — два-три часа.

3. Изменения в процедуре. В некоторых моделях медиации для более эффективного достижения результата медиатору необходимо провести с каждой из сторон индивидуальную беседу (англ. *caucus*). Нередко судьи просто не располагают необходимыми помещениями для проведения этой части процедуры, в связи с чем в интегрированной модели судебной медиации от нее приходится отказываться.

4. Судья-медиатор всегда остается судьей, даже если переговоры по возможному поиску решения сложной конфликтной ситуации проходят в дружественной атмосфере. Каждая из сторон спора знает, что, если не удастся найти решение конфликта, процесс обернется для них обычным судебным разбирательством. Кроме того, в данной модели медиации большое влияние на ход процедуры оказывает участие адвокатов, которые на переговорах намного чаще, чем во внесудебной медиации, поднимают вопросы права, нежели факта, и тем самым направляют ход беседы если не полностью, то хотя бы в значительной мере в «юридическое русло» [3, с. 229].

Очевидно, что некоторые из представленных отличий не являются действительно значимыми и достаточными для выделения судебной медиации в отдельный вид примирительной процедуры. Вместе с тем следует согласиться с тем, что при отсутствии норм, регулирующих правила проведения процедуры медиации судьями и гарантий соблюдения ими правил независимости, беспристрастности и учета интересов сторон, ничто не мешает им оказывать давление на стороны и использовать методы склонения к примирению, недопустимые при проведении обычной медиации.

Таким образом, при проведении судебной медиации по немецкой модели стороны не могут быть уверены, что в основу заключаемого соглашения будут положены их интересы, и они не будут вынуждены принять компромиссное решение, о котором впоследствии придется пожалеть.

Казахстанское законодательство и судебная медиация — основываясь на приведенном описании двух наиболее распространенных моделей судебной медиации и действующих положениях казахстанского законодательства, предположим, как может, или должна выглядеть современная казахстанская модель судебной медиации. Например:

1. Голландская модель.

Положения казахстанского законодательства содержат все основные признаки голландской модели судебной медиации, среди которых: 1) возможность проведения медиации после возбуждения гражданского дела; 2) рекомендация суда; 3) проведение медиации у стороннего профессионального медиатора; 4) утверждение медиативного соглашения в качестве мирового и окончание судебного процесса [1].

2. Перспективы немецкой модели.

Возможное внедрение немецкой модели в Казахстан вызывает много вопросов. В частности, сомнительно появление в отечественной судебной системе судей-медиаторов по немецкому образцу. Судьи являются непосредственными носителями судебной власти и помимо своей основной деятельности могут заниматься лишь научной, преподавательской или иной творческой деятельностью в свободное от основной работы время.

Проведение медиации вряд ли можно отнести к одной из форм осуществления правосудия, так как в рамках примирительной процедуры судьи не принимают основанных на законе решений, не осуществляют защиту нарушенных прав, а лишь содействуют сторонам в поиске креативных решений по урегулированию спора, которые участники конфликта принимают сами и под свою личную ответственность. Таким образом, современное законодательство не позволяет казахстанским

судьям, руководствуясь примером немецких коллег, брать на себя роль медиаторов.

Вместе с тем нельзя забывать и о других факторах, влияющих на готовность судей выступать в новой для них роли, а именно о существенной судебной нагрузке и катастрофической нехватке времени. Нагрузка казахстанских судей в два-три раза превышает установленные нормативы, судебного заседания едва хватает на соблюдение установленной процедуры. В этих условиях проведение медиации судьями представляется маловероятным.

Очевидно, что данное нововведение может быть положительно воспринято сотрудниками арбитражных судов, например, если выполнение дополнительной функции будет связано с повышением оплаты труда. Однако это приведет к увеличению бюджетных расходов на судебную систему. Если же прибавки к оплате у будущих судебных примирителей не предвидится, то вряд ли стоит рассчитывать на проявление особого энтузиазма при исполнении новой трудовой обязанности. Кроме того, остается открытым вопрос о необходимости обучения новых специалистов, которое также будет сопряжено с существенными финансовыми затратами.

Таким образом, казахстанская модель судебной медиации должна быть приближена к стандартам применения и развития судебной медиации, существующим в Нидерландах и ряде других стран, реализующих на практике идеи гармонизации судебного процесса и примирительной процедуры. Несмотря на то, что не все вопросы взаимодействия судов и медиаторов решены, представляется, что данная модель действительно будет способствовать наиболее эффективной разгрузке судебной системы, экономии бюджетных средств, повышению привлекательности медиации в глазах казахстанских граждан и организаций. В то же время принятие интегрированного подхода в качестве возможного может привести к увеличению судебной нагрузки, повышению бюджетных расходов на развитие системы судебного посредничества, а также разочарованию казахстанских граждан в нововведениях.

Список литературы:

1. Закон РК О медиации // Казахстанская правда 05.02.2011 г.
2. Материалы круглого стола «Судебная медиация — необходимое условие для развития института медиации в Казахстане», Алматы, февраль 2013.// [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://newsroom.kz/vpervye-v-kazaxstane-nachat-proekt-sudebnaya-mediaciya/> February.
3. Greger R. Güterrichter — ein Erfolgsmodell // ZRP. 2006. № 3. S. 229.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ САМОСТОЯТЕЛЬНОГО РАСПОРЯЖЕНИЯ ИМУЩЕСТВОМ БЮДЖЕТНОГО И АВТОНОМНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ

Полотовская Елена Юрьевна

*старший преподаватель кафедры «Финансовое
и предпринимательское право»*

ФГБОУ ВПО «Госуниверситет — УНПК»

E-mail: elenapolotovskaya@yandex.ru

В соответствии с п. 1 ст. 120 Гражданского кодекса РФ права учреждения на имущество, закрепленное за ним собственником, а также на имущество, приобретенное учреждением, определяются как право оперативного управления. Право оперативного управления, по мнению большинства ученых, признается особой разновидностью ограниченных вещных прав, которая очерчивает пределы участия в гражданском обороте юридических лиц, не являющихся собственниками закрепленного за ними имущества. Если право собственности предполагает неограниченные (хотя в указанных законом случаях право собственности может быть ограничено. Например, в случае введения на определенной территории военного или чрезвычайного положения и т. д.). Правомочия по владению, пользованию и распоряжению имуществом, то право оперативного управления предусматривает возможность владения и пользования имуществом в соответствии с целями деятельности учреждения и назначением переданного в оперативное управление имущества, а также возможность распоряжения им с согласия собственника.

Между тем, в п. 2, 3 ст. 298 Гражданского кодекса РФ особо отмечается, что имущество, приобретенное автономным и бюджетным учреждением за счет доходов от приносящей доход деятельности, поступает в самостоятельное распоряжение учреждения [2, с. 39, 77].

Можно констатировать, что, предоставив учреждению право на занятие приносящей доходы деятельностью, законодатель не определил правовую природу таких доходов и приобретенного за счет них имущества. Однако законодательное решение вопроса о правовом режиме доходов учреждения от разрешенной ему приносящей доходы деятельности имеет большое практическое значение [1, с. 99].

Кроме того, анализ высказанных в литературе по этому поводу мнений позволяет сделать вывод об отсутствии в среде ученых единого подхода в разрешении поставленной проблемы [6, с. 11].

Обобщая высказанные предложения, можно выделить четыре основных подхода, сложившихся в науке, относительно правовой природы права государственных (муниципальных) учреждений самостоятельного распоряжения находящегося у них имущества:

1. право самостоятельного распоряжения — это право оперативного управления [8, с. 7—10].

В этой связи полагаем необходимым обратить внимание на юридическую конструкцию права оперативного управления, которая по своему объему значительно уже совокупности правомочий, принадлежащих бюджетным и автономным учреждениям: прежде всего, это касается права свободного распоряжения частью своего имущества.

Согласно п. 2 ст. 296 Гражданского кодекса РФ в случае, когда учреждению имущество принадлежит на праве оперативного управления, собственник имущества вправе изъять излишнее, неиспользуемое или используемое не по назначению имущество и распорядиться им по своему усмотрению. Однако в соответствии с п. 9 ст. 2 Федерального закона «Об автономных учреждениях» [8, с. 4] собственник имущества автономного учреждения не имеет права на получение доходов от осуществления автономным учреждением деятельности, в том числе путем изъятия имущества, полученного в результате приносящей доход деятельности;

2. право самостоятельного распоряжения — это право хозяйственного ведения [3, с. 172].

Если полагать, что у бюджетных и автономных учреждений возникает право хозяйственного ведения на рассматриваемую часть имущества, то это будет являться нарушением установленной законом их правоспособности. Т. к. правовой статус учреждений не позволяет им иметь на праве хозяйственного ведения какое-либо имущество, поскольку таким правом на имущество может обладать только государственное или муниципальное унитарное предприятие (ст. ст. 113, 114 Гражданского кодекса РФ). Кроме того, в силу п. 1 ст. 299 Гражданского кодекса РФ право хозяйственного ведения возникает из властного акта собственника соответствующего имущества о закреплении за унитарным предприятием данного имущества, а не вследствие прямых указаний закона;

3. право самостоятельного распоряжения — это особое вещное право, не поименованное в Гражданском кодексе РФ [5, с. 60].

Приверженцы данной точки зрения обосновывают свое предложение лишь тем, что рассматриваемое право учреждений не «вписывается» в содержание права оперативного управления и права хозяйственного ведения в связи с тем, что учреждения

обладают правомочием распоряжения находящегося у них имущества. При этом отличия триады правомочий государственного (муниципального) учреждения от соответствующей триады правомочий собственника на принадлежащее ему имущество указанные авторы явно не называют;

4. право самостоятельного распоряжения — это право собственности [4, с. 172].

Полагаем, что принципиальные отличия между правомочиями владения, пользования и распоряжения, принадлежащими собственнику, и соответствующими правомочиями, принадлежащими автономному или бюджетному учреждению, отсутствуют.

Не опровергает названный вывод и то, что учреждения обладают специальной правоспособностью и могут распоряжаться находящимся у них имуществом лишь в предусмотренных законом пределах.

Представляется, что подобное ограничение правомочия распоряжения учреждения не влияет на общую квалификацию принадлежащего им права как права собственности. К тому же следует учитывать, что среди существующих в нашей правовой системе юридических лиц немало их количество имеют специальную правоспособность (прежде всего некоммерческие организации), что не исключает квалификации принадлежащего им вещного права на принадлежащее им имущество как право собственности.

Таким образом, право автономных и бюджетных учреждений на самостоятельное распоряжение имуществом, приобретенным за счет средств, полученных от приносящей доход деятельности, не отвечает признакам ни одного из предусмотренных действующим законодательством вещных прав. В связи с этим решить проблему квалификации названного права можно путем внесения изменений в действующее законодательство.

Полагаем обоснованным закрепление права собственности за бюджетными и автономными учреждениями в отношении имущества, полученного ими от иной приносящей доход деятельности, поскольку:

1. не существует отличия триады правомочий автономного и бюджетного учреждения в отношении имущества, приобретенного за счет средств, полученных от приносящей доход деятельности, от соответствующей триады правомочий собственника в отношении принадлежащего ему имущества;

2. конструкция права оперативного управления по своему объему значительно уже совокупности правомочий, принадлежащих бюджетным и автономным учреждениям.

3. имущество, приобретенное за счет средств, полученных от приносящей доход деятельности, не может находиться у автономного и бюджетного учреждения на праве хозяйственного ведения в силу следующего:

- таким правом на имущество может обладать только государственное или муниципальное унитарное предприятие;
- право хозяйственного ведения возникает из властного акта собственника соответствующего имущества о закреплении за унитарным предприятием данного имущества, а не вследствие прямых указаний закона;
- субъект не вправе распоряжаться таким имуществом без согласия собственника.

Возможность признания за автономным и бюджетным учреждением права собственности в отношении имущества, приобретенного за счет средств, полученных от приносящей доход деятельности, корреспондирует одной из основных цели реформирования правового положения государственных (муниципальных) учреждений, а именно: созданию условий и стимулов для повышения эффективности их деятельности, в том числе, за счет устранения субсидиарной ответственности государства по обязательствам бюджетных и автономных учреждений.

Список литературы:

1. Ахметьянова З.А. Вещное право: учебник. М.: Статут, 2011.
2. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Гражданское право: Учебник: В 4 т.: Т. 2: Вещное право. Наследственное право. Исключительные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2005.
4. Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения. М., 2000.
5. Кудрявцева Г.А. Предпринимательская деятельность некоммерческих организаций: проблемы правоприменения // Юридический мир. 2002. № 3.
6. Полотовская Е.Ю. Имущество государственных (муниципальных) учреждений: право оперативного управления или право собственности? // Административное и муниципальное право. 2011. № 5.
7. Федеральный закон от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «Об автономных учреждениях» // СЗ РФ. 2006. № 45. Ст. 4626.
8. Якимов А.А. Проблема правовой природы имущества учреждений, приобретенного за счет внесметных доходов // Юрист. 2006. № 6.

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА)

Чижишева Надежда Александровна

канд. юрид. наук, преподаватель ХПИ ФСБ России, г. Хабаровск

E-mail: naaaqdezdaaa@mail.ru

Правовой институт несостоятельности (банкротства) в условиях рыночных отношений является весьма актуальным. Это проявляется в возможности оградить эффективно действующих на рынке субъектов хозяйствования от участников хозяйственного оборота, осуществляющих свою предпринимательскую деятельность убыточно и нерентабельно, которые, зачастую, заключая договор впоследствии не в состоянии исполнить принятые на себя обязательства. Чтобы обезопасить предприятия от таких должников, возникает необходимость официального признания этих хозяйствующих субъектов «несостоятельными» и, возможно, впоследствии полностью ликвидировать их [3, с. 69].

«Под несостоятельностью (банкротством) понимается признанная арбитражным судом неспособность должника в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей» [6]. Таким образом, в этом понятии можно выделить формальный (признание судом или объявление должником) или материальный (неспособность исполнить указанные обязанности) элементы.

Наряду с понятием несостоятельности Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» указывает на её признаки, которые различаются применительно к несостоятельности физических и юридических лиц [5].

Признаки банкротства:

1. Гражданин считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены, и если сумма его обязательств превышает стоимость принадлежащего ему имущества. В основу признаков банкротства физических лиц положен принцип неоплатности.

2. Юридическое лицо считается неспособным удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) испол-

нить обязанность по уплате обязательных платежей, если соответствующие обязательства и (или) обязанность не исполнены им в течение трех месяцев с даты, когда они должны были быть исполнены. В основу признаков банкротства юридических лиц положен принцип неплатёжеспособности.

Состав и размер денежных обязательств и обязательных платежей определяются на дату подачи в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом, если иное не предусмотрено Федеральным законом.

Состав и размер денежных обязательств и обязательных платежей, возникших до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом и заявленных после принятия арбитражным судом решения о признании должника банкротом и об открытии конкурсного производства, определяются на дату открытия конкурсного производства.

Состав и размер денежных обязательств и обязательных платежей, выраженных в иностранной валюте, определяются в рублях по курсу, установленному Центральным банком Российской Федерации, на дату введения каждой процедуры, применяемой в деле о банкротстве и следующей после наступления срока исполнения соответствующего обязательства.

В целях участия в деле о банкротстве учитываются требования кредиторов по денежным обязательствам и об уплате обязательных платежей, срок исполнения которых не наступил на дату введения наблюдения.

Действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве) представляет собой сложную систему правовых норм, содержащихся не только в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)», но и в некоторых других нормативных правовых актах.

Основанием системы правового регулирования несостоятельности (банкротства) являются положения Гражданского кодекса Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) индивидуальных предпринимателей (ст. 25 ГК РФ) и юридических лиц (ст. 65 ГК РФ).

Круг содержащихся в ГК РФ правовых норм, регулирующих несостоятельность (банкротство) участников имущественного оборота, не исчерпывается названными статьями. К числу таких норм, непосредственно регламентирующих эти правоотношения, должны быть отнесены положения о том, что в случаях, когда стоимость имущества юридического лица, являющегося коммерческой организацией (за исключением казенного предприятия) либо действующего в форме потребительского кооператива, благотворительного или иного

фонда, недостаточна для удовлетворения требований кредиторов, оно может быть ликвидировано только в порядке, предусмотренном ст. 65 ГК РФ, т. е. путем признания его банкротом (п. 4 ст. 61 ГК РФ); об очередности удовлетворения требований кредиторов при ликвидации юридического лица, поскольку в соответствии со ст. 65 ГК РФ при несостоятельности (банкротстве) юридического лица требования кредиторов удовлетворяются в очередности, предусмотренной ГК РФ на случай ликвидации юридических лиц (ст. 64 ГК РФ); о субсидиарной ответственности лиц, которые имеют право давать обязательные для должника — юридического лица указания либо иным образом определять его действия, за доведение должника до банкротства (п. 3 ст. 56 ГК РФ, п. 2 ст. 105 ГК РФ) и некоторые другие.

Закон о банкротстве (пп. 5—7 ст. 1) определяет соотношение содержащихся в нем норм и положений международного частного права [5].

Основополагающие принципы соотношения внутреннего законодательства и международного частного права установлены Конституцией Российской Федерации, согласно которой «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» (ст. 7) [4].

Специфической чертой предмета правового регулирования Закона о банкротстве является включение в него наряду с материально-правовыми нормами большого числа норм, относящихся к процессуальному законодательству. Дело в том, что в соответствии со ст. 143 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации дела о несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан рассматриваются арбитражным судом по правилам, предусмотренным АПК, с особенностями, установленными законом о несостоятельности (банкротстве) [1]. Принимая во внимание значительное своеобразие такой категории дел как дела о несостоятельности (банкротстве), законодатель включил в текст Закона о банкротстве большое число норм, регламентирующих порядок их разрешения арбитражным судом. Основная часть специальных правил, посвященных порядку рассмотрения дел о несостоятельности (банкротстве), сосредоточена в главе III Закона о банкротстве «Разбирательство дел о банкротстве в арбитражном суде» (ст. 28—55) [6]. Однако круг процессуальных правил этим не исчерпывается в тексте Закона, в других его главах имеется немало иных процессуальных норм, регламентирующих действия арбитражного суда и участников дела о банкротстве применительно к отдельным процедурам несостоятельности должника. Причем указанные процессуальные нормы применяются в приори-

тетном по отношению к правилам, помещенным в главе III Закона о банкротстве, порядке.

Законодатель посчитал необходимым в целях обеспечения прав и законных интересов граждан придать положениям о несостоятельности (банкротстве) граждан особое значение по отношению к иным федеральным законам: если федеральные законы, принятые после введения в действие Закона о банкротстве, будут изменять правовое регулирование отношений, связанных с несостоятельностью (банкротством) граждан, их применение будет возможным только после внесения соответствующих изменений в текст Закона о банкротстве.

К правоотношениям по несостоятельности (банкротству) применяются: ст. 195—197 Уголовного кодекса РФ, устанавливающие уголовную ответственность за неправомерные действия при банкротстве; преднамеренное банкротство; фиктивное банкротство; арбитражно-процессуальный кодекс РФ, ст. 28 которого закрепляет, что дела о несостоятельности (банкротстве) организаций и граждан рассматриваются по месту нахождения должника.

В пласт законодательства о банкротстве входят также Указы Президента РФ и Постановления Правительства РФ.

Отдельно стоит отметить ведомственные нормативные акты, в частности инструкции, разъяснения и письма Федеральной службы России по финансовому оздоровлению и банкротству и Центрального банка России.

Список литературы:

1. Арбитражно-процессуальный кодекс // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: hist.msu.ru Электронная библиотека > Электронные тексты > Арбитражно-процессуальный кодекс РФ.
2. Гражданский кодекс РФ // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: hist.msu.ru > Электронная библиотека > Электронные тексты > Гражданский кодекс РФ.
3. Ершова И.В. Предпринимательское право: Учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ИД «Юриспруденция», 2011.
4. Конституция РФ // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: hist.msu.ru > Электронная библиотека.
5. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 12.07.2011, с изм. от 18.07.2011) «О несостоятельности (банкротстве)» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: hist.msu.ru > Электронная библиотека.
6. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: hist.msu.ru > Электронная библиотека.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ПОЛУЧЕННЫХ В РЕЗУЛЬТАТЕ ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ

Щербачева Любовь Владимировна

*московский Университет России, доцент, канд. юрид. наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
E-mail: dok2081@rambler.ru*

В период с 1918 г. и до 2003 г. действовало правило, согласно которому все, что было создано за счет государственного бюджета, принадлежит государству. Государственный заказчик был обязан в пределах своей компетенции эффективно распоряжаться результатами научно-технической деятельности, однако анализ практической реализации данной установки показал большую долю отрицательных результатов. Длительно время в России автоматически права на результаты интеллектуальной деятельности не закреплялись ни за кем, если это не было предусмотрено договором. Эта правовая неопределенность указывалась в качестве основной причины невостребованности в экономике научных разработок. Законодательные акты по вопросам закрепления прав государства на объекты интеллектуальной собственности, вносящие частичные изменения в вопросы гражданско-правовой регламентации в сфере права интеллектуальной собственности стали приниматься, лишь начиная с 2003 г., однако до сих пор пока остаются малоэффективными с точки зрения их исполнения [6]. С вступлением в силу Части IV ГК РФ эти подходы были отчасти унифицированы.

В настоящее время, по общему правилу, исключительное право на все результаты интеллектуальной деятельности, созданные при бюджетном финансировании, в том числе объекты авторского права, включая программы для ЭВМ и базы данных, топологии интегральных микросхем, изобретения, полезные модели, промышленные образцы, секреты производства (ноу-хау) принадлежит исполнителю (подрядчику) по контракту. Вместе с тем, имеются исключения:

- право принадлежит Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию, только если эта норма прямо предусмотрена в контракте; отсутствие в договоре положения о распределении и закреплении прав на созданные при бюджетном финансировании результаты интеллектуальной

деятельности, предполагает закрепление таких прав за исполнителем данного договора в силу закона;

- в случае, если исключительное право принадлежит исполнителю, он по требованию государственного или муниципального заказчика, действующего от имени соответствующего публичного субъекта, обязан указанному им лицу предоставить безвозмездную неисключительную лицензию на право использования данного результата интеллектуальной деятельности при изготовлении поставляемых товаров либо выполнении подрядных работ для публичных нужд;

- в случае, если право на получение патента принадлежит публичному субъекту, исполнитель обязан путем заключения соответствующих соглашений с работниками и третьими лицами приобрести права на патентуемый объект либо обеспечить их приобретение для последующей передачи публичному субъекту.

Исполнитель имеет право на возмещение затрат, понесенных им в связи с приобретением соответствующих прав у третьих лиц. Если патент получен совместно на имя исполнителя и публичного субъекта, государственный или муниципальный заказчик имеет право выдать безвозмездную неисключительную лицензию на запатентованный объект только с уведомлением исполнителя. Если исполнитель, получивший патент на свое имя, примет решение о досрочном прекращении его действия, он обязан уведомить об этом государственного или муниципального заказчика и по его требованию безвозмездно передать патент публичному субъекту. То же касается и досрочного прекращения патента, полученного на имя публичного субъекта, только в этом случае в роли уведомителя выступает государственный или муниципальный заказчик, а в роли получающей патент стороны — исполнитель.

Кроме того, если в течение шести месяцев со дня письменного уведомления исполнителем в порядке, установленном положением, о получении подлежащего закреплению за государством результатом интеллектуальной деятельности, способного к правовой охране в качестве изобретения, полезной модели или промышленного образца, государственный заказчик не подаст в отношении его заявку на получение патента, право на получение патента переходит к исполнителю.

Главой 77 ГК РФ и Федеральным законом № 284 «О передаче прав на единые технологии» [7] предусмотрены особенности распределения и управления правами собственности в отношении единой технологии.

Ряд проблемных вопросов реализации прав государства на результаты интеллектуальной деятельности, созданных за счет федерального бюджета, получили правовое регулирование на уровне указов Президента РФ и постановлений Правительства РФ. Основным из них является Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2005 г. № 68583 [5], которое определяет условия закрепления прав на результаты научно-технической деятельности за Российской Федерацией.

При внебюджетном финансировании отсутствие специальных норм в законодательстве об интеллектуальной собственности ранее восполняется при распределении прав общими положениями ст. 772 ГК РФ, которая сохранила действие и после 1 января 2008 г.

В Части IV ГК РФ предусмотрены нормы правового регулирования в отношении следующих объектов: программ для ЭВМ и баз данных, созданных по договору заказа, то есть в рамках договора, который заключался с целью их создания (статья 1296 ГК РФ), программ для ЭВМ и баз данных, полученных при выполнении работ по договорам подряда и договорам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, которые специально не предусматривали их создание (статья 1297 ГК РФ); промышленных образцов, созданных по договору заказа (статья 1371 ГК РФ); изобретений, полезных моделей и промышленных образцов, полученных при выполнении работ по договорам подряда и договорам на НИОКР, которые специально не предусматривали их создание (статья 1372 ГК РФ); селекционных достижений, созданных, выведенных или выявленных по заказу (статья 1431 ГК РФ); топологий интегральных микросхем, созданных по договору заказа (статья 1462 ГК РФ) и при выполнении работ по договорам подряда и договорам на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, которые специально не предусматривали их создание (статья 1463 ГК РФ). Во всех остальных случаях необходимо по-прежнему руководствоваться нормами статьи 772 ГК РФ, определяющей права сторон на результаты работ: стороны в договорах на выполнение научно-исследовательских работ, опытно-конструкторских и технологических работ имеют право использовать результаты работ в пределах и на условиях, предусмотренных договором. Если иное не предусмотрено договором, государственный заказчик имеет право использовать переданные ему исполнителем результаты работ, а исполнитель вправе использовать полученные им результаты работ для собственных нужд.

Таким образом, результаты интеллектуальной деятельности, полученные в результате исполнения государственных контрактов, принадлежат государству, от имени которого и в интересах которого выступает государственный заказчик. При этом использование резуль-

татов интеллектуальной деятельности, принадлежащих государству, для федеральных государственных нужд может осуществляться иными (третьими) лицами на основе безвозмездной неисключительной лицензии, которая предоставляется от имени государства государственным заказчиком. Использование результатов интеллектуальной деятельности, принадлежащих государству, для целей, не связанных с обеспечением федеральных государственных нужд осуществляется на основе лицензионных договоров.

В настоящее время права Российской Федерации как государства на объекты интеллектуальной собственности в объеме, необходимом для осуществления их гражданского оборота урегулированы. Однако длительное время остается без достаточной аргументации вопрос о необходимости принятия закона, регламентирующего реализацию прав государства на объекты интеллектуальной собственности в сфере науки и технологий.

В январе 2011 г. в Государственную Думу был внесен законопроект, предполагающий отказ государства от прав на результаты научно-исследовательских разработок, сделанных по государственному или муниципальному заказу, то есть предусматривающий ограничение права государства на получение интеллектуальной собственности, предусматривающий возможность надления государства только неисключительными правами на использование результатов интеллектуальной деятельности, поскольку государство в лице органов исполнительной власти, министерств и ведомств по объективным и субъективным причинам не имеет реальной возможности вовлекать нематериальные активы в виде объектов интеллектуальной собственности в оборот [2]. Данный законопроект предусматривал внесение поправок к статьям 1289, 1373, 1471 ГК РФ путем закрепления нормы отказа от существующей в настоящее время практики закрепления за государством прав на произведения науки, литературы и искусства, созданные по государственному и муниципальному заказу. Согласно данному законопроекту, все права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при участии и за счет средств государственного бюджета, должны закрепляться за исполнителем за исключением случаев, когда «изобретение, полезная модель или промышленный образец непосредственно связаны с обеспечением обороны и безопасности». Вместе с тем, законопроектом предусмотрено право государства как заказчика в рамках государственного заказа требовать от правообладателя безвозмездного предоставления простой (неисключительной) лицензии на использование объекта интеллектуальной собственности для государственных или муниципальных нужд.

Существует и иная позиция в отношении целесообразности принадлежности государству какой-либо интеллектуальной собственности. Согласно этой позиции, необходимо укрепление позиции государства в вопросе защиты своих прав на результаты интеллектуальной деятельности. Права государства на объекты интеллектуальной собственности в настоящее время рассматриваются как объект бухгалтерского и налогового учета на общих основаниях, без каких-либо предусмотренных отечественным законодательством исключений. За последнее десятилетие в России прошло существенное реформирование законодательства об интеллектуальной собственности, что привело к необходимости проведения инвентаризации, правовой охраны и учета результатов интеллектуальной деятельности на предприятиях, организациях, вузах и отраслевых институтах Российской Федерации [3; 4].

Список литературы:

1. Гражданский Кодекс Российской Федерации. Часть 4. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf4/> (дата обращения 15.02.13).
2. Гудков А. Государству интеллектуальная собственность ни к чему // Коммерсант. – 26.01.2011. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.kommersant.ru/Doc-rss/1573992> (Коммерсантъ-Online. от 26.01.2011 г.).
3. Методические рекомендации по инвентаризации прав на результаты научно-технической деятельности. Утверждены распоряжением Минимущества РФ, Минпромнауки РФ, Минюста РФ от 22 мая 2002 г., № 1272-р/Р-8/149 (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 3, ст. 218).
4. Постановление Правительства РФ от 09.06.2007 № 366 Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, № 3, ст. 218; 2006, № 19, ст. 2087).
5. Постановление Правительства РФ от 17 ноября 2005 г. № 68583 (в редакции Постановления Правительства РФ от 22.04.2009 № 342) 21 ноября 2007 г. в «РГ» — Федеральный выпуск № 4523.
6. О состоянии правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности в Российской Федерации в 2010 году. Аналитический доклад / под редакцией доктора юридических наук Лопатина В.Н., М., Издание Совета Федерации, 2011. — 438 с.
7. Федеральный закон «О передаче прав на единые технологии» № 284 от 25 декабря 2008 г. 30 декабря 2008 г. в «РГ» — Федеральный выпуск № 4823.

СЕКЦИЯ 6.

**ЗЕМЕЛЬНОЕ
И ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО**

**ПРОЦЕСС ПРАВОПРЕЕМСТВА
ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ
ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ**

Ватников Дмитрий Юрьевич

аспирант кафедры гражданского и трудового права РУДН

E-mail: DVatnikov@gmail.com

Понька Виктор Федорович

декан юридического факультета РУДН, д-р юрид. наук

Прежде чем рассматривать вопрос наследования земельных участков, необходимо раскрыть само понятие наследования и вопросы правопреемства, связанные с ним. Следует особо подчеркнуть тот факт, что ГК РФ установил специальное правило, закрепляющее сам факт существования этого древнего социального института. Более того, российское право сделало это на наивысшем уровне, возможном при данной структуре российской правовой системы. В этих целях ГК РФ установил юридически неразрывную связь между наследованием и такой основополагающей категорией, как гражданская правоспособность физического лица. Предусмотрено, что один и тот же юридический факт, а именно смерть, влечет два правовых последствия: прекращение гражданской правоспособности физического лица и начало наследования. В части первой ГК РФ содержится следующая норма: «правоспособность гражданина: прекращается смертью» [3]. В части третьей ГК РФ введено правило, что «имущество умершего» переходит к другим лицам в порядке наследования. Имущество гражданина становится имуществом умершего только в результате его смерти, т. е. вследствие того же самого юридического факта, с которым ГК РФ связывает прекращение гражданской правоспособности этого физического лица [4]. Конституционно гарантированное право наследников на получение наследства определяет исходную позицию ГК РФ, который устанавливает специальное правило,

обеспечивающее законодательную реализацию указания, содержащегося в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации № 1-П от 16 января 1996 года: «Право наследования, предусмотренное статьей 35 Конституции Российской Федерации: обеспечивает гарантированный государством переход имущества, принадлежавшего умершему (наследодателю), к другим лицам (наследникам)» [11]. Рассматривая статью 1110 ГК РФ, необходимо обратить внимание, что переход имущества умершего к другим лицам совершается в определенном порядке. Этот порядок определен, во-первых, как правопреемство и, во-вторых, как правопреемство особого рода, а именно как универсальное правопреемство. Указание закона на правопреемство выражает связь, которая складывается между имуществом умершего и теми лицами, к которым такое имущество переходит. В этом случае центр тяжести лежит на понятии преемства как института, создающего юридическую связь. Поскольку, данный переход имущества происходит на основании императивной нормы закона, преемственная связь также основана на законе. Вместе с тем следует учитывать правило статьи 1112 ГК РФ, согласно которому в состав наследства входят не только имущественные права, но и имущественные обязанности. Поэтому термин «правопреемство», в пункте 1 комментируемой статьи, следует понимать как особое понятие, охватывающее преемство не только в отношении прав, но также и преемство в отношении обязанностей.

Преемство в отношении прав, основанное на законе, предусмотрено статьей 387 ГК РФ. Однако, применительно к преемству, касающемуся обязанностей, эта часть содержит правило лишь о переводе долга. Пункт 1 статьи 1110 ГК РФ — единственное правило кодекса, предусматривающее, что преемство в обязанностях наступает в силу императивной нормы закона [3].

Правовая норма, содержащаяся в пункте 1, статьи 1110 ГК РФ, конкретизирует содержание понятия универсального правопреемства. Закон, прежде всего, устанавливает, что при универсальном правопреемстве наследство переходит к другим лицам «в неизменном виде». Это важнейшее постановление, устанавливающее принцип неизменности, который означает, что все, что входит в состав наследства, переходит при наследовании в том же состоянии, виде и положении, в котором оно находилось, когда принадлежало умершему.

Важные элементы наследства — имущественные права и имущественные обязанности. Применительно к ним этот принцип означает, прежде всего, неизменность содержания прав и обязанностей. Принцип неизменности означает, что лицам, к которым

это право перешло, оно обеспечивает ту же меру возможного поведения, которой располагал умерший. То же самое с соответствующим изменением относится и к имущественным обязанностям, которые по своему содержанию являются мерой должного поведения.

Принцип неизменности определяет также переход имущественных обязанностей и правомочий, вытекающих из вещных прав на чужую вещь. При универсальном правопреемстве наибольшее значение имеют два вещных права на чужую вещь: право залога и частный сервитут. Применительно к первому из них ГК РФ устанавливает, что при переходе права собственности на заложенную вещь в порядке универсального правопреемства от наследодателя к другому лицу право залога сохраняет силу. При этом в соответствии с принципом неизменности установлено, что по общему правилу «правопреемник залогодателя становится на место залогодателя и несет все обязанности залогодателя» [3]. Сходным образом закон устанавливает, что и частный сервитут сохраняется в случае перехода прав на земельный участок, который обременен этим сервитутом, к другому лицу [3]. При переходе этих прав на названный земельный участок в порядке универсального правопреемства реализуется принцип неизменности.

Продолжая рассмотрение статьи 1110 ГК РФ также необходимо выделить следующие моменты: прежде всего, она указывает, что при универсальном правопреемстве наследство выступает как «единое целое». Таким образом, по своему содержанию наследство представляет собой конгломерат различных по своему юридическому характеру явлений. Данная статья устанавливает, что, несмотря на эти различия при универсальном правопреемстве этот конгломерат выступает как единое целое. В действительности в качестве единого целого он выступает лишь в определенной области имущественных отношений, а именно в отношениях, регулируемых нормами, содержащимися в разделе V ГК РФ: «Наследственное право».

Кроме того, рассматриваемая статья устанавливает, что универсальное правопреемство совершается «в один и тот же момент». В сущности, здесь закон делает вывод из того, что он трактует наследство «как единое целое». Прямо закреплено о наследовании земельных участков в статье 1181 ГК РФ. Данная статья, в отличие от иных статей ГК РФ, не содержит отсылок к иным законам, которые могут устанавливать особенности наследования земельных участков. Более того, она прямо указывает, что наследование земельных участков осуществляется «на общих основаниях» [1]. Тем не менее, при ее применении следует исходить из п. 3 ст. 129 ГК РФ [3],

согласно которому земля и другие природные ресурсы могут отчуждаться и переходить от одного лица к другому иными способами в той мере, в какой их оборот допускается законами о земле и других природных ресурсах. Поскольку наследование есть частный случай оборота земель, комментируемая статья подлежит применению с учетом положений действующего земельного законодательства РФ и гл. 17 ГК РФ (независимо от того, переходит наследованное имущество по завещанию или по закону).

Наследование земельных участков является одним из самых распространенных способов перехода прав собственности на них. В отличие, например, от такого способа перехода прав собственности, как купля-продажа, закон не устанавливает каких-либо ограничений или запретов при наследовании земельных участков, в том числе участков сельскохозяйственных земель, а также являющихся предметом спора или находящихся под арестом или запретом, поскольку в соответствии со статьей 1112 ГК РФ вместе с правами на такие участки к наследникам переходят и обязанности.

В наследование земельных участков законодательно реализуются две воли — публичная, то есть государственная и частная, Таким образом, декларируется возможность передать своё имущество как по закону (ст. ст. 1141—1151 ГК РФ), так и по завещанию (ст. ст. 1118—1140 ГК РФ). При этом воля частного лица (наследодателя) имеет приоритетное положение перед публичной, что отражено в ст. 1111 ГК РФ, предусматривающей допустимость наследования по закону только в том случае, когда оно не изменено завещанием либо специальным законом. В частности, только на основе специальных законодательных положений государство пресекает наследование земельных участков недостойными наследниками (ст. 1117 ГК РФ) и ограничивает частную волю наследодателя, устанавливая для него обязанность по соблюдению прав на обязательную долю при наследовании земельного участка для указанных в законе лиц (ст. 1149 ГК РФ), которых наследодатель, может быть, и не хотел включить в состав наследников. Государство также устанавливает автоматический переход в собственность Российской Федерации выморочного имущества (ст. 1151 ГК РФ), в составе которого может оказаться земельный участок [3].

Статьей 6 ЗК РФ земельный участок как объект земельных отношений определяется как часть поверхности земли (в том числе почвенный слой), границы которой описаны и удостоверены в установленном порядке [5]. Если иное не установлено законом, право собственности на земельный участок распространяется на нахо-

дящиеся в границах этого участка поверхностный (почвенный) слой и замкнутые водоемы, находящиеся на нем лес и растения. В отношении права пожизненного наследуемого владения действует то же правило. Соответствующие права переходят и к наследникам. Под «соответствующими правами», прежде всего, необходимо учитывать принцип неизменности, при правопреемстве. К наследникам переходят ровно те права и обязанности по отношению к земельному участку, которые были у наследодателя, изменение формы прав при открытии наследства и во время процедуры наследования не возможно и не предусмотрено действующим законодательством.

Наследник в соответствии с ст. 1162 ГК РФ получает от нотариуса свидетельство о праве на наследство, в том числе и земельного участка [3]. В свидетельстве, помимо общих сведений, должны указываться также категория и целевое назначение данного участка. Свидетельством о праве на наследство является нотариально удостоверенным документом о праве наследования, выдаваемым по месту открытия наследства. Свидетельство о праве на наследство выдается по заявлению наследника. За таким свидетельством, как правило, обращаются, когда оно необходимо в качестве основания для получения правоустанавливающего документа, так как на имущество, не подлежащее государственной регистрации нотариальное оформление права наследования не обязательно для осуществления всех полномочий собственника, включая право распоряжения, достаточно физической передачи этого имущества. Такое недвижимое имущество, как земельный участок, напротив, требует государственной регистрации. Изменение собственника, а следовательно осуществление им прав владения, пользования и распоряжения земельным участком не возможно без перерегистрации права собственности, в этой связи необходимо нотариальное оформление права наследователя — при выдаче свидетельства о праве на наследство на земельный участок или на его долю нотариус истребует кадастровый паспорт (выписку из государственного кадастра недвижимости) земельного участка с оценкой стоимости данного имущества на дату смерти наследодателя, либо акт о нормативной цене земельного участка и правоустанавливающий документ о принадлежности земельного участка наследодателю.

В сфере земельно-наследственных отношений принцип свободы воли собственника в осуществлении им правомочий по владению, пользованию и распоряжению своим земельным участком, конкретизирующийся в принципе свободы определения наследственных правоотношений, ограничивается особенностями правового режима земельных участков, являющихся объектом этих правоотношений.

В частности, иностранные граждане и лица без гражданства не могут обладать на праве собственности земельными участками, находящимися на приграничных территориях, перечень которых устанавливается Президентом РФ (ст. 15 ЗК РФ) [5], земельными участками из земель сельскохозяйственного назначения [11]. Различными федеральными законами могут быть установлены и другие земельные участки, которые не могут находиться в собственности указанных лиц.

Кроме того, ст. 4 Федерального Закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» предусматривает, что законами субъектов РФ устанавливаются предельные максимальные размеры земельных участков сельскохозяйственных угодий на территории одного административно-территориального образования субъекта РФ, которые могут находиться в собственности гражданина и его родственников [11].

Если в результате наследования размер общей площади земельных участков данного гражданина и его близких родственников окажется больше такого предельного размера либо наследником земельного участка окажется иностранный гражданин или лицо без гражданства, соответствующие земельные участки подлежат отчуждению их собственниками в течение года со дня возникновения права собственности [11]. Эти же правила применяются и в отношении доли в праве общей собственности на земельный участок из земель сельскохозяйственного назначения.

Отношение к тематике наследования имеет и статья 1182 ГК РФ, рассматривающая разделение наследуемого земельного участка.

Если земельный участок унаследован несколькими лицами, по общему правилу он принадлежит им на праве общей долевой собственности. При этом возникает вопрос о возможности и условиях его раздела между наследниками. Раздел земельного участка в натуре возможен лишь при условии, что размер каждого из вновь образованных земельных участков будет не менее минимального размера, установленного земельным законодательством для участков соответствующего целевого назначения.

Предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, предоставляемых гражданам в собственность из находящихся в государственной или муниципальной собственности земель для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, садоводства, огородничества, животноводства, дачного строительства, устанавливаются законами субъектов РФ, для ведения личного подсобного хозяйства и индивидуального жилищного строительства — нормативными правовыми актами органов местного самоуправления.

Для иных целей предельные размеры земельных участков устанавливаются в соответствии с утвержденными в установленном порядке нормами отвода земель для конкретных видов деятельности или в соответствии с правилами землепользования и застройки, землеустроительной, градостроительной и проектной документацией [5].

Статья 4 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» также предусматривает, что законами субъектов РФ могут быть установлены минимальные и предельные (максимальные) размеры земельных участков из земель сельскохозяйственного назначения в соответствии с требованиями законодательства РФ о землеустройстве [11].

Таким образом, если после раздела, размер земельного участка будет меньше минимального, установленного для участка соответствующего целевого назначения, на каждого наследника, то раздел участка невозможен. При невозможности раздела участка с учетом земельных нормативов земельный участок может быть передан наследнику, имеющему преимущественное право на получение участка [7].

В статье 1182 ГК РФ не устанавливаются специальных правил о том, в каких обстоятельствах возникает преимущественное право получения земельного участка. В данном случае применима статья 1168 ГК РФ о преимущественном праве наследования неделимых вещей. В частности, преимущественное право может быть признано за наследником, обладающим совместно с наследодателем правом собственности на этот земельный участок (за членом крестьянского хозяйства либо одним из супругов). Если никто из наследников не является совместно с наследодателем участником общей собственности на земельный участок, то преимущество будет иметь тот из наследников, который постоянно пользовался данным участком. Если гражданин трудился в личном подсобном хозяйстве вместе с наследодателем, а другие наследники никакого отношения к участку не имели, преимущественное право наследования земельного участка принадлежит первому из указанных наследников.

Доля остальных наследников (не имеющих преимущественного права) в праве собственности на земельный участок компенсируется им либо в денежном выражении, либо за счет другого имущества из состава наследства. Наследник, имеющий преимущественное право, может согласиться принять участок, а может и не согласиться. Поэтому в случае, если такой наследник отказался от наследства или не воспользовался своим правом, либо такой наследник вообще отсутствует, наследуемый земельный участок переходит в общую долевую собственность всех наследников. Аналогичные отношения

складываются и в случаях, когда наследников, имеющих преимущественное право на получение земельного участка, несколько. Из смысла норм комментируемой статьи (ст. 1168 ГК РФ) следует, что такие наследники также приобретают право общей долевой собственности на земельный участок. При наличии нескольких наследников, имеющих преимущественное право на получение земельного участка, и других наследников право общей долевой собственности на участок возникает только между наследниками первой группы, в то время как остальные наследники вправе претендовать на установленную компенсацию.

Основные принципы земельного законодательства, закрепленные пунктами 1—5 статьи 1 ЗК РФ, предполагают единство судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов, в соответствии с которым все прочно связанные с земельными участками объекты следуют судьбе земельных участков, за исключением случаев, установленных федеральными законами. Этот основополагающий принцип единой судьбы поземельных объектов конкретизируется во многих положениях ЗК РФ и других законодательных актов. В частности, при переходе права собственности на здание, строение, сооружение, находящееся на чужом земельном участке, к другому лицу это лицо приобретает право на использование соответствующей части земельного участка, занятой зданием, сооружением и необходимой для их использования, на тех же условиях и в том же объеме, что и прежний их собственник (п. 1 ст. 35 ЗК РФ); собственники зданий, строений, сооружений, расположенных на земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, обладают исключительным правом на приватизацию данных земельных участков (п. 1 ст. 36 ЗК РФ), а собственники подобных объектов на земельных участках, находящихся в негосударственной или в немуниципальной формах собственности, — преимущественным правом покупки таких участков в порядке, определенном законом (п. 3 ст. 35 ЗК РФ) [5].

Изложенное означает, что завещание наследодателя как односторонняя сделка не должно содержать указание на форму раздела своего имущества между наследниками, которая сопряжена с отделением права на недвижимость от права на земельный участок, где расположена эта недвижимость. Особенности же правового режима земельных участков, закрепленные в ст. 1 ЗК РФ, выражаются в том, что не может быть выполнено завещание, по которому земельный участок должен будет использоваться наследником вопреки целевому назначению (ст. 42 ЗК РФ, ст. 284 ГК РФ), использоваться нерационально (ст. 285 ГК РФ) [5; 3], использоваться

для самовольного строительства на земельном участке каких-либо объектов (ст. 13.9 КоАП РФ) [6].

Хотелось бы выделить некоторые особенности связанные с наследованием земельных участков, с точки зрения правопреемства:

1. Процесс правопреемства носит универсальный характер для всей наследственной массы и не является индивидуальным для наследования земельных участков.

2. В процессе правопреемства со стороны наследников может участвовать более одного лица, в данном случае процесс правопреемства может быть рассмотрен, как персонифицировано: по отношению к одному участнику, так и по отношению ко всем участникам.

3. Процесс правопреемства не завершается пока не будет распределена между наследниками вся наследственная масса.

В последнем пункте определяющую роль играет не количество правопреемников, а количество вещей, которые определены как наследственная масса.

Рассматривая процесс правопреемства, как при наследовании земельных участков, так и в отношении всей наследственной массы необходимо отметить, несмотря на то, что правопреемство понимается как переход прав и обязанностей на вещь, имущество, существуют также различные точки зрения на универсальное правопреемство при наследовании. Попытки отрицания самой категории наследственного правопреемства разрабатывал Н.Д. Егоров [4]. Он считал, что при наследовании речь должна идти не о правопреемстве, а о преемстве, причем не в самих правах, а в объектах этих прав. В этом случае выводится за пределы наследства пассив (долги, обременяющие наследство). Эта позиция ранее разрабатывалась также В.И. Серебровским: «Долги являются: только «обременением» наследства, но не его составной частью. Долги могут уменьшить наследственное имущество (наследство), даже полностью его исчерпать, но сами в состав наследственного имущества не входят. Если бы долги входили в состав наследственного имущества, то они уже никак не могли бы «обременять» его» [9].

Рассматривая вышеизложенную точку зрения применимо к наследованию земельных участков, получается, что наследник, получает в наследство земельный участок фактически на правах хранения, так как с переходом самого земельного участка, он не получает прав по пользованию им, а также и обязанностей, так как земельный участок обременен обязательствами, которые, как отмечал В.И. Серебровский «исчерпывают» его из наследственной массы [9]. Тогда не понятна сама необходимость принятия наследства

обремененного обязательствами. Кроме того законодатель не предусматривает никакого института по «очищению» наследственной массы от долгов во время процесса наследования. Напротив именно только получение и фактическое начало обладанием наследства, произошедшее по окончании процесса правопреемства, позволяет исполнить обязательства, которыми обременено имущество, так как наследник получает все правомочия по отношению к имуществу.

Существует также точка зрения, что в порядке наследственного преемства права и обязанности умершего лица не переходят. Переходить может лишь имущество как совокупность материальных и некоторых нематериальных объектов, ценностей. Н.Д. Егоров считает, что подобное признание «перехода в порядке наследственного преемства прав и обязанностей наследодателя» противоречит общетеоретическим представлениям о правоотношении, в соответствии с которым содержание правоотношения образуют субъективные права и обязанности их участников: «получается, что субъективные права и обязанности составляют одновременно объект и содержание наследственного правоотношения». Н.Д. Егоров отмечает, что наследственное право регулирует общественные отношения, связанные с переходом имущественных и некоторых неимущественных благ от умершего лица к его наследникам [4]. Данную позицию вряд ли можно считать верной в силу того, что в завещательном отказе наследодатель может обязать наследников выполнить какие-либо свои обязанности (передать земельный участок определенному лицу, или же использовать его как-то по-иному). Тот факт, что в завещании чаще всего указываются конкретные вещи, вовсе не означает переход к наследнику только этих вещей, наследник вместе с вещами наследует и определенные обязанности (за исключением отношений в завещательном отказе).

Возвращаясь к самому процессу правопреемства необходимо сказать, что рассмотрение земельного участка отдельно от наследственной массы достаточно сложно, так как в теории права наследственная масса отождествляется с вещами наследодателя и является единым целым. Выделение специфики наследования земельных участков также проблематично, особенности проявляются лишь в процессуальных вопросах (что уже неоднократно отмечалось выше), среди них выделяются следующие:

1. Наследование земельного участка возможно как по завещанию, так и по закону.
2. При наследовании земельный участок, может быть подвергнут разделу между наследниками, в равных долях, или же по договоренности.

3. При наследовании земельного участка с ним вместе могут подлежать наследованию здания, строения и сооружения прочно связанные с ним.

4. Наследование объектов недвижимости на земельном участке и самого земельного участка возможно разными наследниками.

5. Право собственности и право пожизненного наследуемого владения при наследовании земельного участка подлежит государственной регистрации.

6. В свидетельстве о праве на наследство обязательно должен быть указан участок, входящий в наследственную массу.

Список литературы:

1. Абова Т.Е. Комментарий к Гражданскому Кодексу РФ в двух томах. М. Юрайт. — 2011. — С. 316.
2. Алексеев С.С. Гражданское право 3-е изд. перераб. и доп. М.: Проспект. — 2011. — С. 536.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/gkrf1/>.
4. Егоров Н.Д. Гражданское и наследственное право. М. Проспект. — 2007. — 365 с.
5. Земельный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/earth/>.
6. Кодекс об административных правонарушениях Российской Федерации [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.consultant.ru/popular/koap/>.
7. Мананников О.В. Наследование земельных участков и имущественных прав на них: Автореф. дисс. канд. юр. наук. М.: 2008. — 24 с.
8. Постановление Конституционного суда Российской Федерации от 16 января 1996 года № 1-П [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=8921>.
9. Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву.// Классика российского права. 06.02.2013 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/9/page_29.html.
10. Тихомирова Л.В. Наследование по закону и завещанию: практическое пособие. М. Издательство Тихомирова М.Ю. — 2011 — С. 29.
11. Федеральный закон от 24.07.2002 № 101-ФЗ (ред. от 29.06.2012) «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=131970>.

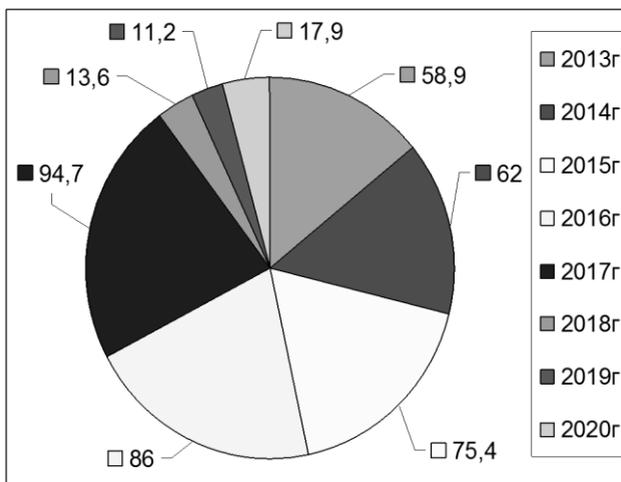
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКОВ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОДУКЦИИ В РОССИИ

Тимофеева Ольга Ивановна

*аспирант НАЧОУ ВПО Современной гуманитарной академии
г. Москва*

E-mail: nara.sga@mail.ru

Правительство России готовит проект государственной программы развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы. По мнению главы Минсельхоза Николая Федорова о том, что консолидированный объем поддержки агропромышленного комплекса России на последующую восьмилетку пока запланировано 2,28 триллиона рублей, в котором 1,51 триллиона рублей вложено из федерального бюджета в сельское хозяйство, а 770 миллиардов рублей должны вложить регионы. Более того, присутствие России во Всемирной торговой организации, «полезное испытание для того, чтобы отечественные сельскохозяйственные производители стали конкурентоспособными» [4, с. 1]. Министр сельского хозяйства предложил новую концепцию, какую продукцию страна может продавать за границу и что должно стоять на столах россиян. Однако Николай Федоров подчеркнул, что хочет изменить это соотношение, так как поддержка агропромышленного комплекса должна быть в числе приоритетов Федерации, так как местные власти, куда и на что потратить деньги в первую очередь. По мнению главы министра сельского хозяйства «Федеральная поддержка, как институт, должна работать на стимулирование и модернизацию властей регионов, на значимость их политики в аграрном секторе» [4, с. 1]. Финансирование государственной программы развития сельского хозяйства из федерального бюджета будет расти, так как имеются ресурсы.

Рисунок 1. Финансирование госпрограммы развития сельского хозяйства из федерального бюджета, млрд. руб.

Лидер фракции «Справедливая Россия» Сергей Миронов вхождение России в ВТО рассматривает иначе. Партия лидера не является противниками ВТО, а «современный, хороший инструмент для стран с развитой экономикой, для стран с экономикой, где каждая отрасль конкурентоспособна» [3, с. 5]. При этом политик утверждает, что многие Российские отрасли неконкурентоспособны, в том числе и сельское хозяйство. Как показывает практика, эта программа преждевременна и необходимо, отложить присоединение Российской Федерации к Марракешскому соглашению об утверждении Всемирной торговой организации от 15 апреля 1994 г.

Сергей Решульский, лидер фракции КПрФ утверждает, что нет никаких «весомых аргументов», основанных на научных исследованиях в пользу вступления России в ВТО. По мнению первого заместителя руководителя КПрФ нужно «прекратить отток российского капитала за границу, ограничить приток иностранных инвестиций в страну, навести порядок в налоговом законодательстве» [3, с. 5]. В тоже время, вхождение России в ВТО, приведет сельское хозяйство страны « в ближайшие годы к уничтожению».

Министр экономического развития Андрей Белоусов признает, что «прямые потери российского бюджета могут составить в 2013 году 188 миллиардов рублей, в 2014 году — 257 миллиардов рублей. Исходя из того, что реальные бюджетные потери будут меньше

вследствие роста торговли, а значит, налогооблагаемой базы, вследствие роста собираемой пошлины, которая прямо связана с их уровнем» [3, с. 5]. Однако, «наши обязательства в ВТО, — по мнению министра, — не позволяют напрямую поддерживать потребителей отечественной продукции» [2, с. 5].

С точки зрения политика Игоря Руденского, при положительных моментах развития экономики в течение последних лет экономика страны сталкивается с углублением сырьевой специализации, низким уровнем транспортной, энерготехнической инфраструктуры, кризисом образования, произволом монополий.

Противоположное мнение имеет глава сельского хозяйства России, доктор экономических наук Николай Федоров, который прогнозирует программу развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013—2020 годы подготовлена с учетом требований ВТО. По мнению министра, «исход крупных дел во многом зависит деталей» [5, с. 6]:

1. нужна государственная поддержка села;
2. детали не оказывают искажающего влияния на торговлю;
3. детали могут приниматься без ограничений в условиях работы в ВТО;
4. усилить региональное финансирование строительства жилья, дорог, инженерной инфраструктуры в сельской местности, развития мелиорации;
5. переподготовки сельскохозяйственных кадров;
6. реализации инновационных проектов.

Данная программа развития сельского хозяйства является фундаментальной основой для стабильного роста доходов сельхозтоваропроизводителей. В новых условиях, ученый предлагает работать интенсивнее и результативнее. Субъектам Федерации подготовить региональные программы, предусматривающие поддержку развития сельского хозяйства до 2020 года, так как регион «впишется» в федеральную госпрограмму должным образом. Полученные федеральные средства должны эффективно использоваться. Следует тщательно анализировать расходы по каждому направлению государственной поддержки, так и динамику показателей эффективности. Местное самоуправление несет основную ответственность за организацию аграрного производства, развития сельскохозяйственного производства, охраны сельскохозяйственной земли.

Другая точка зрения директора департамента торговых переговоров Министерства экономического развития и торговли Российской

Федерации, главы российской делегации на переговорах о вступлении России в ВТО Максима Медведкова «России следует рассмотреть «Программу поддержки сельхозпроизводителей» [1, с. 63], которая позволяет потребителям на льготных условиях компенсировать часть процентной ставки. Например, получать в лизинг технику, но только российскую, что является нарушением правил ВТО. По правилам ВТО, нужно давать субсидии производителям, тогда прямое противоречие исчезает.

Таким образом, вопрос о вступлении России в ВТО, однозначного ответа не дает, так как:

1. Уменьшение в государственный бюджет средств, в связи со снижением ввозных таможенных пошлин.

2. Ограничение возможностей государства в регулировании внешнеэкономической деятельности.

3. Россия, вступая в ВТО, отдаст иностранным инвесторам вчетверо больший объем рынков.

4. ВТО принесет России 30 млн. безработных и 40 тыс. закрытых предприятий.

5. Сокращение поддержки сельскохозяйственного производства

6. Падение престижности и привлекательности сельского труда.

Вступление в ВТО не дает России больших преимуществ, но и не ведет к катастрофическим последствиям. Следовательно, берет на себя обязательство играть по тем же правилам, что и другие страны мира.

Список литературы:

1. Гаврилов Ю. Российская газета / Продавай российское // № 148 (5821)//02.06.2012 г. С. 63 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.rg.ru.
2. Кукол Е. Российская газета / Хлебу — защита, авиапрому — деньги// № 156 (5829) — 11.07.2012 г. С. 5. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.rg.ru.
3. Узбекова А. Российская газета / Вот и ВТО // № 156 (5829) — 11.07.2012 г. С. 5. [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.rg.ru.
4. Федоров Н. Российская газета / Министерство еды // № 161 (5834) — 17.06.2012 г. С. 1 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.rg.ru.
5. Федоров Н. Российская газета / Меню для регионов // № 214 (5887) — 18.09.2012 г. С. 6 [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.rg.ru.

СЕКЦИЯ 7.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРБИТРАЖА СССР В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Билль Марис Владиславович

*аспирант Сургутского государственного университета,
г. Сургут*

E-mail: marisbill@yandex.ru

Социально-политическое устройство советского государства вызвало к жизни институт Государственного арбитража и обусловило его правовую природу как многофункционального государственного института, направленного на эффективное управление государственным имуществом и разрешение хозяйственных споров между субъектами, находящимися в ведении государственных органов. Система Государственного арбитража пришла на смену системе арбитражных комиссий, которая не смогла эффективно выступить в качестве инструмента командной экономики, укрепить плановую и договорную дисциплину и хозрасчёт. Что согласно ст. 1 «Положения о государственном арбитраже», принятого Постановлением ЦИК и СНК СССР 03 мая 1931 года стало основной задачей вновь образованного органа [1].

Для окончательного становления Государственного арбитража СССР в качестве эффективного института, отвечающего политическим и экономическим требованиям, нужно было пройти ещё длинный путь с момента его создания. Путь, на котором стояли завершающийся процесс коллективизации, индустриализация, предстоящие репрессии 1937—1938 гг., Великая Отечественная война, оттепель и другие, значимые для истории СССР процессы, внесшие серьёзные коррективы в жизнь страны в целом, и в её хозяйственную составляющую в частности.

Целью настоящей статьи является раскрытие основных особенностей деятельности института Государственного арбитража СССР в период между его созданием и началом Великой

Отечественной войны. Новизна выбранной темы обуславливается использованием автором статьи архивных материалов и других источников, ранее не подвергавшихся научному анализу. Актуальность поднимаемого вопроса связана с необходимостью осмысления исторического прошлого для извлечения положительного опыта и ухода от повторения совершённых ошибок. Тем более, что Российская Федерация на протяжении уже довольно длительного времени находится в состоянии осуществления реформы судебной системы и она, в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 1735-р [2], должна продлиться ещё как минимум до 2020 г.

Самый ранний официальный отчёт о работе Госарбитража при СНК СССР, сохранившийся в Государственном архиве Российской Федерации, — отчёт за 1933 год (далее — Отчёт за 1933 год) [5]. Вероятно, в силу необходимости решения массы проблем, связанных с началом функционирования вновь созданного органа, отчёты о работе Госарбитража в 1931 и 1932 гг. не составлялись. В свою очередь, Отчёт за 1933 год во многом содержал ответы на вопрос, как решаются проблемы в работе Госарбитража, сформулированные в Циркулярном письме Госарбитража при СНК Союза ССР от 8 апреля 1933 г. [3]. Согласно данному письму к 1933 году основными недостатками работы органов Государственного и ведомственного арбитража являлись: 1) невысокое качество работы по рассмотрению поступающих в органы арбитража имущественных споров между хозяйственными организациями и недостаточная их предварительная подготовка к рассмотрению; 2) оставление без изучения и обобщения того богатого материала, который имеется в распоряжении органов арбитража, и совершенно недостаточная сигнализация правительству и руководителям соответствующих ведомств о выявленных работой государственного и ведомственного арбитража прорывах в выполнении народнохозяйственного плана и о структурных недостатках в системе хозяйственных и договорных взаимоотношений; 3) неиспользование предоставленного Госарбитражу права возбуждения дел по собственной инициативе, в особенности по делам о поставке недоброкачественной продукции; 4) недостаточное использование карательных мер по отношению к лицам, виновным в нарушении советской хозяйственной политики и договорной дисциплины; 5) слабая связь между отдельными органами арбитража и отсутствие инструктажа всей системы государственного и ведомственного арбитража со стороны вышестоящих звеньев арбитража; 6) недостаточное обслуживание системой арбитража низовых звеньев наших хозяйст-

венных организаций (колхозов, совхозов, промысловых артелей, райпотребсоюзов и т. п.) [3, с. 2].

Согласно рассматриваемому циркулярному письму, «Для устранения указанных недостатков органами арбитража необходимо добиться в ближайшее время решительной перестройки своей работы путём принятия следующих мер: 1. Прежде всего, должно быть значительно повышено качество работы по рассмотрению всех имущественных споров между хозяйственными организациями. 2. Органы государственного и ведомственного арбитража должны оказать реальную помощь правительственным органам в деле борьбы за надлежащее выполнение народнохозяйственного плана, сигнализировать совнаркомам союзных и автономных республик, крайевым и областным исполкомам, а также соответствующим наркоматам и организациям о всех замеченных случаях срывов планов, о дефектах в системе хозяйственных и договорных отношений и разрабатывать конкретные предложения и мероприятия, направленные к устранению замеченных недочётов и к укреплению хозрасчёта и плановости в работе хозяйственных организаций. 3. Возбуждение дел по собственной инициативе Госарбитража должно производиться в тех случаях, когда из материалов и документальных данных, имеющихся в распоряжении Госарбитража, вытекает необходимость подвергнуть рассмотрению дела тех организаций, в отношении которых не возбуждены дела в порядке иска. 4. Приять к неуклонному руководству, что выявленные рассмотрением дел нарушения прямых постановлений правительства не могут оставаться безнаказанными. Охраны арбитража обязаны не только передавать такие дела по принадлежности органам прокуратуры ГУГБ НКВД, но и следить за тем, чтобы эти дела рассматривались в срочном порядке, с наложением на виновных строгих мер взыскания. 5. Для достижения единства линии и методов работы всей системы государственных и ведомственных арбитражей необходимо предусмотреть в плане их работ организацию периодических совещаний с участием представителей нижестоящих органов арбитража. 6. Исключительное значение для выполнения постановлений январского пленума ЦК и ЦКК имеет твёрдое внедрение хозрасчёта и правильных договорных взаимоотношений в низовых звеньях нашей хозяйственной системы. 7. Госарбитраж при СНК СССР обращает внимание всех органов арбитража на совершенно недостаточное использование, в целях взаимного обмена опытом, «Бюллетеня», им издаваемого. Необходимо превратить наш журнал в боевой орган, ведущий систематическую борьбу за хозрасчёт, план и договорную дисциплину» [3, с. 3].

Согласно Отчёту за 1933 год — этот год является переломным годом в работе Госарбитража. «В соответствии с постановлением январского пленума ЦК и ЦКК 1933 г. Госарбитраж при СНК СССР провёл ряд мероприятий, направленных к решительному улучшению качества своей работы, а также республиканских, местных и ведомственных органов арбитража. Вместе с тем объём его работы значительно изменился, вследствие того, что постановлением СНК от 3 января 1933 г. на органы Госарбитража была возложена дополнительно новая задача — рассмотрение преддоговорных споров. В предшествующие годы, преддоговорные споры разрешались по поручению одного из заместителей председателя СНК СССР отдельными ответственными хозяйственниками. Органы Госарбитража в этой работе участия не принимали; не учитывался ими и опыт рассмотрения преддоговорных споров. Всё участие органов Госарбитража в 1932 г. в разрешении преддоговорных споров свелось к разработке законопроекта, утверждённого правительством 17 декабря 1931 г. «О порядке заключения договоров на 1932 г.».

Госарбитраж при СНК СССР в полной мере оценил значение новой, возложенной на него в 1933 г. задачи. При участии хозяйственников он разработал законопроект, утверждённый правительством 3 января 1933 г. «О порядке заключения договоров», законопроект, все основные принципы которого сохраняют силу до настоящего времени» [5, с. 1—2].

Далее, «Госарбитраж при СНК СССР провёл целый ряд совещаний с хозяйственниками в целях наилучшего инструктирования их по вопросам преддоговорной кампании. Такое же инструктирование он провёл по линии органов Государственного арбитража. Кроме того, Госарбитражем совместно с хозяйственными наркоматами было произведено обследование качества заключённых договоров, в результате чего в уже заключённые договоры был внесён целый ряд поправок и изменений тех пунктов договоров, которые противоречили директивам правительства и утверждённым планам» [5, с. 2].

В 1933 году Госарбитражем при СНК СССР было рассмотрено 5482 дела на сумму 660 663,4 тыс. р. Кроме того разрешено 1185 преддоговорных споров и 123 спора по изменению договоров, что в совокупности составляет 6790 дел [5, с. 72].

Однако, судя по Циркулярному письму Госарбитража при СНК СССР от 06 марта 1934 г. [4], действия, изложенные в Отчёте за 1933 г., оказались неэффективными, и руководством Госарбитража был выявлен ряд недостатков.

«Во многих случаях решения арбитров исходят не из постановлений правительства и условий договора, а из произвольных

соображений. Такие решения являются незаконными и лишёнными авторитета для хозорганизаций. Изложение обстоятельств дела и решение нечётко и не всегда грамотно: во многих случаях решения носят формальный характер, без разбора существа дела и хозяйственных взаимоотношений; замечается пренебрежение к мелким делам. Очень слаба связь арбитров с руководящими советскими и партийными органами. Нет внимания к кадрам аппарата арбитража вплоть до того, что в них встречаются классово чуждые элементы. Сами арбитры и работники аппарата не всегда знают советские законы и постановления партии. Директивы партии и правительства не получают своевременного отражения в работе арбитража. Во многих случаях плохо организовано прохождение дел и отсутствует контроль за важнейшими решениями. Дела нередко задерживаются решением до шести месяцев; заинтересованные стороны не могут добиться толковой справки о состоянии своего дела. Исключительно слабо поставлены учёт опыта, анализ прошедших дел и своевременная сигнализация партийным и советским организациям о выявленных нарушениях и извращении директив партии и правительства» [4, с. 2].

Каким образом проводилось устранение выявленных недостатков в работе видно из Отчёта о работе Госарбитража СНК СССР за 1934 год (далее — Отчёт за 1934 год). Данный отчёт содержит раздел «Организационная работа по перестройке и улучшению работы Госарбитража на основе постановления XVII Партсъезда», согласно которому «По центральному аппарату проведены следующие мероприятия:

Ликвидирована особая группа Контроля исполнения с возложением контроля лично на арбитров по делам, взятым на контроль по их решениям.

Проведено перераспределение дел между арбитражами таким образом, чтобы у каждого арбитра сосредоточить 2—3 отрасли народного хозяйства, с тем, чтобы данный арбитр мог бы лучше изучить порученную ему отрасль хозяйства и правильно разрешить конкретные дела.

В совещании Госарбитров проанализирован ряд дефектов в решениях, обнаруженных при рассмотрении дел в порядке надзора, и установлено единство в решениях по моментам, где обнаруживался разноречивость в решениях, и даны указания по делам, где решения были неправильны.

Обращено было внимание на значительные затраты средств на привлечение экспертиз Госарбитражем и неорганизованность этого

дела. Особым приказом установлено ограничение привлечения экспертиз и лучшая их организация.

Разработан техминимум для Госарбитров, консультантов и секретарей; правила судопроизводства и окончательное утверждение их относится уже ко 2-му полугодию.

Проведено улучшение аппарата. Трое консультантов уволены за халатное отношение к своим обязанностям, двое как чуждый элемент, четыре работника получили выговор за упущения в работе. Наряду с этим были подобраны новые работники...» [6, с. 23].

Однако, как отмечает Отчёт за 1934 год «в работе аппарата имеются ещё значительные недостатки в области трудовой дисциплины и делопроизводства (особенно в группе товарища Лебедева), в области организации контроля. Встречаются также дефекты в некоторых решениях, которые не должны иметь места в Госарбитраже при СНК СССР по системе арбитража» [6, с. 24].

В 1935 году ужесточение контроля, применение санкций и «чистка» кадров аппарата Государственного арбитража дали плоды, в целом устраивавшие руководство. Отчётный доклад о работе Госарбитража при СНК СССР и о работе системы Госарбитража за 1935 год (далее — Отчёт за 1935 год) [7] содержит следующую информацию по этому поводу. «Имеющиеся материалы (акты обследований, произведённых госарбитражами при СНК СССР, при СНК РСФСР и при СНК УССР, материалы инспекции и результаты надзорной работы) позволяют утверждать, что в 1935 году в организационной структуре и во всех отраслях работы большинства органов госарбитража имелись определённые достижения и работа в целом значительно улучшилась.

Были в значительной мере ликвидированы те болезненные явления (бюрократизм, волокита, беспорядок в делах, нарушение революционной законности, незаконные поборы и т. п.), которые ещё в 1934 году были вскрыты в некоторых госарбитражах (Московский, Одесский, Винницкий, Сталинградский и др.). В большинстве госарбитражей уже нет арбитров, работающих по совместительству, арбитражам удалось укомплектовать свой штат кадрами постоянных арбитров. Стало значительно меньше процессуальных нарушений, значительно сократилось количество жалоб на бюрократизм и волокиту.

В 1935 году лучше и организованнее проведено разрешение преддоговорных споров. Решения госарбитража приобрели больше веса и значения. Несомненны достижения и в темпах работы. Сокращены сроки прохождения дел, оформления и рассылки решений, улучшен учёт, упорядочено хранение дел. Тем не менее качество всей

работы органов госарбитража нельзя признать вполне удовлетворительным и дело обстоит так, что надо ещё много поработать, чтобы добиться удовлетворительного результата» [7, с. 20—21].

В период с 1936 по 1940 год никаких существенных изменений в деятельности Государственного арбитража не происходило. Продолжалось дискриминационное освобождение аппарата от «чуждых классовых элементов», естественно для отчётности перед ЦК, ЦКК, НКВД и т. д., велась борьба за хозрасчёт, выполнение планов и договорную дисциплину путём наложения жёстких санкций на нарушителей как в лице сторон по арбитражному делу, так и в лице работников Госарбитража. В этом смысле 1935 год стал ключевым. Методы решения проблем, зарекомендовавшие себя положительно в указанном году, являлись способом движения по пути наименьшего сопротивления и активно применялись вплоть до 1941 года. Пока история не привела советское государство к тяжелейшему испытанию, потребовавшему решительных и часто чрезвычайных действий по управлению всей государственной системой.

Таким образом, деятельность Государственного арбитража СССР в довоенный период находилась в стадии поиска путей по её оптимизации. Оптимизация достигалась путём издания и исполнения жёстких предписаний, сопровождалась применением репрессивного аппарата, что в целом соответствовало методам укоренившегося в стране политического режима. Государственный арбитраж стал механизмом тоталитарной системы по управлению государственным имуществом, а стиль и метод управления органа, совмещавшего в себе судебные, административные и нормотворческие функции в полной мере отражал уровень политической и правовой культуры в стране.

Список литературы:

1. Постановление ЦИК и СНК СССР «Положения о государственном арбитраже» 03 мая 1931 года // СЗ, 1931 г. № 26, ст. 203.
2. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 г. № 1735-р // СЗ РФ, 01.10.2012, № 40, ст. 5474.
3. Циркулярное письмо Госарбитража при СНК Союза ССР от 8 апреля 1933 г. // «Бюлл. Госарбитража», 1933, № 8.
4. Циркулярное письмо Госарбитража при СНК СССР от 06 марта 1934 г. // «Бюлл. Госарбитража», 1934, № 8.
5. ГАРФ, ф. Р-8424, оп. 1, д. 5, л. 1—75.
6. ГАРФ, ф. Р-8424, оп. 1, д. 8, л. 1—39.
7. ГАРФ, ф. Р-8424, оп. 1, д. 14, л. 1—45.

СЕКЦИЯ 8.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

РОЛЬ ВСЕМИРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В КОНТРОЛЕ ЛЕКАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Литовкина Маргарита Ивановна

*аспирант кафедры конституционного и административного права
Российский государственный социальный университет
г. Москва*

E-mail: mar-lit@yandex.ru

Проблема лекарственной безопасности занимает важное место среди вопросов безопасности при реализации конституционного права на охрану здоровья, так как примерно 25 % заболеваний в мире обусловлена, в большей или меньшей степени, негативными последствиями применения лекарственных препаратов (ЛП) [3 с. 774]. По указанной причине частота госпитализации пациентов в московских больницах, например, достигает 8—24 %, в поликлиниках — 9,1 %. [2 с. 774]. Ежегодно на устранение указанных проблем в Германии расходуется \$ 332,9 млн. [12], в США — от \$ 130 млрд. до \$ 177,4 млрд. [7, 9]

В связи с этим особую актуальность приобретает контроль лекарственной безопасности (фармаконадзор), то есть совокупность мероприятий, связанных с научными исследованиями и деятельностью, которые направлены на выявление, оценку и понимание возможных негативных последствий медицинского применения ЛП, предупреждение и защиту пациентов [5].

Актуальными задачами в области контроля лекарственной безопасности является оптимизация выявления случаев нерационального применения ЛП (в том числе, по незарегистрированным показаниям — off-label); взаимодействий ЛП с другими ЛП; обращения некачественных, фальсифицированных, контрафактных ЛП, и пр. Большую роль в правовом контроле лекарственной безопасности играют международные организации.

В 1963 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) на 16-й Ассамблее приняла Резолюцию (WHA 16.36), согласно которой необходимо было как можно быстрее распространять любую информацию о негативных последствиях применения ЛП, [15] что привело со временем к созданию в 1968 г. (на основании Резолюций ВОЗ WHA 17.39 и WHA 19.35) [22] Программы ВОЗ по международному мониторингу (контролю) ЛП (International Drug Monitoring Program). В рамках указанной активности с 1978 г. в Уппсале (Швеция) действует Сотрудничающий центр ВОЗ [6 с. 25], который вносит в базу данных (VigiBase) все сообщения о негативных последствиях применения ЛП, которые получает из различных стран мира. Первоначально у проекта было 10 участников (США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания, Ирландия, Нидерланды, ФРГ, Чехословакия и Швеция). В 1970 г. к данной программе присоединились еще 8 государств (Япония, Финляндия, Болгария, Дания, Израиль, Норвегия, Польша, Югославия). В настоящее время программа объединяет около 100 стран, а в базе данных VigiBase насчитывается уже 7 млн. сообщений о негативных последствиях применения ЛП.

В области контроля лекарственной безопасности усилиями ВОЗ также проводятся:

- Программа преквалификации (Prequalification Programme — PQP) [22], проводимая с 2001 г. (совместно с ООН), в рамках которой инспектируются предприятия, выпускающие наиболее востребованные ЛП для лечения социально-значимых заболеваний (ВИЧ-инфекции, туберкулеза и др.). В ходе инспектирования можно выявлять соответствие качества ЛП стандартам, установленным ВОЗ, еще на этапе производства ЛП, и своевременно устранять имеющиеся нарушения, что, в свою очередь, способствует повышению качества ЛП (ведь качественный ЛП — это, прежде всего, безопасный ЛП). На основании результатов инспектирования составляется перечень преквалифицированных ЛП, то есть с подтвержденным качеством, а значит — безопасных.

- Борьба с контрафактными ЛП (находящимися в обороте с нарушением законодательства), которая проводится с участием государственных и общественных организаций, регулирующих органов; фармацевтических производителей и дистрибьюторов ЛП; специалистов здравоохранения и пациентов, в соответствии с Руководством ВОЗ по «Разработке мер в области противодействия контрафактным лекарственным средствам (Development of measures to combat counterfeit medicines) [8]. В настоящее время в мире 6—11 %

ЛП являются контрафактными, ежегодный доход от продаж которых, в США, например, достигает 32 \$млрд. Поэтому в рамках ВОЗ была создана Международная рабочая группа по борьбе с контрафактными медицинскими продуктами (International Medical Products Anti-Counterfeiting Taskforce — ИМПАКТ) с целью координации деятельности стран по предупреждению производства и распространения указанных ЛП [20].

- Разработка Стратегий по лекарственным средствам на основе резолюции WHA52.19 Revised Drug Strategy от 1999 г [17]. В частности, в третьей редакции Стратегии, рассчитанной на период 2008—2013 [16], заявлено о необходимости выработки глобальных стандартов в области качества и безопасности ЛП, унифицированных требований к пакету документов, предоставляемых при регистрации ЛП; создания глобальной системы контроля лекарственной безопасности (фармаконадзора); о необходимости контроля безопасности ЛП растительного происхождения, вакцин, сывороток, биологически активных добавок к пище, средств народной медицины, препаратов крови.

- Публикация (совместно с ООН) «Общего перечня продуктов, потребление и/или продажи которых запрещены, приостановлены, строго ограничены или не разрешены Правительственными учреждениями» (United Nations Consolidated List of Products Whose Consumption and/or Sale Have Been Banned, Withdrawn, Severely Restricted or not Approved by Governments). Обновление перечня «Фармацевтические продукты: ограничения по доступу и применению» (Pharmaceuticals: Restrictions in use and availability) [22].

- Экспертный комитет ВОЗ по отбору и применению основных ЛП (WHO Expert Committee on Selection and Use of Essential Medicines) каждые 2 года обновляет «Примерный перечень ВОЗ основных лекарственных средств» (WHO Model List of Essential Medicines) [21], основываясь на данных по безопасности, эффективности, а также исходя из экономической целесообразности.

- Подготовка и выпуск (с 1982 г.) информационных писем (WHO Pharmaceuticals Newsletter)[23], содержащих обновляемую информацию о лекарственной безопасности, полученную из национальных центров различных стран. При возникновении серьезных проблем с каким-либо ЛП, во все страны от ВОЗ направляются срочные сообщения-предостережения (WHO Drug Alerts) [18].

- Создание и регулярное обновление терминологического справочника WHO-ART (World Health Organization Adverse Reaction Terminology) в области лекарственной безопасности.

К другим видам деятельности ВОЗ, способствующим обеспечению лекарственной безопасности относятся:

- Разработка Программы по обеспечению безопасности пациентов (WHO Patient Safety Programme of World Alliance for Patient Safety) [1, 10], которую ВОЗ реализует с 2004 г., с целью координации и улучшения обслуживания пациентов в сфере здравоохранения для снижения риска нанесения вреда здоровью, в том числе, вследствие применения ЛП, так как на любом этапе оказания медицинской помощи существуют такие «небезопасные» для пациентов проблемы, как негативные последствия применения ЛП и их сочетаний.

- Разработка и публикация Международной Фармакопеи (The International Pharmacopoeia — Ph. Int.) [14] с целью достижения глобальной гармонизации стандартов качества, фармацевтических субстанций, вспомогательных веществ и готовых ЛП, что должно способствовать повышению качества и безопасности ЛП (первая редакция Международной Фармакопеи увидела свет в 1951 г.).

- Подготовка и внедрение международных стандартов по надлежащей практике в области производства и контроля качества ЛП, в частности, Схема ВОЗ по сертификации исходных материалов для фармацевтических продуктов (WHO Pharmaceutical Starting Material Certification Scheme — SMACS) [19], что, в конечном счете, должно способствовать осуществлению надлежащей практики в области торговли и распространения ЛП (Good trade and distribution practices — GTDP).

- Разработка рекомендаций в области контроля лекарственной безопасности является прерогативой Консультативного Совета ВОЗ по безопасности медицинских продуктов (WHO Advisory Committee on Safety of Medicinal Products — ACSoMP), который на 7-м Совещании в Женеве (Швейцария) 26—28 апреля 2010 г. [13] заявил, что стратегия в области контроля лекарственной безопасности, проводимая ВОЗ, должна соответствовать Целям развития тысячелетия (Millennium Development Goals) [11]; поэтому в каждой стране должны быть установлены хотя бы минимальные стандарты по контролю лекарственной безопасности; при формировании «Примерного перечня ВОЗ основных лекарственных средств» (WHO Model List of Essential Medicines) необходимо обязательно учитывать данные по безопасности и т. п.

При осуществлении деятельности по контролю лекарственной безопасности ВОЗ получает техническую поддержку в рамках Программы по улучшению доступа к фармацевтическим продуктам

и услугам (Systems for Improved Access to Pharmaceuticals and Services — SIAPS), организованной Агентством по международному развитию (Agency for International Development — USAID) США.

Кроме того, для реализации Программы ВОЗ по международному мониторингу (контролю) лекарственных средств (International Drug Monitoring Program) в структуре ВОЗ созданы и функционируют Сотрудничающий центр ВОЗ по тренингам и разъяснительно-информационной деятельности в области фармаконадзора (WHO Collaborating Centre for Training and Advocacy in Pharmacovigilance) в г. Аккра (Гана); Сотрудничающий центр ВОЗ по фармаконадзору и безопасности пациентов (WHO Collaborating Centre for Pharmacovigilance and Patient Safety) в г. Рабат (Марокко); Сотрудничающий центр ВОЗ по методологии статистики лекарственных средств (WHO Collaborating Centre for Drug Statistics Methodology) в г. Осло (Норвегия).

ВОЗ обосновывает необходимость контроля лекарственной безопасности тем фактом, что негативные последствия применения ЛП могут быть неодинаковыми в разных странах, что обусловлено различиями в производстве, распространении, использовании ЛП, национальных пищевых предпочтениях, генетических особенностях населения, и другими факторами, что важно учитывать при регистрации ЛП. Кроме того, необходим обмен информацией о лекарственной безопасности на международном уровне, так как в условиях глобализации ЛП становятся международным товаром, с легкостью пересекая границы между странами, поэтому важно знать особенности применения того или иного ЛП, чтобы предупредить негативные последствия их применения [4].

Поэтому ВОЗ настаивает на том, чтобы в каждой стране функционировал Национальный центр по контролю за лекарственной безопасностью (Центр фармаконадзора), собирающий и анализирующий информацию о негативных последствиях применения ЛП; эффективный регуляторный Орган по контролю за лекарственными средствами [15], оценивающий полученную информацию о проблемах с безопасностью ЛП, и принимающий оперативные решения по их устранению; эффективные коммуникации для обмена информацией по проблемам эффективности, безопасности и качества ЛП в рамках международного сообщества.

Список литературы:

1. Всемирный альянс за безопасность пациентов. Программа перспективного развития. Всемирная организация здравоохранения, 2005 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: http://www.who.int/patientsafety/events/05/Byklet_RS.pdf.
2. Культура безопасности лекарственной терапии. // Хохлов А.Л., Яворский А.Н., Игнатьев В.С., Сеницина О.А., Степанов И.О., Воронина Е.А., Мельникова Ю.Е. — Ярославль: Ремдер, 2011. — С. 6.
3. Лопухин Ю.М. Биоэтика в России // Вестник Российской академии наук. — 2001. — С. 774.
4. Мешковский А.П. Гармонизация требований GMP — необходимое условие вхождения фармацевтической отрасли в мировую экономику // Фарматека. — 2000. — № 6 (42) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.pharmateca.ru/cgi-bin/statyi.pl?sid=798&mid=1085056570&magid=76>.
5. Руководство по организации системы мониторинга безопасности лекарственных средств (фармаконадзора) в компаниях производителях лекарственных средств или держателях регистрационных удостоверений (Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения и социального развития) от 05.10.2009 г. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://bestpravo.ru/rossijskoje/gk-praktika/gbr.htm>.
6. Юргель Н.В., Хубиева М.Ю., Ушкалова Е.А., Власов А.М., Глаголев С.В. Система фармаконадзора в Российской Федерации: итоги 2009 г. // Вестник Росздравнадзора. — 2010. — № 2. — С. 20—28.
7. Bruce C. Carleton M. Anne Smith. Drug safety: Side effects and mistakes or adverse reactions and deadly errors? BCMJ, Vol. 48, № 7, September 2006, page(s) 329—333.
8. Development of measures to combat counterfeit medicines. WHO/EDM QSM/99.1. WHO 1999. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://whqlibdoc.who.int/hq/1999/WHO_EDM_QSM_99.1.pdf.
9. Frank R. Ernst and Amy J. Grizzle. Drug-Related Morbidity and Mortality: Updating the Cost-of-Illness Model. Journal of the American Pharmaceutical Association. March/April 2001 Vol. 41, № 2. PP. 192.
10. Global priorities for patient safety research. WHO Patient Safety. World Health Organization 2009. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://whqlibdoc.who.int/publications/2009/9789241598620_eng.pdf.
11. Millennium Development Goals (MDGs). — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.who.int/topics/millennium_development_goals/about/en/index.html.

12. Rottenkolber D, Schmiedl S, Rottenkolber M, Färker K, Saljé K, Mueller S, Hippus M, Thuermann PA, Hasford J. Adverse drug reactions in Germany: direct costs of internal medicine hospitalizations. *Pharmacoepidemiol Drug Saf.* 2011 Jun; № 20(6):626—34.
13. Seventh Meeting of the WHO Advisory Committee on Safety of Medicinal Products Geneva, Switzerland. 26—28 April 2010. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.who.int/medicines/areas/quality_safety/safety_efficacy/NL_ACSoMP.pdf.
14. The International Pharmacopoeia. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://apps.who.int/phint/en/p/docf/>.
15. The Importance of Pharmacovigilance — Safety Monitoring of Medicinal Products. World Health Organization 2002. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://apps.who.int/medicinedocs/pdf/s4893e/s4893e.pdf>.
16. Third WHO Medicines Strategy — 2008—2013. WHO/EMP/2009.1. 20 April 2010. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://apps.who.int/medicinedocs/documents/s16821e/s16821e.pdf>.
17. WHA 52.19, the Revised Drug Strategy. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://keionline.org/sites/default/files/WHA52.19_e19_revised_drug_strategy.pdf.
18. World Health Organization. Drug Alerts. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.who.int/medicines/publications/drugalerts/drugalertindex/en/index.html>.
19. WHO pharmaceutical starting materials certification scheme (SMACS): guidelines on implementation. WHO Technical Report Series, № 917, 2003. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://whqlibdoc.who.int/trs/WHO_TRS_917_annex3.pdf.
20. WHO Drug Information Vol. 23, № 1, 2009. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.who.int/medicines/publications/druginformation/issues/DrugInfo09vol23-1.pdf>.
21. WHO Model List of Essential Medicines 17th list (March 2011). — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://whqlibdoc.who.int/hq/2011/a95053_eng.pdf.
22. WHO Drug Information Vol. 26, № 4, 2012. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.who.int/medicines/publications/druginformation/issues/26-4.pdf>.
23. WHO Pharmaceuticals Newsletter № 6, 2012. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.who.int/medicines/publications/NewsletterNo62012.pdf>.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

Платонова Наталья Игоревна

*соискатель кафедры «Правовое обеспечение управленческой
деятельности» МИУ МГИМО (У) при МИД РФ
E-mail: platonovani@gmail.com*

Политические партии в современном понимании возникли лишь на рубеже XIX—XX веков, когда в законодательстве разных стран стали появляться положения, посвященные политическим партиям. Политические партии в современном мире играют настолько важную роль в жизни общества, что ее сложно переоценить. Правовой статус их деятельности регулируется не только на национальном уровне, но и международными нормативно-правовыми актами, актами судебных органов. Между тем государства по-разному рассматривают сущность политических партий, так, одни предоставляют партиям статус юридического лица, другие — политического союза и т. д. В ряде стран, таких как, например, Греция, Словакия, Испания, Великобритания, Италия, до сих пор отсутствует правовое закрепление понятия политической партии. Тем не менее, исходя из текста закона, можно дать следующее определение. Например, согласно ст. 49 Конституции Италии политические партии можно определить как свободное объединение граждан с целью участия в национальной политике посредством демократических процедур [9]. Согласно Конституции Швеции от 28 февраля 1974 г. под партией понимается «любое объединение или группа избирателей, которые выступают на выборах под особым наименованием» [3]. Согласно Закону ФРГ о партиях 1967 г. политическая партия представляет собой «объединения граждан, которые постоянно или длительное время оказывают влияние на формирование политической воли в рамках Федерации или одной из земель и желают участвовать в представительстве народа в Бундестаге или одном из ландтагов при условии, что они в достаточной мере гарантируют серьезность таких намерений их фактическим отношением к делу и, в частности, численностью и постоянством организации, числом членов и активной общественной деятельностью» [4].

В России институт многопартийности довольно молодой в сравнении с иными государствами. Возможность существования политических партий получило конституционное закрепление только в 1993. Однако положения Конституции Российской Федерации

1993 года [1] представляют собой наиболее общие основы регулирования организации и деятельности политических партий. Основные вопросы создания, деятельности политических партий, их правовой статус, задачи и цели деятельности, финансирования и иные регулируются Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» [8]. Согласно указанному закону под политической партией понимается «общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления».

Исходя из данного определения, можно сделать вывод о том, что основными направлениями деятельности политических партий является формирование и выражение воли граждан, представление их интересов в государственных органах и участие в выборах. Любая деятельность преследует определенные цели. Цели деятельности политических партий являются юридическим выражением ее наиболее значимых функций, а также как о средстве выделения важнейших объектов правоотношений, на которые направлена деятельность партии как субъекта права. Основные требования к целям политических партий содержатся в п. 4 ст. 3 Федерального закона о политических партиях, согласно которой основными целями политических партий являются:

- формирование общественного мнения;
- политическое образование и воспитание граждан;
- выражение мнений граждан по различным вопросам общественной жизни и доведение этих мнений до сведения широкой общественности, а также органов государственной власти;
- выдвижение кандидатов (списка кандидатов) на выборах Президента Российской Федерации, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации, выборных должностных лиц местного самоуправления и в представительные органы муниципальных образований, участие в указанных выборах, а также в работе избранных органов [8].

В законе также указывается, что цели и задачи партии могут быть закреплены в ее уставе. Данный факт свидетельствует о некоторой степени самостоятельности политических партий, они вправе

определять цели и задачи самостоятельно, однако предполагается, что такие цели и задачи не будут противоречить существующим нормам законодательства. Цели, закрепленные уставом партии, зависят от политической программы той или иной партии, чем объясняется их большое разнообразие. Примером может служить устав Российской демократической партии «Яблоко», в котором отстаиваются демократические ценности и предусмотрены такие цели, как построение в России гражданского общества и правового государства, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, создание эффективной социально ориентированной рыночной экономики [7].

Справедливая Россия, чья программа построена на «базовых ценностях современного социализма» [5], а именно справедливости, свободе и солидарности, в своем уставе закрепила следующие цели своей деятельности:

- строительство в России справедливого, свободного и солидарного общества;
- содействие реализации стратегических задач развития страны — созданию достойного уровня жизни граждан Российской Федерации и формированию социального и эффективного государства;
- обеспечение для граждан Российской Федерации социальной безопасности;
- содействие обеспечению законных прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, нормами международного права и другие [6].

Таким образом, цели политических партий разнообразны по своей направленности. В целом их можно разделить на политические, социальные, экономические, геополитические и пропагандистские.

Отдельно стоит также обратить внимание на тот факт, что при указании на наличие целей и задач политических партий законодатель не раскрывает соответствующих понятий, а также разницы между ними. Профессор С.А. Авакян считает, что под целями политических партий стоит понимать «стратегические «указатели», векторы движения вперед» [2], задачи же рассматриваются как те шаги, которые необходимо предпринять для достижения целей. В уставах политических партий, при определении целей и задач, руководствуются таким же принципом. В Уставе Всероссийской политической партии «Единая Россия» п. 2.2. предусматривает задачи, которые политическая партия решает для достижения своих целей.

Подобное разделение этих двух понятий можно встретить и в уставах иных политических партий, например, в Уставе политической партии Справедливая Россия, Политической партии «Гражданская платформа», Российской демократической партии «Яблоко», политической партии «Либерально-демократическая-партия-России» и иных.

Политические партии обладают особым правовым статусом, так как в законодательстве многих стран мира именно партии наделяются правом участвовать в выборах в законодательные органы страны, а также выдвигать кандидатов на пост главы государства. Следовательно, участие в выборах стоит рассматривать как приоритетное направление деятельности партии, главной целью. Остальные же цели можно определить как «обеспечительные». Для существования и развития гражданского общества, политической конкуренции, законодатель должен предусматривать надлежащее регулирование вопросов деятельности политических партий, гарантировать равные возможности партий при этом создавать правовую основу для предотвращения возможности политической коррупции.

Список литературы:

1. Конституция РФ принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации 2000. № 3.
2. Конституционно-правовой статус политических партий в России // С.А. Авакьян, изд. Норма, М.:2011 с. 118.
3. Конституция Королевства Швеция от 27 февраля 1974. Конституции государств Европы. М.: изд. Норма. 2001.
4. Посудин С.В., Методика работы с понятийным аппаратом в курсе политологии (на примере понятия «политическая партия») // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://zhurnal.lib.ru>.
5. Программа партии Справедливая Россия // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.spravedlivo.ru.
6. Устав политической партии Справедливая Россия // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.spravedlivo.ru.
7. Устав Российской демократической партии «Яблоко» // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.yabloko.ru.
8. Федеральный закон от 2001. № 95-ФЗ «О политических партиях» // СЗ РФ. 16.07.2001, № 29, ст. 2950.
9. Evaluation report of Italy. Transparency of party funding. Greco Eval III Rep (2011) 7E Theme II // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: www.coe.int.

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫМ КАТЕГОРИЯМ ГРАЖДАН ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЙ: ПРОБЕЛЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Плехотко Константин Константинович

*аспирант Сибирского института управления — РАНХИГС,
г. Новосибирск*

E-mail: promahoskon@mail.ru

Конституция Российской Федерации [3] провозглашает Россию социальным государством. Подобное определение государства подразумевает принятием им на себя широких обязанностей по обеспечению достойного существования и развития граждан, в особенности социально незащищенных слоев населения. Нормативное закрепление данных обязанностей осуществляется на конституционном уровне.

Согласно ч. 3 ст. 40 Конституции РФ малоимущим, иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в жилище, оно предоставляется бесплатно или за доступную плату из государственных, муниципальных и других жилищных фондов [3]. В частности абз. 2 п. 1 ст. 8 Федерального закона от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [5] устанавливает, что дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, а также дети, находящиеся под опекой (попечительством), не имеющие закрепленного жилого помещения, обеспечиваются жилой площадью не ниже установленных социальных норм вне очереди органами исполнительной власти по месту жительства. Полномочия по обеспечению жилищем данной категории граждан возложено законом на органы власти субъектов Российской Федерации.

Широкую практику приобрело закрепление полномочий по обеспечению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, находящихся под опекой (попечительством), за муниципальными образованиями. Указанным категориям граждан жилье предоставляется муниципалитетами с последующей компенсацией расходов за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации.

Закрепление обязанности муниципалитетов по обеспечению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, можно признать разумным решением жилищных проблем указанной категории граждан: не требуется создание новых органов в субъектах

Федерации, у муниципалитетов есть в целом отработанный механизм по предоставлению жилых помещений, гражданам проще реализовать свои права, взаимодействуя с органами муниципальной власти по месту своего проживания. Возможность подобного делегирования полномочий прямо предусмотрена ч. 4 ст. 49 Жилищного кодекса РФ [2]. Законность передачи полномочий в рассматриваемом случае была проверена Конституционным судом Российской Федерации. В Определении от 05.02.2009 № 250-О-П «По жалобе муниципального образования — городского округа «Город Чита» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем вторым пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [10] Конституционный суд указал, что обеспечение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, вне очереди жилыми помещениями не ниже установленных социальных норм может быть возложено на органы местного самоуправления при условии наделения их соответствующими полномочиями.

В тоже время в данном механизме заложено существенное противоречие, которое проявилось в судебной практике. Согласно общим принципам передачи полномочий органам муниципальной власти муниципалитеты должны предоставлять жилые помещения в пределах тех субвенций, которые предоставлены местным бюджетам из бюджета субъекта Российской Федерации. Естественно муниципальные образования не могут, а в целом и финансово не способны предоставлять лицам, оставшимся без попечения родителей, жилые помещения за пределами данных субвенций. По этому поводу С.В. Доржиева обосновано замечает: «в противном случае полномочия будут явно невыполнимыми, даже несмотря на судебные решения» [1, с. 37]. Поскольку полномочие передано, граждане имеют право требовать надлежащего его исполнения от муниципальных образований, а при непредоставлении жилья обращаться за защитой своих прав в суд.

Кемеровский областной суд в Справке от 18.09.2007 № 01-19/518 «Справка о практике рассмотрения судами области гражданских дел в первом полугодии 2007 года по кассационным и надзорным данным» [11] признал законным возложение на муниципальные образования обязанности по предоставлению жилого помещения лицу, оставшемуся без попечения родителей и имеющему право на внеочередное предоставление жилого помещения. Более того, Кемеровский областной суд посчитал противоречащим законодательству возложение на Администрацию Кемеровской области

обязанности выделить субвенцию, поскольку отношения по предоставлению субвенций возникают между органами местного самоуправления и органами государственной власти, регулируются нормами бюджетного законодательства и не влияют на реализацию прав граждан по предоставлению жилых помещений. Таким образом, суд нарушил принципы взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления. Аналогичным образом складывалась практика, например, в Калининградской области — суды возлагали обязанности по обеспечению жилым помещением детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не имеющих закрепленного за ними жилого помещения, на органы местного самоуправления [13, с. 19].

Органы субъектов Российской Федерации при рассмотрении таких дел стремились переложить на местное самоуправление свои обязанности по обеспечению лиц, оставшихся без попечения родителей, за пределами предоставляемых субвенций, ссылаясь на то, что субвенции предоставлены в соответствии с законом, полностью в пределах, предусмотренных бюджетом, а значит, субъект федерации выполнил все возложенные на него законом обязанности. При этом представители субъектов Российской Федерации считали свою обязанность выполненной независимо от достаточности предоставленных средств. Подобные действия не соответствуют ст. 132 Конституции РФ, устанавливающей, что органы местного самоуправления наделяются отдельными государственными полномочиями с передачей необходимых для их осуществления материальных и финансовых средств [3].

Подобного подхода придерживается и Верховный суд Российской Федерации, который также как и Кемеровский областной суд, обобщая практику рассмотрения подобных споров в «Обзоре практики рассмотрения судами дел по заявлениям прокуроров в защиту жилищных прав несовершеннолетних детей, подпадающих под категорию лиц, которые имеют право на дополнительную социальную защиту в соответствии со ст. 1 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [6] отметил, что правильной является позиция судов, которые, разрешая дела названной категории, удовлетворяли требования прокуроров о предоставлении вне очереди по договору социального найма жилых помещений детям-сиротам или детям, оставшимся без попечения родителей, по месту их жительства. Подобное заключение может быть названо справедливым только при формальном толковании законода-

тельства. На муниципальные образования возложена соответствующая обязанность, но у нее есть четкие пределы — размеры денежного обеспечения. В связи с этим интересна позиция А.В. Мадьяровой: «При этом принципиально важно, что обязательность исполнения делегированных полномочий возникает не с момента их передачи федеральным законом или законом субъекта РФ, а с момента предоставления законом о бюджете на финансовый год (плановый период) соответствующих субвенций» [4]. Подобный акцент на связи субвенций и осуществления переданных полномочий является дополнительным подтверждением того, что муниципальные образования не должны осуществлять полномочия без надлежащего их обеспечения.

Во многом именно из-за подобного развития судебной практики в судах общей юрисдикции было подано обращение, в связи с рассмотрением которого было вынесено указанное выше Определение Конституционного суда РФ от 05.02.2009 № 250-О-П [7]. Конституционный суд, как было указано, выше признал наделение муниципальных образований полномочиями в данной сфере законным при условии обязательного соблюдения порядка наделения органов местного самоуправления отдельными государственными полномочиями, урегулированного Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Е.С. Шугрина отмечает, что подобные дела часто встречаются в материалах судебной практики. Они получили условное название «нефинансируемые мандаты», когда органы государственной власти возлагают на органы выполнение определенных функций, не оформляя это должным образом и не предоставляя достаточного финансирования [14, с. 320].

Принятие Конституционным судом акта с подобным содержанием, казалось бы, должно было окончательно разрешить ситуацию. Суды при вынесении решений при рассмотрении исков лиц, оставшихся без попечения родителей, имеющих право на получение жилья, должны были бы проверить — существуют ли условия для исполнения муниципалитетом своей обязанности. В случае установления отсутствия таких условий решением, отвечающим Конституции РФ, представляется привлечение органов государственной власти субъектов Российской Федерации в качестве соответчиков. При вынесении решения суд в соответствии с законом должен был бы обязать субъект Российской Федерации предоставить субвенцию для приобретения жилья, а муниципальное образование предоставить жилое помещение гражданину после получения субвенций из бюджета субъекта Российской Федерации.

В отдельных субъектах России такая практика сложилась. При рассмотрении исков лиц, имеющих право на получение жилого помещения как лиц отнесенных к категории детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, суды общей юрисдикции Кемеровской области принимают решения об обязанности администраций муниципальных образований предоставить гражданину вне очереди по договору социального найма благоустроенное жилое помещение общей площадью не менее установленных нормативов за счет средств субвенций на обеспечение жилыми помещениями детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, выделяемых на эти цели из бюджета Кемеровской области. Кемеровский областной суд последовательно поддерживает решения нижестоящих судов при рассмотрении апелляционных жалоб на подобные решения (например: Определение Кемеровского областного суда от 30 сентября 2011 г. по делу № 33-11090 [9]).

Например, Верховный суд в Определении от 08.02.2011 № 29-В10-12 посчитал обоснованным удовлетворение иска к муниципальному образованию о понуждении к предоставлении благоустроенного жилого помещения в виде отдельной однокомнатной квартиры по договору социального найма общей площадью на одного человека не менее нормы предоставления. При этом Верховный суд не указал на обязательность привлечения субъекта Российской Федерации в качестве соответчика, а также о необходимости предоставления субъектом Российской Федерации субвенции для этих целей. Аналогичным образом были разрешены и иные сходные дела, например, Определением Верховного Суда РФ от 17.04.2012 № 15-Впр12-8 [7], Определением Верховного Суда РФ от 17.04.2012 № 15-Впр12-4 [8].

Верховный суд, не учитывая при вынесении решений Определение Конституционного суда от 05.02.2009 № 250-О-П, создает условия для нарушения принципа независимости муниципальной власти от государственной, а также для незаконного возложения государственных обязанностей на органы местного самоуправления. Угроза такого нарушения положений Конституции РФ не должно стать основанием для отказа от передачи полномочий от субъектов Российской Федерации органам местного самоуправления. Возможные нарушения связаны исключительно с правоприменительной практикой. Сама передача полномочий по обеспечению жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также детей, находящихся под опекой (попечительством), соответствует Конституции РФ при условии соблюдения принципов передачи

полномочий. Указанные выше положения доказывают эффективность подобной организации обеспечения данной категории граждан. В связи с этим и для недопущения нарушения прав муниципальных образований необходимо подготовка Верховным судом в соответствии со ст. 126 Конституции РФ разъяснений обязательных для нижестоящих судов, поскольку «в российской правовой системе официальное толкование играет весьма важную, а порой определяющую роль» [12, с. 21].

В данные разъяснения необходимо закрепить порядок рассмотрения дел, а также обязанности, которые должны быть возложены на отдельные органы власти. При рассмотрении дел необходимо установить обязанность суда проверить исполнение муниципальным образованием переданных полномочий надлежащим образом и выявить наличие возможности на момент рассмотрения дела предоставить жилое помещение гражданину в пределах ранее предоставленной субсидии. При отсутствии по объективным причинам такой возможности в качестве соответчика в дело должен быть привлечен субъект Российской Федерации. При вынесении решения в резолютивной части должны быть закреплены обязанность муниципального образования предоставить жилое помещение по договору социального найма и обязанность субъекта Российской Федерации предоставить субвенции для предоставления жилого помещения по договорам социального найма.

Список литературы:

1. Доржиева С.В. Жилищные права приемных детей // Семейное и жилищное право. — 2010 — № 4. — С. 34—37.
2. Жилищный кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ (ред. от 13.05.2008) // Собрание законодательства РФ. — 03.01.2005. — № 1 (часть 1). — С. 14.
3. Конституция Российской Федерации от 12 дек. 1993 // Рос. газ. — 1993. — 25 дек.
4. Мадьярова А.В. Предметы ведения муниципальных образований и полномочия органов местного самоуправления: попытка системного анализа // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [справочно-поисковая система].
5. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: Федеральный закон от 21 декабря 1996 № 159-ФЗ (ред. от 17.12.2009) // Собрание законодательства РФ. — 23.12.1996. — № 52. — С. 5880.

6. Обзор практики рассмотрения судами дел по заявлениям прокуроров в защиту жилищных прав несовершеннолетних детей, подпадающих под категорию лиц, которые имеют право на дополнительную социальную защиту в соответствии со ст.1 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 10. — 2008.
7. Определением Верховного Суда РФ от 17.04.2012 № 15-Впр12-8 // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [справочно-поисковая система].
8. Определением Верховного Суда РФ от 17.04.2012 № 15-Впр12-4 // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [справочно-поисковая система].
9. Определение Кемеровского областного суда от 30 сентября 2011 г. по делу № 33-11090 // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [справочно-поисковая система].
10. По жалобе муниципального образования - городского округа «Город Чита» на нарушение конституционных прав и свобод абзацем вторым пункта 1 статьи 8 Федерального закона «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей»: Определение Конституционного суда № 250-О-П от 5 февраля 2009 // Вестник Конституционного Суда РФ. — № 5. — 2009.
11. Справка Кемеровского областного суда от 18.09.2007 № 01-19/518 «Справка о практике рассмотрения судами области гражданских дел в первом полугодии 2007 года по кассационным и надзорным данным» // [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: [справочно-поисковая система].
12. Туманов Д.А. Юридическое толкование и пробелы в гражданском процессуальном праве // Право и политика. — 2006. — № 6. — С. 18—23.
13. Фалеев В.И., Крамаренко О.А.// Цивилист. — 2008. — № 3. — С. 14—25.
14. Шугрина Е.С. Судебная защита местного самоуправления. — М.: Инфра — М, 2010. — 336 с.

ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Поперина Екатерина Николаевна

преподаватель ЮУрГУ,

г. Озерск

E-mail: poperina@mail.ru

Право на неприкосновенность частной жизни принято рассматривать в двух аспектах:

1. как самостоятельное субъективное право;
2. как юридическую категорию в комплексе со смежными правами.

В рамках данной статьи автор рассматривает право на неприкосновенность частной жизни как юридическую категорию.

При рассмотрении права на неприкосновенность частной жизни как юридической категории необходимо рассматривать его в комплексе со смежными правами: правом на неприкосновенность семейной жизни, правом на тайну переписки и правом на неприкосновенность жилища. Эти права могут рассматриваться и как самостоятельные права, и как примыкающие к праву на неприкосновенность частной жизни элементы.

Право на неприкосновенность семейной жизни в российском законодательстве предполагает защиту юридически оформленных семейных отношений.

Под семьей понимается «союз лиц, основанный на браке, родстве (или только родстве), а также принятие детей на воспитание, характеризующийся общностью жизни, интересов, взаимной заботой» [1, с. 56—57].

Сведения, касающиеся семейной жизни, могут стать известными в силу проведения расследования уголовного дела, сбора и хранения персональных данных, а также проведения медицинского обследования. Российское законодательство устанавливает запреты на разглашение подобных сведений органам и должностным лицам, которым они были доверены в связи с осуществлением своей профессиональной деятельности. Например, Уголовный кодекс Российской Федерации устанавливает ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его семейную тайну, без его согласия [5].

На международном уровне право на неприкосновенность семейной жизни получило свое закрепление во Всеобщей декларации прав человека: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его семейную жизнь. Каждый человек имеет право на защиту закона от таких посягательств» [2].

Право на неприкосновенность семейной жизни включает в себя тайну усыновления. Семейный кодекс Российской Федерации предусматривает охрану тайны усыновления ребенка: «Судьи, вынесшие решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществляющие государственную регистрацию усыновления, а также лица, иным образом осведомленные об усыновлении, обязаны сохранить тайну усыновления ребенка» [4].

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за «разглашение тайны усыновления (удочерения) вопреки воле усыновителя, совершенное лицом, обязанным хранить факт усыновления (удочерения) как служебную или профессиональную тайну, либо иным лицом из корыстных или низменных побуждений» [5]. Необходимо отметить, что нарушение тайны усыновления представляет собой высокую степень общественной опасности, поскольку подобное деяние способно нанести сильную психологическую и моральную травму, как ребенку, так и его усыновителям, или привести к иным неблагоприятным последствиям. Поэтому волю законодателя по установлению уголовной ответственности за разглашение тайны усыновления вопреки воле усыновителя нельзя не признать обоснованной.

Таким образом, под правом на неприкосновенность семейной жизни следует понимать право личности на защиту юридически оформленных семейных отношений от произвольного и незаконного собирания или распространения сведений о частной жизни лица, составляющих его семейную тайну, без его согласия.

К праву на неприкосновенность частной жизни примыкает право на тайну переписки, которое также может быть рассмотрено и как самостоятельное право. Данное право является одним из конституционных прав человека, ограничение которого допускается только на основании судебного решения [3].

Право на тайну переписки включает право на неприкосновенность почтовой корреспонденции, телефонных переговоров, телеграфных сообщений, а также сообщений по факсу и электронной почте.

Право на тайну почтовой корреспонденции предполагает запрет на осмотр, вскрытие почтовых отправлений и их вложений без соответствующего судебного решения. В соответствии с Феде-

ральным законом «О почтовой связи» деятельность в области почтовой связи осуществляется на основе принципа обеспечения права каждого на тайну связи [6].

Под правом на тайну телеграфных сообщений понимается запрет на ознакомление с телеграммой какого-либо лица, кроме получателя и отправителя. Однако является допустимым ознакомление с содержимым телеграммы работников телеграфа. В данном случае имеет место профессиональная тайна. Несмотря на то, что отдельные работники связи знакомы с содержанием сообщения, они не имеют право его разглашать под угрозой ответственности.

Право на тайну телефонных переговоров предусматривает запрет на ознакомление со сведениями, касающимися содержания разговора, номеров телефонов вызываемого и вызывающего абонентов, продолжительности и времени звонка для любых лиц, кроме вызывающего и вызываемого абонентов. Федеральный закон «О связи» определяет «сведения об абонентах и оказываемых им услугах связи, ставшие известными операторам связи в силу исполнения договора об оказании услуг связи», как информацию «ограниченного доступа», которая подлежит защите в соответствии с законодательством Российской Федерации. Подобная информация может предоставляться третьим лицам только с согласия в письменной форме абонентов [7].

Право на тайну сообщений по факсу и электронной почте предусматривает запрет на прочтение электронных сообщений и сообщений по факсу без соответствующего судебного решения.

Под правом на тайну переписки следует понимать право личности на защиту информации, имеющей конфиденциальный характер, от ознакомления с ней третьих лиц в ходе осуществления почтово-телеграфных отправлений, телефонных переговоров, отправления сообщений по электронной почте и факсу, без соответствующего судебного решения.

Конституция Российской Федерации предусматривает отдельную статью, регулиующую право на неприкосновенность жилища. Данное право следует рассматривать, как самостоятельное право, пересекающееся с правом на неприкосновенность частной жизни. Статья 25 Конституции содержит следующее положение: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения» [3].

Право на неприкосновенность жилища также регламентируется и международными актами. Например, Всеобщая декларация прав человека закрепила положение о том, что «никто не может

подвергаться произвольным посягательствам на неприкосновенность его жилища» [2].

Российское законодательство устанавливает, что законное проникновение в жилище без согласия проживающих в нем лиц допускается в случае:

1. наступления непредвиденных чрезвычайных обстоятельств, таких как катастрофы, стихийные бедствия, аварийные ситуации, пожары и т. д. В подобных ситуациях основания и порядок проникновения определяются ведомственными инструкциями.

2. защиты правопорядка в целях раскрытия преступлений, задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечении совершаемых преступлений и иных правонарушений и т. п.

Необходимо отметить, что правом на неприкосновенность жилища обладают только те лица, которые наделены правом собственности или правом пользования на занимаемое жилое или подсобное помещение в соответствии с правоустанавливающими документами.

Нарушение неприкосновенности жилища квалифицируется как преступление, влекущее за собой наступление уголовной ответственности [5].

Право на неприкосновенность жилища пересекается с правом на неприкосновенность частной жизни. Неприкосновенность жилища предполагает, что «каждый человек имеет право на обособление, уединение в занимаемом им и его близкими людьми помещении и сохранении в тайне всего того, что происходит в жилище» [8, с. 138]. Таким образом, право на неприкосновенность жилища пересекается также и с правом на неприкосновенность семейной жизни, поскольку право на неприкосновенность жилища защищает не только само жилище, но и ту часть личной и семейной жизни, которую человек предпочитает оставлять закрытой от общества и государства.

Под правом на неприкосновенность жилища следует понимать гарантированное государством право человека на охрану и защиту жилого или подсобного помещения, принадлежащего ему на праве собственности или на праве пользования, от незаконного проникновения других лиц.

Таким образом, на основании вышеуказанного можно сделать вывод о том, что право на неприкосновенность частной жизни существует не изолированно, а соприкасается с рядом других прав. Помимо того, что оно гарантируется такими правовыми установлениями, как неприкосновенность семейной жизни, неприкосновенность жилища, неприкосновенность корреспонденции, его существование невозможно без таких фундаментальных прав человека,

как право на жизнь, достоинство личности, свободу и личную неприкосновенность, свободу совести, свободу выбора национальности и выбора языка общения. Оно немислимо и без права собственности, поскольку именно собственность, обеспечивая имущественную независимость, создает экономическую основу свободы личности.

Список литературы:

1. Безлепкин Б.Т. Судебно-правовая защита прав и свобод граждан в отношениях с государственными органами и должностными лицами. М.: ЮрИнфоР, 1997. — 123 с.
2. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 года // Российская газета. — 1995. — 5 апреля.
3. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года // Российская газета. — 1993. — 25 декабря.
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ // Российская газета. — 1997. — 27 января. — № 17.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 30 июня 1996 года № 63-ФЗ // Российская газета. — 1996. — 18, 19, 20, 25 июня. — № 113, 114, 115, 118.
6. Федеральный закон «О почтовой связи» от 17 июля 1999 года № 176-ФЗ // Российская газета. — 1999. — 22 июля. — № 140—141.
7. Федеральный закон «О связи» от 7 июля 2003 года № 126-ФЗ // Российская газета. — 2003. — 10 июля. — № 135.
8. Филимонова Е.А. Конституционное право российских граждан на неприкосновенность частной жизни: дисс. канд. юрид. наук / Е.А. Филимонова. — Волгоград, 2005. — 229 с.

СЕКЦИЯ 9.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАВОВАЯ ПОМОЩЬ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Фадеев Павел Владимирович

канд. юрид. наук, доцент,

Московский университет МВД России, докторант

E-mail: fadeevpv2001@yandex.ru

В настоящее время вопросы оказания международной правовой помощи, объединения усилий отдельных государств и мирового сообщества, их эффективного взаимодействия в правовой сфере, центральным элементом которого, безусловно, является международное сотрудничество в борьбе с преступностью, занимают пристальное внимание ученых и практиков.

Однако среди ученых по вопросам соотношения понятий международного сотрудничества и международной правовой помощи нет единого мнения. Одни ученые полагают, что международная правовая помощь является одним из отдельных видов международного сотрудничества, не тождественна с ним по своей форме и сути (Лукашук И.И., Наумов А.В., Глумин М.П., Натура А.И., Пихов А.Х-А. и др.). По мнению Э.Б. Мельниковой, международное сотрудничество значительно шире международной правовой помощи, и последняя может входить в него как самостоятельная часть [4, с. 271].

Противоположной, но наиболее перспективной, на взгляд автора, является точка зрения о том, что между международной правовой помощью и международным сотрудничеством нет принципиальных различий, разделяющих их друг от друга, они являются одной и той же деятельностью разного уровня (Бастрыкин А.И. Строгонова А.К. и др.). По мнению Л.А. Лазутина, «правовое сотрудничество государств и правовая помощь суть явления одного порядка. Отличие между ними заключается в том, что правовая помощь — более узкое понятие правовое сотрудничество — более

емкое понятие, включающее в себя все межгосударственные (межправительственные и межведомственные) сферы правового характера, осуществляемые на основании имеющихся источников международного права» [3, с. 22].

Имеющийся опыт показывает, что организационно оформленный механизм сотрудничества является более высокой ступенью межгосударственных отношений в области борьбы с преступностью, чем отдельные соглашения о взаимной правовой помощи, даже нескольких государств. В условиях выхода уголовных преступлений за рамки государственных границ, а также в связи с ростом числа совершаемых преступлений международного характера борьбу с ними становится вести все труднее. А добиться эффективности можно только при согласованных действиях большинства государств, при рациональном сочетании внутригосударственных и международных усилий, в том числе на основе международных соглашений [11, с. 96].

Об отсутствие принципиальных различий международной правовой помощи и международного сотрудничества показывают, во-первых, анализ большинства определений и видов международного сотрудничества по уголовным делам, которые в целом несут в себе основные характерные черты международной правовой помощи. Во-вторых, международные соглашения, которые часто являются правовыми основаниями для регулирования отношений, как связанных с международным сотрудничеством, так и международной правовой помощью.

Некоторые межгосударственные соглашения о сотрудничестве и взаимной помощи подчеркивают отсутствие различий между ними как в названии и предмете договора, так и в отдельной статье, где перечисляются единые мероприятия по их реализации. К их числу относятся соглашение Правительств государств-участников стран СНГ от 04 июня 1999 г. «О сотрудничестве и взаимной помощи по вопросам соблюдения налогового законодательства и борьбы с нарушениями в этой сфере» [9], соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Белоруссия от 12 февраля 1999 г. «О сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями. А также финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем» [8] и др.

Однако следует признать, что международная правовая помощь и международное сотрудничество все же имеют некоторые отличия,

связанные с организационно-правовыми аспектами этих видов деятельности и характером совершаемых действий.

Организационно-правовые отличия, на взгляд автора, заложены в семантике основных понятий этих видов деятельности. Обращает на себя внимание, что, как правило, во всех принятых международных договорах о правовой помощи применяется словосочетание «взаимная правовая помощь». При этом термин «взаимный», понимаемый как «обоюдный, касающийся обеих сторон» [7, с. 65], подчеркивает, что правовая помощь необходима всем без исключения участникам соглашения и предполагает не только действия одного государства в интересах другого для достижения полезного результата. Но и при необходимости обоюдную и совместную деятельность государств по содействию друг другу в реализации их интересов.

В свою очередь понятие «сотрудничество», разъясняемое в русском языке как «работать вместе, принимать участие в общем деле» [7, с. 614], отмечает организацию какой-либо совместной деятельности, важной для всех его участников. А в словосочетании «международное сотрудничество» отражает потребности государств в нахождении постоянных форм, средств и методов деятельности, объединяющих их совместные усилия, способствующих эффективно взаимодействовать друг с другом на постоянной и длительной основе.

Кроме того отличия могут быть связаны не только с организационно-правовыми аспектами, но и с характером конкретных действий, совершаемых в процессе международного сотрудничества или международной правовой помощи. Международное сотрудничество и помощь, по мнению А.И. Бастрыкина, отличаются друг от друга по характеру тех действий, которые предпринимаются в случае оказания помощи или осуществления сотрудничества по уголовным делам. Применяя в целом правильный подход к проблеме соотношения этих видов деятельности, А.И. Бастрыкин, на взгляд автора, сужает содержание правовой помощи до проведения только отдельных процессуальных действий [1, с. 28—50]. В этом он не одинок [13, с. 133].

В настоящее время складывается тенденция не только к увеличению видов международной правовой помощи, но и к их дальнейшему разнообразию. В международных соглашениях о правовой помощи стали активнее включать действия, связанные с получением свидетельских показаний или передачей вещественных доказательств, материалов или документов, возбуждением уголовного преследования, розыском и выдачей лиц, совершивших преступления, что является следствием расширительного толкования понятия и содержания

правовой помощи по уголовным делам [5, с. 597]. При этом существенно изменяются формы международной правовой помощи. Обмен полученной информацией осуществляется в зависимости от канала передачи соответствующих поручений (по линии судебных органов или Интерпола), порядку исполнения (обычному — для доказательственных, упрощенному — для оперативных целей) и кругу компетентных органов. Юристы к международной правовой помощи стали относить процессуальные действия и оперативно-розыскные мероприятия [2, с. 51; 6, с. 20], а также иные действия, связанные с расследованием, рассмотрением и разрешением уголовного дела, исполнением судебных решений, экстрадицией подозреваемого, обвиняемого, подсудимого или осужденного [10, с. 8—9], а также отдельные действия организационно-правового характера.

Наиболее показательной, на взгляд автора, представляется классификация правовой помощи, предложенная Ю.В. Трунцевским. По его мнению, взаимная правовая помощь по уголовным делам в области противодействия терроризму на основе международного договора включает следующее:

1. сношения по вопросам выдачи, уголовного преследования лиц, исполнения следственных поручений, затрагивающих права граждан и требующих санкций прокурора, осуществляются генеральными прокурорами (прокурорами) сторон;
2. пересылка материалов прокурорско-следственной деятельности;
3. выполнение отдельных процессуальных действий;
4. признание и исполнение решений иностранных государств по уголовным делам;
5. осуществление надзорных функций, связанных с расследованием преступлений;
6. содействие в розыске преступников, пропавших без вести, а также этапировании арестованных и осужденных;
7. борьба с правонарушениями в области экономики и внешнеэкономической деятельности;
8. обмен информацией о преступниках и лицах, причастных к преступлениям;
9. сотрудничество по иным вопросам правовой деятельности (сотрудничество органов юстиции (судов, нотариата, прокуратуры) правовой защиты юридических лиц, процессуальных прав иностранцев и т. д.), например предоставление информации о действующем праве и судебной практике;
10. оказание материально-технической помощи [12].

Проведенный анализ свидетельствует, во-первых, о выходе международной правовой помощи за рамки отдельных процессуальных действий и оперативно-розыскных мероприятий; во-вторых, о сближении понятий и содержания международной правовой помощи и международного сотрудничества; в-третьих, о целесообразности понимания международной правовой помощи и международного сотрудничества как родственных и тождественных понятий; в-четвертых, о целесообразности признания международного сотрудничества более высокой ступенью межгосударственных отношений по отношению к международной правовой помощи.

Таким образом, понятия «международная правовая помощь» и «международное сотрудничество» могут не только дополнять друг друга, но применяться как синонимы для обозначения правовой деятельности различных государств по содействию друг другу в реализации взаимных интересов по уголовным делам на территории иностранного государства.

Список литературы:

1. Баstryкин А.И. Взаимодействие советского уголовно-процессуального и международного права. — Л., 1986. — 136 с.
2. Волеводз А.Г. Правовое регулирование новых направлений международного сотрудничества в сфере уголовного процесса. — М., 2002. — 528 с.
3. Лазутин Л.А. Правовая помощь по уголовным делам как комплексное формирование в международном уголовном и уголовно-процессуальном праве: Автореф. дисс. докт. юрид. наук. 12.00.10. — Казань, 2008. — 48 с.
4. Ларин А.М., Мельникова Э.Б., Савицкий В.М. Уголовный процесс России: лекции-очерки. — М., 1997. — 314 с.
5. Международные акты о правах человека. Сборник документов. — М.: Издательство НОРМА, 2000. — 784 с.
6. Милинчук В.В. Институт взаимной правовой помощи по уголовным делам. Действующая практика и перспективы развития. — М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», 2001. — 352 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — 20-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1988. — 750 с.
8. Соглашение между Правительством РФ и Правительством Республики Беларусь от 12 февраля 1999 г. «О сотрудничестве и взаимной помощи в области борьбы с незаконными финансовыми операциями, а также финансовыми операциями, связанными с легализацией (отмыванием) доходов, полученных незаконным путем» // Бюллетень международных договоров. — 1999. — № 11.

9. Соглашение Правительств государств-участников стран СНГ от 04 июня 1999 г. «О сотрудничестве и взаимной помощи по вопросам соблюдения налогового законодательства и борьбы с нарушениями в этой сфере» // Бюллетень международных договоров. — 2001. — № 7.
10. Строгонова А.К. Экстрадиция в уголовном процессе Российской Федерации. — М.: Издательство «Щит-М», 2005. — 141 с.
11. Сунцов А.Е., Трунцевский Ю.В. Теоретические проблемы имплементации норм международного уголовного права в России // Московский журнал международного уголовного права. — 1997. — № 2. — С. 92—99.
12. Трунцевский Ю.В. Правовые основы международного сотрудничества Российской Федерации в области противодействия терроризму // Международное публичное и частное право. — 2007. — № 1. / [Электронный ресурс] — Режим доступа. КонсультантПлюс.
13. Юрков А.П. Международное уголовно-процессуальное право и правовая система Российской Федерации: теоретические проблемы. Дисс. докт. юрид. наук. 12.00.10. — Казань, 2001. — 377 с.

СЕКЦИЯ 10.

МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

МОДЕЛИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Дархамбаева Айнура Даулетбековна

канд. юрид. наук, Академии экономики и права

им. У.А. Джолдасбекова,

г. Талдыкорган

E-mail: nuri_7878@mail.ru

Изучение моделей института местного самоуправления раскрывает позитивные возможности сравнительно-правового анализа, связующего ретроспективы его эволюции и современные тенденции реализации потенциала местного самоуправления. Познание специфики моделей местного самоуправления позволяет обнаружить некоторые важные для рецепции в отечественное право нормы зарубежного законодательства по вопросам местного самоуправления. Теоретико-правовые модели местного самоуправления служат основанием построения национальной системы местного самоуправления, выделяющего демократические пути развития того или иного государства. Совершенствуясь в условиях сохранения исторических традиций, та или иная модель местного самоуправления преобразовывается в некие общие нормативные стандарты, определяющие наличие демократических идеалов и ценностей в современном обществе.

Под моделями местного самоуправления, по мнению В.Н. Иванова и В.И. Петрушева, следует понимать такие претендующие на видовое обособление формы местного самоуправления, которые проявляют свою специфику, отличие от иных форм комплексом сущностных, функциональных, организационно-структурных, материально-финансовых и иных характеристик [2, с. 26].

Н.В. Постовой считает, что говорить о соответствующей модели местного самоуправления можно лишь тогда, когда, например, те же организационно-структурные новеллы вызывают существенное перераспределение полномочий, изменение характера отношений между муниципальными органами, взаимосвязей между органами

и населением, между различными муниципальными образованиями (город-район в городе, район-село, район-поселок, район-город районного значения) и др. [4, с. 116].

Несмотря на разновидность моделей, все они основаны на общих принципах местного самоуправления. Рассмотрим англосаксонскую, континентальную, иберийскую, систему советов социалистического типа и смешанную.

Англосаксонскую модель принято считать классической, и она характерна для ряда современных государств: США, Великобритании, Индии, Канады, Австралии и др. [1, с. 58]. В соответствии с англосаксонской системой на местах существуют только выборные органы общей компетенции и применяются сельские сходы. В графствах и округах Англии, в графствах Уэльса, в округах Шотландии (буквально: местные округа для управления), в округах Северной Ирландии, в графствах, округах, тауншипах США, Австралии, Канады существуют выборные советы (в графствах Северной Ирландии советов нет), а также непосредственно гражданами избираются иногда некоторые другие должностные лица (шериф в США и др.) [5, с. 426].

Особенности данной модели заключаются в ряде характерных признаков, таких как:

- формальная автономия и самостоятельность местного самоуправления;
- отсутствие на местах уполномоченных центрального правительства, «опекающих» органы местного самоуправления [6].

Взаимоотношения между центральной и местной властями в странах, где доминирует англосаксонская модель, определяются принципом «действовать в пределах предоставленных полномочий». Таким образом, право делегирования полномочий строго определено в нормативном порядке. Все иные действия считаются совершенными с превышением полномочий и могут быть признаны судом неправомерными [6]. В отдельных штатах муниципальным органам предоставлено право самостоятельно от центра решать вопросы местного значения в рамках, конечно же, предоставленных им полномочий. Следует также уточнить, что рассматриваемая модель не предусматривает наличия на местах каких-либо чиновников, назначаемых из центра для контроля за органами самоуправления.

Континентальная модель получила свое распространение в странах континентальной Европы (Франции, Италии, Испании, Бельгии, Польше, Болгарии, Турции, Монголии), а также в большин-

стве стран Латинской Америки, Ближнего Востока, франкоязычной Африки [3, с. 6].

Для данной модели местного самоуправления характерны следующие признаки:

- сочетание местного самоуправления и государственного управления;
- сочетание выборности и назначаемости;
- иерархичность самой системы местного самоуправления;
- наличие специального лица, осуществляющего государственный контроль за деятельностью органов местного самоуправления.

Таким образом, автор отмечает, что местное самоуправление находится в тесной связи с государственным управлением на местах.

Примером яркой континентальной модели местного самоуправления является Франция, где избираются советы и мэры, назначаются представители государственной власти — префекты в регионах и департаментах и супрефекты в округах. Префекты обычно назначаются правительством, особенно в регионы, супрефекты — министром внутренних дел. Советы создаются в регионах и департаментах, в округах их нет. В общинах, или как согласно законодательству их называют, коммуны, есть только выборные органы: совет, мэр и его заместитель. Мэр избирается иногда непосредственно населением, отдельно от членов совета, иногда мэр и его заместители избираются советом [5, с. 427]. В странах континентального права органы местного управления рассматриваются, прежде всего, в качестве политических институтов, посредством которых местные сообщества осуществляют управление своими делами. В данной модели доминирует принцип негативного регулирования, в рамках которого местные органы обладают своеобразными остаточными полномочиями.

Иберийская модель управления на местах существует в Бразилии, Португалии, Мексике и других испаноговорящих странах Латинской Америки. В условиях данной системы местного самоуправления и управления население всех административно-территориальных единиц избирает совет и главное должностное лицо данной административно-территориальной единицы (алькада, мэра, префекта, регидора и др.) [5, с. 427].

Иногда такое должностное лицо избирается советом. Избранный становится председателем совета и одновременно утверждается органами государственной власти как представитель государственной власти в данной административно-территориальной единице. Мэр общины также утверждается в качестве такого представителя.

Он обладает правом контроля за деятельностью совета. Утвержденный председатель совета сосредоточивает в своих руках значительные полномочия, действуя не только как исполнительный орган совета, но и как представитель государства [5, с. 427].

Признанной является также система советов социалистического типа. Эта система принципиально отличается от рассмотренных выше моделей. Здесь принцип местного самоуправления не признается, и избранный совет рассматривается как орган государственной власти. Он избирает свой исполнительный орган - исполнительный комитет.

Члены исполкома являются руководителями административных отделов и управлений и при помощи подчиненных им государственных служащих управляют отдельными сферами местной жизни — образованием, здравоохранением, торговлей, местной промышленностью и др. [5, с. 427].

В Китае, например, совет избирает помимо исполкома (он называется в Китае местное народное правительство) также постоянный комитет, который осуществляет почти все полномочия совета (собрания народных представителей) между его сессиями. Вся эта система действует под руководством местных органов Коммунистической партии [5, с. 427].

Существование различных моделей местного самоуправления не противоречит сущности самого местного самоуправления, закрепленного в Европейской хартии местного самоуправления. Несмотря на разнообразие местных вопросов и проблем, которые предназначено решать на местах, главная суть, закрепленная в Хартии это обособленность местного самоуправления и децентрализация власти. Таким образом, важная особенность местного самоуправления, в соответствии с положениями Хартии, состоит в праве и способности местных территориальных сообществ самостоятельно контролировать и управлять значительной частью общественных дел.

Таким образом, сравнительно-правовой анализ теории и практики деятельности местного самоуправления в зарубежных странах раскрывает некоторые возможности для рецепции с учетом национальных правовых традиций. Большинство демократических государств сохраняют за местным самоуправлением автономию. В исключительных случаях выявлена относительная автономия, при которой руководящим звеном органа местного самоуправления является должностное лицо, выполняющее исполнительные функции на данной административно-территориальной территории.

Анализ зарубежного опыта также выявил тенденции непрерывного процесса совершенствования института местного самоуправ-

ления, выраженного в правовых реформах, закрепивших демократические принципы управления. Акцент реформирования в зарубежных странах ставится не на субординации и согласованности функций центральных и местных органов власти, а на координации — согласованности функций компонентов политической системы всего общества.

Список литературы:

1. Емельянов Н.А. Местное самоуправление: проблемы, поиски, решения. — Тула, 1997. — 814 с.
2. Иванов В.Н., Петрушев В.И. Модели развития местного самоуправления // Правительство-город-люди: Материалы научно-практической конференции. — М., 1996. — № 14. — С. 26.
3. Местное самоуправление в зарубежных странах (информационный обзор) / Под ред. Н.П. Медведева и др. — М.: Юридическая литература, 1994. — 80 с.
4. Постовой Н.В. Местное самоуправление: история, теория, практика. М., 1995. — 189 с.
5. Чиркин В.Е. Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. — М.: Зерцало, 1998. — 448 с.
6. Чудаков А., «Местное самоуправление и управление за рубежом (некоторые вопросы теории)»/ Белорусский журнал международного права и международных отношений, 1998 г. — № 4. — [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.evolutio.info/index> (дата обращения 24.12.2012).
7. Zakon.Kz. Система государственного управления в Великобритании // [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.zakon.kz> (дата обращения 17.12.2012).

К ПРОБЛЕМАМ РЕГУЛИРОВАНИЯ ВОПРОСОВ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ

Падерина Ангелина Павловна

*юрисконсульт, МКУ «Центр обеспечения системы образования»,
г. Омск*

Email: paderina-angelina1990@mail.ru

В настоящее время, как у государства, так и органов местного самоуправления в сфере образования и науки стоит ряд проблем. Среди них: недостаточное финансирование учебных заведений, а зачастую и регрессивный характер финансирования (как следствие снижение качества образования); недостаточная финансовая поддержка учащихся; низкая доля студентов из малообеспеченных семей (так как источником денежных средств является общее налоговое обложение, поэтому выгоды получают главным образом представители состоятельных слоев). Государство отвечает за образовательные стандарты, за подготовку педагогических кадров, за методику обучения, за обеспечение школ учебной и методической литературой. Содержание школьных зданий, организация питания школьников, создание нормальных условий для обучения вопрос местный.

К вопросам местного значения относятся такие вопросы жизнеобеспечения населения, которые могут быть самостоятельно решены на территории муниципального образования, и последствия, решения которых не выходят за пределы данной территории.

Органы местного самоуправления самостоятельно управляют муниципальной собственностью, формируют, утверждают и исполняют местный бюджет, устанавливают местные налоги и сборы, осуществляют охрану общественного порядка, а также решают иные вопросы местного значения [2]. В Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» рассматривается перечень вопросов местного значения. Общими для всех типов муниципальных образований являются такие вопросы, как формирование, утверждение и исполнение соответствующих бюджетов, контроль за их исполнением, установление, изменение и отмена закреплённых за муниципальным образованием местных налогов и сборов, владение, пользование и распоряжение муниципальным имуществом [5].

На уровень муниципального района вынесены вопросы, решение которых требует наличия развитой инфраструктуры и крупных затрат

на её поддержание. К важнейшим из таких вопросов относятся: организация охраны общественного порядка, организация предоставления школьного и дошкольного образования, отдыха детей в каникулярное время, основных видов общей медицинской помощи и др. При этом в сфере образования полномочия по финансовому обеспечению образовательного процесса (заработная плата педагогического персонала, учебные пособия, средства технического обеспечения учебного процесса и т. д.) возложены на органы государственной власти субъектов РФ, которые обязаны выделять субвенции местным бюджетам на эти цели в размере, необходимом для реализации основных образовательных программ в соответствии с нормативами, установленными законами субъектов РФ [1, с. 18].

Вместе с тем многие вопросы, связанные с изучением комплексных проблем производства образовательных услуг остаются вне поля исследований. Автор полагает, что в России в условиях становления рыночной экономики была недостаточно рассмотрена проблема формирования и распределения инвестиционных затрат домохозяйств, фирм и государства на производство образовательных услуг, не проанализированы институциональные условия формирования ее национальной системы. Таким образом, не смотря на реформы и национальные проекты, это преобразуется в систему, не отвечающую на запросы государства и общества, и в перспективе может привести к негативному влиянию на образование в целом.

Для России уровень образованности населения является одним из её наиболее значимых конкурентных преимуществ в мировой экономике. Сохранение и поддержание динамичного развития образовательной сферы должно стать залогом динамичного социального и экономического развития страны, ее перехода от сырьевой модели экономического роста к росту, опирающемуся на развитие современных отраслей, на использование и производство новых технологий [6, с. 4]. Содержание и технологии образования отстают от современных требований, образовательная система испытывает дефицит квалифицированных управленческих кадров, действенность механизмов государственного управления, призванных создать благоприятные условия для развития системы образования, оставляет желать лучшего.

Изучение инвестиций в среднее образование связано с более сложной аналитической проблемой: вопросом о том, как связаны особенности управления инвестициями в школе с различными факторами, условиями: демографическими, уровнем предлагаемого школой образования, социально-экономическими и другими показателями. Из проблемы привлечения инвестиций в школу имеется проблема — доступности образования для представителей разных

социальных групп. Это связано в первую очередь с тем, что родители детей чаще всего и являются для школы источниками инвестиций в среднее образование, как в явной, так и латентной форме.

Возможности получения полного среднего образования неодинаковы для разных социальных групп. При решении задач доступности образования обычно принято обращать внимание на социально уязвимые группы населения — инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей, представителей малочисленных народов, но это не исчерпывает проблемы в современной России [4, с. 3—5]

Стоит отметить, что для образования принципиально важно, чьи потребности оно реализует: кто является носителем потребности в образовании (заказчиком), кому нужны люди, которые будут потребителями продукта сферы образования (носителями образования). Другими словами, чьи и какие экономические интересы реализуются в сфере образования и в системе её взаимодействия с другими сферами социально-экономической жизни общества.

В настоящее время необходимо, чтобы каждый ребенок уже с раннего возраста имел все возможности для того, чтобы получить сначала качественное общее образование, а потом выбрать ту профессию, которая обеспечит ему успех в жизни. Т. е. стратегия остается одна и та же — достичь для каждого качественного образования как базы для успешной жизни. Безусловно, важным инструментом модернизации становится также разработка экономических моделей для решения проблем статуса образовательных учреждений, повышения оплаты труда работников образования, обеспечения эффективной работы всех ее ступеней. Сама система образования должна отработать эффективные модели своей деятельности, отвечающие требованиям рыночной экономики. При этом многие считают, что все экономические модели в образовании имеют одну цель — переход к платному образованию. Это не совсем так. Система образования должна всемерно и творчески использовать те эффективные финансовые модели, которые дополнительно к бюджетному финансированию улучшат его экономическое положение. Действительно, еще предстоит разработать целый комплекс мер (в том числе федеральное и региональные законодательства) по стимулированию, расширению и упорядочению привлечения внебюджетных средств в общеобразовательную школу. Подчеркивая, не взамен бюджетного финансирования, а в дополнение к нему. Экономически приоритетной задачей школы является привлечение средств.

Любое реформирование школ должно начинаться с переподготовки управленцев. Очевидно, что разработчики подобной программы должны сосредоточить усилия на повышении общего качества препода-

давательского состава. Если произвести простое перераспределение имеющихся преподавательских кадров, то общие цели изменений не будут достигнуты [3, с. 1—7].

Таким образом, следует отметить тот факт, что в сфере образования существует управленческие органы, которые осуществляют поддержку школы, на местном уровне — Комитет по образованию, который взаимодействует с Администрацией района. В конце очередного года утверждается бюджет, в который закладываются финансирование на все школы. Выделенного финансирования на год не хватает в связи с текущими проверками образовательных учреждений органами Роспотребнадзора, Прокуратуры и т. д. Образовательные учреждения зарегистрированы как юридические лица и в связи с этим осуществляют самостоятельно свою финансовую деятельность. Практика показывает, что в случае не выполнения предписаний на образовательное учреждение налагается штраф, как юридическому лицу. Вследствие чего данные денежные средства выплачиваются на штраф.

Местное самоуправление должно являться не только первичным уровнем власти, но и важнейшим элементом гражданского общества, реальной школой гражданской активности, инструментом вовлечения граждан в решение вопросов жизнеобеспечения на уровне конкретных муниципальных образований.

Список литературы:

1. Бабун Р.В. Самая близкая к народу власть (о местном самоуправлении для всех) / Бабун Р.В., Мальковец Н.В. — Новосибирск: Межрегиональный общественный фонд «Сибирский центр поддержки общественных инициатив». — 2009. — 110 с.
2. Конституция Российской Федерации. — М.: ИНФРА, 2011. — 48 с.
3. Самсонова О.В. Проблемы управления образованием. Инвестиции в образование Государственное управление/ Электронный вестник. — Выпуск № 16. — сентябрь 2008 г. с. 1—11.
4. Тимченко В.С. О некоторых вопросах развития местного самоуправления в России // Местное право 2010 № 2 с. 3—12.
5. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации // Собрание законодательства РФ. — 06.10.2003. — № 40. — ст. 3822.
6. Фрумин И.Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей// Вопросы образования № 2. — 2006 г. с. 5—22.

УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В МЕСТНОМ САМОУПРАВЛЕНИИ В УКРАИНЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Петришина Марина Александровна

*канд. юрид. наук, Национальный университет
«Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»,
г. Харьков
E-mail: petrishina@ua.fm*

Новак Анна Александровна

*студент, Национальный университет
«Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»,
г. Харьков
E-mail: anvt@ukr.net*

Конституция Украины в ст. 140 закрепила конституционную правосубъектность территориальной громады (далее — территориальная громада — территориальная община, коллектив), определив, что именно ей принадлежит право на осуществление местного самоуправления, которое реализуется посредством самостоятельного решения громадой вопросов местного значения в пределах Конституции и законов Украины [2]. Это положение основывается на самобытных традициях украинского народа, а также учитывает демократический опыт организации местного самоуправления зарубежных государств.

Вместе с тем Европейская хартия местного самоуправления, которая устанавливает международно-правовые стандарты организации местного самоуправления в демократических странах, исходит из более прагматичного определения местного самоуправления, согласно которому первичный характер получает деятельность именно органов местного самоуправления [1].

В данном контексте, считаем, что соответствующие положения Конституции Украины могут расцениваться как такие, которые исходя из общедемократических принципов местного самоуправления, развивают и обогащают предусмотренную Европейской хартией модель организации местного самоуправления. Однако признание за территориальной общиной статуса первичного субъекта, носителя функций и полномочий местного самоуправления, требует формирования и функционирования его не как простой совокупности жителей определенного населенного пункта, а как дееспособного субъекта,

социально и политически активного, самостоятельного с точки зрения обеспечения материально-финансовыми ресурсами, способного на эффективное и ответственное управление собственными делами.

Многочисленной социальной группой, составной частью территориальной громады является молодежь. Действительно, участие молодежи в развитии местного самоуправления является средством достижения позитивных изменений в жизни молодых людей, проживающих на территории определенной административно-территориальной единицы. В случае если молодежь намерена жить в демократическом, солидарном, процветающем обществе, то ее активное участие в процессе принятия решений на местном уровне имеет чрезвычайно важное значение.

Целью статьи является установление правовых оснований участия молодежи в процессе принятия решений на местном уровне, а также формулирование рекомендаций по созданию действенной модели взаимодействия молодежи с органами местного самоуправления.

Стоит отметить, что участие молодежи (сейчас граждан в возрасте от 18 до 35 лет [9; 1], ведь политические права граждане могут активно реализовывать начиная с достижения совершеннолетия) в процессах принятия решений осуществляется в формах так называемой партисипативной (или непосредственной) демократии определенных нормативно-правовыми актами органов государственной власти и местного самоуправления, а также посредством органов и должностных лиц местного самоуправления [3].

К формам муниципальной партисипативной демократии, которые получили свое законодательное закрепление в Украине, относятся местные референдумы, местные выборы, общие собрания граждан по месту жительства, местные инициативы, общественные слушания, органы самоорганизации населения, а также иные формы.

Все эти формы участия объединены одной общей нормой Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине», которая устанавливает, что порядок реализации права на собрания, местные инициативы и общественные слушания регулируется местным нормативно-правовым актом — уставом территориальной общины (или специальным положением, принятым советом в случае, если устав не принят) [7].

Например, согласно ч. 2 ст. 5 Устава территориальной громады города Харькова право членов территориальной громады участвовать в осуществлении местного самоуправления может быть реализовано в таких формах:

1. местный референдум;
2. выборы городского головы, депутатов городского совета;
3. общие собрания граждан;
4. местные инициативы;
5. общественные слушания;
6. индивидуальные и коллективные обращения жителей города;
7. работа органов местного самоуправления;
8. другие, не запрещенные законодательством формы осуществления местного самоуправления [11].

В каждой из этих форм молодежь может принимать участие для решения проблем громады, или же самостоятельно инициировать такие мероприятия для решения специфических проблем молодых людей.

С целью обеспечения народовластия и непосредственного участия граждан в управлении местными делами в Украине проводятся местные референдумы. К сожалению, в последнее время местные референдумы проводятся не так часто, как этого хотелось бы, прежде всего гражданам Украины. Скептическое отношение к референдуму порождает формальное отношение к его подготовке, разъяснению содержания и сути вопросов, которые выносятся на голосование. Вследствие этого некоторые юристы и политологи считают, что подобные референдумы как замена власти представительного органа властью населения вообще нецелесообразны.

Следует отметить, что со вступлением в силу нового Закона Украины «О всеукраинском референдуме» (от 6 ноября 2012 г.) [5] утратил силу Закон Украины «О всеукраинском и местных референдумах» (от 3 июля 1991 г.) [4]. Таким образом, открытым (требующим нормативно-правового урегулирования) в настоящее время остается вопрос о порядке подготовки и проведения местных референдумов.

Другие конституционно-правовые формы муниципальной непосредственной демократии не имеют большинства черт, присущих референдумам. Многие из этих форм предусмотрены Конституцией Украины или отдельными законами, другими нормативно-правовыми актами.

По мнению авторов, общее собрание граждан является древнейшей формой демократии. Согласно Закону Украины «О местном самоуправлении в Украине», общее собрание — это собрание всех или части жителей села (сел), поселка, города для решения вопросов местного значения [7]. Собрания можно рассматривать в качестве:

средства народовластия; формы осуществления местного самоуправления; организационной формы деятельности общественных организаций (в том числе, молодежных советов и т. п.); структурного элемента других форм народовластия; формы реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина (права на образование, права на труд и т. д.); средства обратной связи между гражданами и властью т. д. [3].

В целом, можно отметить такие положительные черты присущие общему собранию граждан по месту жительства, а именно: доведение информации до жителей со стороны органов местного самоуправления; получения информации или ее уточнения от членов громады; содействие активизации участия граждан в делах местного самоуправления независимо от политических взглядов и др.

Наряду с положительными следует выделить и ряд негативных признаков, среди которых: пассивность граждан; отсутствие инициативы в отношении проведения собрания (в частности, учитывая, последние социологические исследования можно отметить, что в настоящее время молодые люди больше интересуются ночными развлечениями, компьютерными играми и др.); непредсказуемость результатов проведения собрания; не всегда принятые решения удается реализовать на практике.

Специальными формами непосредственного волеизъявления территориальных громад, в соответствии с действующим законодательством о местном самоуправлении, являются местные инициативы и общественные слушания.

Например, ст. 9 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине» закрепляет право членов территориальной громады инициировать рассмотрение в совете (в порядке местной инициативы) любого вопроса, отнесенного к ведению местного самоуправления [7]. Это могут быть вопросы, связанные с управлением имуществом, находящимся в коммунальной собственности; утверждением программ социально-экономического и культурного развития и контролем за их выполнением; установлением местных налогов и сборов в соответствии с законом; обеспечением проведения местных референдумов и реализацией их результатов и т. п.

Необходимо отметить, что содержанием конституционно-правового института местной инициативы является совокупность конституционно-правовых норм, регулирующих порядок осуществления в виде обязательной для рассмотрения в установленном законом порядке общественной инициативы. Направленной на принятие представительным органом местного самоуправления

в пределах установленной компетенции нормативно-правового акта или решения им в иной форме важных вопросов, содержащихся в предложениях граждан [3].

Как и другие формы муниципальной непосредственной демократии, местные инициативы также имеют свои преимущества, в частности: высокий уровень привлечения громады к решению вопросов местного значения; возможность жителей влиять на решения местного совета и др.

Среди проблем, которые затрудняют применение местных инициатив, выделяют следующие: законодательно неурегулированная процедура применения; сложная процедура инициирования; не всегда результативные последствия внесения местных инициатив. Кроме того, следует отметить незначительный опыт применения этой формы непосредственной демократии в Украине.

Согласно ст. 13 Закона Украины «О местном самоуправлении в Украине», территориальная громада имеет право проводить общественные слушания — встречи с депутатами соответствующего совета, должностными лицами местного самоуправления, — во время которых члены территориальной общины могут заслушивать приглашенных, ставить вопросы и вносить предложения по решению проблем местного значения, относящихся к ведению местного самоуправления [7].

Среди положительных аспектов этого института следует назвать: привлечение большого количества граждан к решению вопросов местного значения; возможность публично высказаться членам громады и представителям органов власти; экономичность в проведении; возможность заручиться поддержкой громады относительно внедрения отдельных решений. Среди проблем и препятствий необходимо указать: отсутствие глубины обсуждения проблем; недостаточность навыков в проведении; нечеткость законодательного урегулирования.

Вместе с тем, целью таких слушаний является не только информирование граждан, но и получение обратной связи от громады, пробуждение у граждан чувства энтузиазма и причастности к решению проблем территориального коллектива, направление творческой инициативы граждан на решение актуальных проблем местного развития, прежде всего активного молодого поколения. При этом не стоит забывать и о возможности реализации своих неотъемлемых прав при помощи органов самоорганизации населения (Закон Украины «Об органах самоорганизации населения» [8]), индивидуальных и коллективных обращений граждан (Закон Украины «Об обращениях

граждан» [6]), службы в органах местного самоуправления (Закон Украины «О службе в органах местного самоуправления» [10]) и др.

В целом, демократический процесс, который происходит в сфере местного самоуправления, в результате использования форм партисипативной демократии призван обеспечить реальную возможность для самоопределения и самореализации конкретного лица, особенно молодого человека, стремящегося построить собственное обеспеченное и стабильное будущее.

Необходимо учитывать и то, что реализация этих форм ведет к реальному повышению моральной ответственности каждого индивида, которая выступает результатом вовлечения его в демократический процесс принятия решений. Такие формы демократии воспитывают не только индивида как члена территориальной громады, но и «человека, который действует», субъекта, который имеет способности к социальным действиям и желает преобразовывать общественную жизнь.

Таким образом, можно утверждать, что в настоящее время для достижения реального участия молодежи в местной жизни необходимо развивать такие механизмы, как:

1. Просвещение молодежи по вопросам участия (в студенческом, местном самоуправлении).
2. Информирование молодых граждан, внедрение информационных и коммуникационных технологий (электронного управления).
3. Учреждение и продвижение молодежных средств массовой информации.
4. Поддержка молодежного волонтерского движения, молодежных организаций и разнообразных инициатив.
5. Привлечение молодежи к деятельности негосударственных институтов и политических партий.

Список литературы:

1. Європейська хартія місцевого самоврядування: від 15.10.1985 р. / Місцеве самоврядування: зб. норм.-прав. актів; за ред. М. І. Панова — Харків: Гриф, 2002. — 688 с.
2. Конституція України: прийн. на п'ятій сесії Верховної Ради України 28.06.1996 р., № 254к/96-ВР // Відом. Верхов. Ради України. — 1996. — № 30. — ст. 141.
3. Посібник з питань партисипативної демократії (демократії участі) на місцевому рівні. Під редакцією Толкованова В.В. — Київ, Крамар, 2011, 199 с.

4. Про всеукраїнський та місцеві референдуми: закон України від 03.07.1991 р., № 1286-XII // Відом. Верхов. Ради УРСР. — 1991. — № 33. — Ст. 443.
5. Про всеукраїнський референдум: закон України від 6. 11. 2012 р., № 5475-VI // Офіц. вісн. України. — 2012. — № 92. — Ст. 3729.
6. Про звернення громадян: закон України від 02.10.1996 р., № 393/96-ВР // Відом. Верхов. Ради України. — 1996. — № 47. — Ст. 256.
7. Про місцеве самоврядування в Україні: закон України від 21.05.1997 р., № 280/97-ВР // Відом. Верхов. Ради України. — 1997. — № 24. — ст. 170.
8. Про органи самоорганізації населення: закон України від 11.07.2001 р., № 2625-III // Відом. Верхов. Ради України. — 2001. — № 48. — Ст. 254.
9. Про сприяння соціальному становленню та розвитку молоді в Україні: закон України від 05.02.1993 р., № 2998-XII // Відом. Верхов. Ради України. — 1993. — № 16. — ст. 167.
10. Про службу в органах місцевого самоврядування: закон України від 07.06.2001 р., № 2493-III // Відом. Верхов. Ради України. — 2001. — № 33. — Ст. 175.
11. Статут територіальної громади міста Харкова, затв. Ріш. Харк. міськ. ради XIV сесії V склик. «Про затвердження нової редакції Статуту територіальної громади міста Харкова» від 04.07.2007 р. № 121/07 [Електронний ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.city.kharkov.ua/uk/article/statut-teritorialnoyi-gromadi-mista-harkova-49.html>.

СЕКЦИЯ 11.

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

ОСОБЕННОСТИ ДОЗНАНИЯ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЕ

Османо́ва Гула́йна Жала́лыевна

*старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин
Института права и экономики КазНПУ имени Абая*

г. Алматы

E-mail: Gulaina.78@mail.ru

Органы предварительного следствия и дознания, представляя собой элементы единой правовой системы борьбы с преступностью, функционируют в тесном взаимодействии, которое является важным условием устойчивости и действенности этой системы.

Вместе с тем, дознание и предварительное следствие — это две процессуальные формы досудебной деятельности уполномоченных органов по выявлению и расследованию преступлений. Они отличаются друг от друга по органам, их осуществляющим, а также по объему и срокам процессуальной деятельности, выполняемой этими органами.

В качестве уголовно-процессуального института дознание впервые было представлено в пятнадцатом томе Свода законов Российской Империи от 1835 года «О судеустройстве по преступлениям» и регламентировалось как деятельность одного органа (полиции) [1, с. 118].

Со вступлением в силу Устава уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 года правовая регламентация дознания претерпела некоторые изменения, но в целом производство дознаний осталось деятельностью полиции, осуществляемой под руководством судебного следователя. На данном этапе фактически впервые предварительное расследование было разделено на дознание — деятельность полиции и следствие — деятельность судебную. Дознание, носило обеспечительный (предварительный) характер, и служило основанием для дальнейшего производства формального следствия [11].

С 1918 года в условиях политических преобразований постреволюционного периода деятельность по производству дознания была

возложена на милицию. Функции дознания регламентировались Инструкцией Народного комиссариата юстиции о революционном трибунале от 19 декабря 1917 года и иными подзаконными нормативно-правовыми актами. Кроме того, производством дознания занимались и иные органы, наделенные правом быстрого реагирования [3, с. 14].

С принятием Уголовно-процессуального закона от 1923 года дознание было дифференцировано на дознание по делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, и дознание по делам, по которым производство предварительного следствия не обязательно [4, с. 10].

В УПК Казахской ССР от 1959 года дознание преобразовалось в самостоятельную форму расследования преступлений по делам, по которым предварительное следствие не обязательно, и дознание по делам, по которым предварительное следствие обязательно. В связи с этим на расследование преступлений в форме дознания стали распространяться все процессуальные формы предварительного следствия, а компетенция органов дознания значительно расширилась [6]. Неумеренное расширение перечня органов дознания не только неуместно, но и неэффективно, так как объективно сопровождается снижением уровня профессионализма органов дознания, ухудшением качества прокурорского надзора за законностью.

В данный период отмечается всевозрастающая роль органов дознания, что выражается:

- в периодическом расширении круга дел, по которым органы дознания проводят полное расследование;
- в том, что при производстве расследования в форме дознания допускается защитник;
- во введении института протокольной формы и распространении ее на более широкий круг преступлений небольшой тяжести, совершенных в условиях очевидности, что способствовало более быстрому и эффективному раскрытию преступлений, отнесенных к компетенции органов дознания. Изначально дознание отождествлялось с деятельностью определенного органа (полиции), затем — с деятельностью совокупности органов (органов дознания). С учетом дальнейших преобразований дознание стало рассматриваться как менее квалифицированная форма предварительного расследования.

Следующий режим — это предварительное следствие в досудебном производстве, которое имеет несколько значений.

Предварительно расследование — это институт уголовно-процессуального права. Нормы этого института регламентируют

условия начала предварительного расследования и общие условия его производства, общие условия и порядок производства следственных действий, порядок привлечения в качестве обвиняемого и его допрос, формы и порядок приостановления и окончания предварительного расследования. К этому институту можно также отнести нормы, регламентирующие порядок обращения в суд за разрешением для производства определенных процессуальных действий, порядок обжалования прокурору и в суд решений и действий следователя, прокурора. Также к нормам института предварительного расследования можно отнести и многие другие нормы УПК РК.

От оптимальности правового регулирования во многом зависит эффективность предварительного расследования.

Предварительным расследованием, согласно п. 16 ст. 7 УПК РК является процессуальная форма досудебной деятельности уполномоченных органов в пределах установленных УПК РК полномочий по выявлению, установлению и закреплению совокупности обстоятельств дела и привлечению лиц, совершивших преступление, к уголовной ответственности.

В предварительное расследование включается также и деятельность иных участников процесса: эксперта, свидетеля, переводчика, специалиста, понятых.

Предварительное расследование, основной составной частью которого является предварительное следствие, самостоятельная стадия уголовного процесса. Предварительное следствие является обязательным по большинству уголовных дел. Начинается предварительное расследование с момента возбуждения уголовного дела и завершается:

1. вынесением постановления о прекращении уголовного дела;
2. составлением и утверждением прокурором обвинительного заключения или обвинительного акта;
3. составлением и утверждением прокурором постановления о направлении дела в суд для применения принудительной меры медицинского характера [6].

Предварительное расследование включает в себя только процессуальную деятельность. Оперативно-розыскная деятельность, имеющая также большое значение для раскрытия преступлений, не включается в предварительное расследование, является самостоятельным видом правоохранительной деятельности.

В ходе предварительного расследования могут применяться лишь те меры, которые прямо предусмотрены в Уголовно-процессуальном кодексе РК.

Одной из особенностей дознания и предварительного расследования являются следующие задачи:

1. Быстрое и полное раскрытие и расследование преступления. В принципе не бывает нераскрываемых преступлений. Бывают нераскрытые преступления. Низкая раскрываемость преступлений и низкое качество предварительного расследования имеют объективные и субъективные причины.

2. Своевременное привлечение лиц, виновных в совершении преступления, в качестве обвиняемых, собирание доказательств и оказание содействия в собирании доказательств участникам со стороны защиты так, чтобы их было достаточно для рассмотрения дела в суде.

3. Возмещение причиненного преступлением материального ущерба или создание условий для его возмещения.

В целях возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, а также возможной конфискации дознаватель, следователь обязаны:

1. принимать меры к отысканию похищенного имущества и возвращению его собственникам;

2. выяснять объем нанесенного преступлением ущерба, устанавливать лиц, которые могут нести за него материальную ответственность;

3. принимать меры к своевременному наложению ареста на имущество;

4. принимать меры к сохранности арестованного имущества;

5. своевременно признавать лиц гражданскими истцами и гражданскими ответчиками.

4. Установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Наряду с установлением и доказыванием иных обстоятельств, входящих в предмет доказывания, подлежат установлению также и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления.

Установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения.

Эти идеи отражаются в теории и права разными названиями.

Теоретики именуют их общими условиями, реже — принципами стадии предварительного расследования. В законе они излагаются через предписания, объединенные в разделы с характерным названием: в УПК РК это глава 24 «Общие условия предварительного расследования». Содержательный анализ указанных условий и их доктринальных интерпретаций, в том числе и толкований самого понятия общих условий предварительного расследования, показывает, что отечественная юридическая наука пока не разрешила проблему принципиальных основ досудебного производства.

Во-первых, юридическая наука дифференцированно подходит к объяснению концептуальной сути общих условий стадии предварительного расследования и судебного разбирательства: суть первых сводится к правилам (нормативный акцент), вторых — к идеям (концептуальный акцент). Это препятствует выработке единого понятия общих условий стадии.

Во-вторых, к понятию и системе общих условий предварительного расследования нет единого подхода. Методологическая правовая регламентация и институализация указанных условий до сих пор не определена: большинство авторов исходит из того, что это самостоятельная научная категория; меньшинство придерживается позиции, согласно которой общие условия есть не что иное, как принципы стадии предварительного расследования. Единицы полагают необходимым выделять и принципы, и общие условия предварительного расследования.

Основной аргумент противников «принципиального» подхода к общим условиям стадии: у отдельной стадии не может быть собственных принципов, поскольку принципы присущи только уголовному процессу в целом.

Таким образом, наука отказывается от термина «принцип» применительно к стадии на том лишь основании, что этот термин уже занят, и, пытаясь устранить терминологические противоречия, отдаляется от сути понятия общих условий стадии предварительного расследования. Термин «общие условия», буквально не связанный с понятием принципа, произвольно устраняет из идей, детерминирующих досудебное производство, «дух» принципиальности, что влечет за собой свертывание принципиальной трактовки сути указанных идей. Последствия негативно отражаются в законотворческой деятельности и сказываются в правоприменительной практике.

Нет четких представлений и о поле действия общих условий. В теории уголовного процесса фигурируют как минимум три объекта: предварительное следствие, предварительное расследование, досудебное

производство. Указанные объекты в силу своей специфики определяют и специфику понятий соответствующих им общих условий.

Для преодоления негативных тенденций необходима выработка нового научного подхода к общим условиям досудебного производства. Данное понятие следует рассматривать как сопоставимое с категорией принципов процесса.

Однако прежде необходимо сформировать само принципиальное понятие общих условий досудебного производства. Предлагается обозначить его следующим образом: общие (принципиальные) условия досудебного производства. Это должно стать не просто новой версией названия общих условий предварительного расследования, а новым понятием, которое будет концептуальным источником последних. Соотносимую функцию должна выполнять и система общих (принципиальных) условий досудебного производства. Новизна подхода определяется и расширением поля действия указанных условий: их принципиальное воздействие распространяется на досудебное производство в целом.

Таким образом, общие условия предварительного расследования в УПК РК выполняют две роли. Основная роль заключается в правовой адаптации концептуальных идей, отражающих принципиальную сущность досудебного производства. На основе этой адаптации формулируются нормативные предписания, имеющие общий характер для всех форм предварительного расследования. Факультативная роль института общих условий предварительного расследования заключается в предоставлении частным процедурным идеям места в структуре УПК РК. Возникновение такой факультативной роли у общих условий обусловлено спецификой современного правотворчества.

Другой особенностью дознания и предварительного расследования является завершающий этап предварительного расследования.

Завершающий этап дознания и предварительного расследования — это совокупность процессуальных действий, которые призваны выполнять ряд важнейших функций:

- систематизацию и анализ собранных по делу доказательств;
- определение их достаточности (разумеется, с точки зрения лица, производившего расследование) для направления дела в суд, где оно будет разобрано по существу, либо для принятия какого-то иного итогового решения, завершающего дознание и предварительного расследования (о прекращении дела, направлении его в суд с целью применения принудительных мер медицинского характера и т. п.);

- проверку полноты имеющихся материалов и принятие мер к устранению пробелов;
- обязательное предоставление обвиняемому и его защитнику возможности ознакомиться со всеми материалами дела;
- ознакомление с материалами дела, по которому производилось дознание и предварительное расследование, других участников судопроизводства (потерпевшего, гражданского истца и др.), если они изъявляют желание сделать это;
- выявление с помощью названных участников производства по делу пробелов и неясностей, которые могли быть допущены во время предварительного расследования;
- принятие мер к устранению таких пробелов и неясностей;
- обеспечение обвиняемого и других участников данными, имеющими значение для дела, знание которых крайне необходимо для отстаивания ими своих прав и законных интересов при разбирательстве дела судом по существу. В настоящее время именно такой подход сложился к пониманию сущности и значения рассматриваемого этапа дознания и предварительного расследования уголовных дел. В нем, разумеется, есть ряд достоинств. Однако считать его единственно возможным и приемлемым едва ли будет оправданным. Опыт прошлых лет и современный опыт ряда зарубежных стран указывает о том, что регламентация завершающего этапа дознания и предварительного (досудебного) расследования уголовных дел может иметь множество вариантов.

По Уставу уголовного судопроизводства (УУС), например, в дореволюционной России предварительное следствие считалось оконченным после того, как судебный следователь приходил к убеждению, что он собрал достаточные доказательства для того, чтобы дело могло, быть успешно разрешено в ходе судебного разбирательства. Свой вывод он сообщал, прежде всего, обвиняемому. При этом, если обвиняемый изъявлял желание, ему предъявлялись материалы следствия, а также задавался следователем вопрос: «Не желает ли он представить еще что-либо в свое оправдание» (ст. 476 УУС). Остальным участникам судопроизводства следователь объявлял, что «следствие закончено», а после этого отсылал «все производство прокурору или его товарищу» (ст. 478 УУС). Если прокурор приходил к выводу, что следствие произведено полно, и обвиняемого можно передать суду, то давал свое заключение по этому вопросу для окружного суда, и оно «излагалось в форме обвинительного акта» (ст. 519 УУС). Такое действие и считалось преданием суду [11].

В УПК 1922 года эти вопросы были решены в принципе также, но составление обвинительного акта (обвинительного заключения) возлагалось на следователя, который он направлял прокурору. По УПК 1923 года (после внесения в него изменений в 1924 году) предусматривался порядок, более близкий к тому, что мы имеем сейчас. В его ст. 207 указывалось: «Признав предварительное следствие законченным, следователь объявляет об этом обвиняемому и в случае его о том просьбы, предъявляет ему все производство по делу, а также обязан спросить обвиняемого, чем он желает дополнить следствие» [8].

Окончание предварительного расследования — это заключительная часть (этап) стадии предварительного расследования, которая наступает тогда, когда все следственные (процессуальные) действия по полному, всестороннему и объективному исследованию обстоятельств дела закончены и необходимо принимать решение о дальнейшей судьбе дела.

Окончание предварительного расследования состоит из следующих действий следователя (органа дознания):

1. систематизации материалов (в хронологическом или тематическом порядке) и оценки собранных доказательств;
2. оформления производства по делу;
3. уведомления участников уголовного процесса об окончании предварительного расследования;
4. выяснения желает ли обвиняемый иметь защитника и вызова последнего, если получен утвердительный ответ;
5. оформления отказа обвиняемого от защитника или его просьбы об ознакомлении с материалами дела отдельно от защитника;
6. разъяснения обвиняемому права ходатайствовать о рассмотрении его дела судом с участием присяжных заседателей, а также юридических последствий удовлетворения такого ходатайства;
7. фиксации поступившего ходатайства в специальном протоколе;
8. уведомления других обвиняемых, что заявлено ходатайство о рассмотрении дела судом присяжных;
9. предъявления потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику или их представителям, обвиняемому и его защитнику материалов предварительного следствия для ознакомления и составление соответствующего протокола;
10. разрешения поступивших ходатайств;
11. принятия решения, определяющего дальнейшее движение уголовного дела;

12. составления итогового документа, которым завершается предварительное расследование (обвинительного заключения и т. п.).

По мнению некоторых ученых, к рассматриваемому этапу следует также относить:

- извещение прокурора и указанных в законе заинтересованных лиц о прекращении дела;
- рассмотрение прокурором жалоб на решение о прекращении уголовного дела и принятие по ним решений; проверку прокурором законности и обоснованности окончательного по делу решения [5];
- направление прокурором уголовного дела судье [10].

Общепринято выделять как минимум три вида окончания предварительного расследования:

- составлением обвинительного заключения;
- вынесением постановления о прекращении уголовного дела;
- вынесением постановления о направлении дела в суд для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер медицинского характера.

Значение обвинительного заключения состоит в том, что оно определяет границы судебного разбирательства. Суд может рассматривать дело только в отношении обвиняемых и лишь в пределах того обвинения, которое сформулировано в обвинительном заключении. Изменить обвинение суд может только, если:

- этим не ухудшится положение подсудимого,
- не нарушится его право на защиту,
- не будет вменено обвинение более тяжкое или существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от обвинения, изложенного в обвинительном заключении.

Иные решения по вопросам окончания предварительного расследования выработаны практикой уголовного судопроизводства в других странах.

Близким по форме, установленной в действующем УПК РК, является порядок окончания предварительного расследования, сложившийся к настоящему времени в уголовном процессе ФРГ. По большинству уголовных дел германский прокурор, приняв решение о направлении дела в суд для разбирательства по существу, составляет процессуальный документ, именуемый обвинительным заключением. В соответствии с § 200 УПК ФРГ в этом документе «должны быть указаны обвиняемый, деяние, которое вменяется ему в вину, время и место его совершения, правовые признаки уголовно наказуемого деяния и подлежащие применению нормы уголовного закона (формула обвинения). Далее, в нем должны быть

приведены доказательства, указаны суд, в котором состоится судебное разбирательство, и защитник». По делам о менее опасных преступлениях, которые рассматриваются единоличными судьями, в обвинительном заключении не обязательно подробно излагать все обстоятельства дела, установленные в ходе расследования. По делам, рассматриваемым в порядке ускоренного (упрощенного) производства, составление обвинительного заключения не требуется (ч. 2 § 212а УПК ФРГ). По ним обвинение в суде возбуждается устно в начале судебного разбирательства, и его основные положения заносятся в протокол судебного заседания. Что касается обязательного ознакомления обвиняемого по окончании расследования со всеми материалами дела, то на этот счет УПК ФРГ не дает четких предписаний [9, с. 103].

Еще большей специфичностью отличается решение вопросов, касающихся окончания предварительного расследования (досудебного производства) уголовных дел в англосаксонском судопроизводстве. Одной из предпосылок такой специфики является своеобразное понимание принципа состязательности: в странах, где сложилось такое судопроизводство, считается элементарным отрицание обязанности органов, завершающих расследование, знакомить обвиняемого со всеми материалами дела. Каждая из сторон собирает «свои» доказательства (обвинитель — обвинительные, а обвиняемый и его защитник, — оправдательные или смягчающие ответственность). Каждая из сторон узнает о доказательствах, собранных ее процессуальным «противником», в полном объеме лишь во время судебного разбирательства, когда происходит принятие решения по существу. До этого момента взаимное ознакомление с имеющимися в распоряжении сторон доказательствами допускается, но при соблюдении особых правил: в некоторых случаях, например, обвиняемый, которому потребуется до судебного разбирательства прочитать протокол своих собственных показаний, данных им в полиции, должен возбудить ходатайство перед судьей об издании приказа, обязывающего обвинителя представить для ознакомления этот протокол [2, с. 135].

Что касается содержания обвинительных документов, служащих основанием для разбирательства дела по существу, то оно должно быть максимально кратким: приводятся данные о личности обвиняемого, о месте, времени, способе совершения преступления и его квалификации. К ним могут быть приложены списки лиц, подлежащих вызову в суд. Перечисление и анализ доказательств, выводы о доказанности или не доказанности каких-то значимых для дела обстоятельств не требуются.

Список литературы:

1. Виленский Б.В. Российское законодательство X—XX веков. Том 8. Судебная реформа. — М., 1991. — 118 с.
2. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс. Учебник. Зерцало, 2005. — 135 с.
3. Захарова С.А. Процессуальные проблемы предварительного расследования преступлений в форме дознания // Автореф. дис. канд. юрид. наук. — Тюмень, 2008. — 14 с.
4. Погорелова Е.Н. Особенности процессуальной деятельности дознавателя и органов дознания в уголовном процессе России // Автореф. дис. канд. юрид. наук. Красноярск, 2008. — 10 с.
5. Приказ Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан от 23 февраля 2001 года № 24 «Об организации прокурорского надзора за законностью рассмотрения уголовных дел в судах» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// www.zakon.kz](http://www.zakon.kz).
6. Уголовно-процессуальный Кодекс Казахской ССР от 22 июля 1959 года [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// www.zakon.kz](http://www.zakon.kz).
7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 г. (с изменениями и дополнениями на 2012 год) Алматы — Юрист 2012 г.
8. Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР: 25 мая 1922 года [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1381074>.
9. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германии. Перевод из немецкого и предисловие канд. юрид. наук Б.А. Филимонова «Манускрипт», М., 1994. — 103 с.
10. Указание Генеральной Прокуратуры Республики Казахстан от 4 апреля 2001 года № 56/23 «О порядке осуществления прокурорского надзора за законностью оперативно-розыскной деятельности, следствия, дознания и административного производства в органах внутренних дел на транспорте и представлении статистической отчетности об их деятельности» [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [http:// www.zakon.kz](http://www.zakon.kz).
11. Устав уголовного судопроизводства. 20 ноября 1864 год [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: [www.pravo.vuzlib.org/ book_z344_page_15.html](http://www.pravo.vuzlib.org/book_z344_page_15.html).

СЕКЦИЯ 12.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО И ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ БАНКРОТСТВА

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ПЕРЕДАТОЧНОГО АКТА (РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО БАЛАНСА) ПРИ РЕОРГАНИЗАЦИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ

Войтович Геннадий Иванович

*магистр юрид. наук, аспирант УО «БГЭУ»,
г. Минск*

E-mail: g.voitovich@gmail.com

Реорганизация юридических лиц — есть прекращение (изменение) реорганизуемых и (или) возникновение новых юридических лиц, сопровождающееся передачей материальных (имущественных) и процессуальных прав и обязанностей от прекращающейся организации к ее правопреемнику или возникающему лицу от его правопродшественника.

В современных экономических условиях реорганизации отведено важное место. Будучи институтом, направленным, в том числе, на перемену лиц в имущественных и иных правоотношениях, реорганизация заменяет собой сложные, многоступенчатые процессы, связанные с ликвидацией и учреждением новых субъектов права, способствуя тем самым благоприятному развитию делового оборота.

Центральным признаком реорганизации является правопреемство. Переход прав и обязанностей в рамках правопреемства подлежит обязательному документальному оформлению. Согласно ст. 55 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее — ГК) (аналог ст. 59 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ) при реорганизации составляется передаточный акт или разделительный баланс [2]. Разделительный баланс составляется при реорганизации в форме выделения и разделения, передаточный акт — в форме слияния, присоединения и преобразования.

В настоящее время приходится констатировать факт практически полного отсутствия законодательных требований к форме и содержанию рассматриваемых документов. В частности, передаточный акт и разделительный баланс не относятся к первичным учетным документам. Типовые формы передаточного акта и разделительного баланса законодательно не установлены (эти документы составляются в произвольной форме). В сущности, помимо ГК законодательство Республики Беларусь не устанавливает специальных требований к содержанию передаточного акта или разделительного баланса. Согласно ст. 55 ГК (аналог ст. 59 ГК РФ) передаточный акт и разделительный баланс должны содержать положения о правопреемстве по всем обязательствам реорганизованного юридического лица в отношении всех его кредиторов и должников, включая и обязательства, оспариваемые сторонами [2].

Отсутствие должного законодательного внимания к рассматриваемым документам порождает проблему определения правовой природы передаточного акта и разделительного баланса. Мнение специалистов по данному вопросу разделились. Одни придерживаются позиции, согласно которой передаточный акт и разделительный баланс не порождают никаких правовых последствий и не влияют на факт перехода прав и обязанностей к правопреемнику (Качалова А.В. [7, с. 22]). Другие, не соглашаясь с таким толкованием, полагают, что передаточный акт и разделительный баланс являются документами, фиксирующими правопреемство по обязательствам реорганизуемых юридических лиц (Агапова О.А [1, с. 20]).

Последнее мнение представляется спорным. На взгляд автора, передаточный акт и разделительный баланс не закрепляют переход прав и обязанностей при реорганизации. В противном случае моментом правопреемства стоило бы считать именно момент подписания (утверждения) передаточного акта (разделительного баланса). На самом же деле моментом перехода прав и обязанностей по общему правилу является момент государственной регистрации вновь возникающих юридических лиц. Иными словами, утверждения передаточного акта (разделительного баланса) никак не влияет на факт перехода прав и обязанностей при реорганизации. Например, согласно Письму Министерства юстиции Республики Беларусь от 21.07.2004 № 05-05/1399-3 «О внесении изменений в учредительные документы юридического лица, к которому в рамках установленной формы реорганизации присоединяется иное юридическое лицо» передаточный акт не является документом, подтверждающим факт завершения процедуры реорганизации юридического лица [10]. С данной

позиции можно утверждать, что передаточный акт (разделительный баланс) не является сделкой, т. к. фактически не порождает никаких самостоятельных гражданских прав и обязанностей.

С учетом изложенного, полагаем, что сущность рассматриваемых документов заключается в том, что они признаны обеспечить учет передаваемых при реорганизации прав и обязанностей, а также распределение передаваемых прав и обязанностей между правопреемниками (применительно к разделительному балансу). При этом они не оказывают влияния на сам факт перехода прав и обязанностей при реорганизации.

Продолжая дискуссию о правовой природе передаточного акта (разделительного баланса), отметим, что в настоящее время получила распространение практика, согласно которой передаточный акт и разделительный баланс являются также актами сдачи-приемки имущества. По мнению автора, такой подход является некорректным с точки зрения права. Это объясняется многими причинами:

1. Рассмотрение передаточного акта и разделительного баланса в качестве акта сдачи-приемки порождает необходимость подписания рассматриваемых документов не только со стороны правопреемника, но и со стороны правопреемника. В контексте изложенного возникает вопрос о том, кто должен подписывать передаточный акт (разделительный баланс) от имени вновь возникающего субъекта. Вопрос обусловлен тем, что на момент утверждения рассматриваемых документов правопреемник еще не существует, т. е. не проведена процедура государственной регистрации (кроме реорганизации в форме присоединения). Высказывается предположение, что таким лицом должен стать один из учредителей создаваемой организации [9, с. 40], или лицо, которое предлагается в качестве его руководителя или главного бухгалтера [11, с. 156]. Однако, в сущности, ни одно из этих лиц не уполномочено выступать от имени субъекта, который возникнет при реорганизации. Согласно п. 2 ст. 55 ГК (аналог п. 2 ст. 59 ГК РФ) передаточный акт и разделительный баланс утверждаются собственником имущества (учредителями, участниками) юридического лица или органом, принявшими решение о реорганизации юридического лица [2]. Данная норма не предполагает, что документы о правопреемстве должен подписывать кто-либо еще, включая правопреемника (его представителя). Таким образом, правопреемник не должен подписывать передаточный акт или разделительный баланс, в силу чего последние не могут рассматриваться в качестве акта сдачи-приемки. Такой взгляд на проблему является более чем оправданным, т. к. на момент утверждения

передаточного акта и разделительного баланса правопреемник не обладает правоспособностью (кроме реорганизации в форме присоединения), а, следовательно, не может принять (путем подписания документа о правопреемстве) никаких прав или обязанностей.

2. Передаточный акт и разделительный баланс не могут выступать в качестве акта приема-передачи потому, что к моменту государственной регистрации реальная картина в части активов и пассивов реорганизуемого лица может не совпадать с положениями передаточного акта или разделительного баланса. Вместе с тем, акт сдачи-приемки, на взгляд автора, должен содержать четкое перечисление всех объектов (единиц), передаваемых на баланс предприятия.

3. Возникшее при реорганизации лицо (лицо, к которому осуществляется присоединение) должно принять к бухгалтерскому учету передаваемые активы и обязательства. При этом передаточный акт или разделительный баланс не рассматриваются законодательством в качестве первичных учетных документов, являющихся основанием для принятия активов к бухгалтерскому учету. Например, основные средства принимаются к бухгалтерскому учету по счету 01 «Основные средства» на основании акта о приеме-передаче основных средств (п. 9 Инструкции по бухгалтерскому учету основных средств, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30.04.3012 № 26 [6]); нематериальные активы принимаются к бухгалтерскому учету по счету 04 «Нематериальные активы» на основании акта о приеме-передаче нематериальных активов (п. 12 Инструкции по бухгалтерскому учету нематериальных активов, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 30.04.3012 № 25 [5]); приемка материалов (запасов) может осуществляться непосредственно на основании сопроводительных документов или посредством оформления акта о приемке материалов (п. 28—29 Инструкции по бухгалтерскому учету запасов, утвержденной постановлением Министерства финансов Республики Беларусь от 12.11.2010 № 133 [4]). Таким образом, передаточный акт и разделительный баланс не выступают в роли акта приемки-передачи. В соответствии с законодательством данную функцию выполняют иные документы.

4. В специальной экономической литературе отмечается необходимость составления дополнительного акта приема-передачи при реорганизации. В частности, С.Л. Коротаяев утверждает, что «на практике необходим акт приема-передачи имущества, поскольку по разделительному балансу осуществляется передача имущества не по конкретным единицам (объектам), как это имеет

место в действительности, а по соответствующим статьям баланса. Именно данные по акту приема-передачи имущества должны в итоге «выходить» на данные по разделительному балансу» [8, с. 23]. Таким образом, передаточный акт и разделительный баланс не содержат в себе перечня конкретных объектов (единиц), подлежащих учету, а, следовательно, не могут рассматриваться в качестве акта приема-передачи. Для конкретизации передаточного акта и разделительного баланса на практике к данным документам прикладываются акты (описи) инвентаризации имущества и обязательств; первичные документы по передаваемому имуществу; расшифровки кредиторской и дебиторской задолженностей и другие документы.

На основании проведенного исследования можно прийти к выводу, что сущность передаточного акта и разделительного баланса в том, что они призваны обеспечить учет передаваемых при реорганизации прав и обязанностей, а также распределение передаваемых прав и обязанностей между правопреемниками (применительно к разделительному балансу). При этом они не оказывают влияния на сам факт перехода прав и обязанностей при реорганизации. Будучи обязательным элементом реорганизации как юридического состава, рассматриваемые документы, тем не менее, не являются самостоятельными сделками. Передаточный акт и разделительный баланс также нельзя рассматривать в качестве акта сдачи-приемки имущества.

Список литературы:

1. Агапова О.И. Защита прав кредиторов при реорганизации юридических лиц: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.И. Агапова; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. — М., 2007. — 32 с.
2. Гражданский кодекс Республики Беларусь: принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г.; одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. (с изм. и доп.) // Ведымастці Нац. сходу Рэсп. Беларусь. — 1999. — № 7—9. — Ст. 101.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации часть первая: принят Гос. Думой Федерального Собрания Рос. Федерации 21 окт. 1994 г. (с изм. и доп.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.
4. Инструкция по бухгалтерскому учету запасов: постановление Минист. финансов Респ. Беларусь, 12 нояб. 2010 г., № 133 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Наццентр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
5. Инструкция по бухгалтерскому учету нематериальных активов: постановление Минист. финансов Респ. Беларусь, 30 апр. 2012 г., № 25// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Наццентр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.

6. Инструкция по бухгалтерскому учету основных средств: постановление Минист. финансов Респ. Беларусь, 30 апр. 2012 г., № 26// Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Наццентр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
7. Качалова А.В. Осуществление и защита прав участников хозяйственных обществ при реорганизации: автореф. дис. канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.В. Качалова; Моск. гос. ун-т. — М., 2011. — 30 с.
8. Коротаяев С.Л. Реорганизация юридических лиц: Правовые основы, орг. Аспекты, бухгалтер. Учет и налогообложение. (Практическое пособие) / С.Л. Коротаяев. — Мн.: Хозяйство и право, 2003. — 100 с.
9. Кубрак Е.В. Реорганизация в форме выделения. Рецепт достижения успеха / Е.В. Кубрак // Юрист. — 2009. — № 12. — С. 38—45.
10. О внесении изменений в учредительные документы юридического лица, к которому в рамках установленной формы реорганизации присоединяется иное юридическое лицо: письмо Минист. юстиции Респ. Беларусь, 21 июля 2004 г., № 05-05/1399-3 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Наццентр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2013.
11. Функ Я.И. Курс бизнес-права: гражд.-правовое основы организации предпринимат. деятельности: в 3 кн. / Я.И. Функ. — Минск: Амалфея, 2005. — Кн. 1: Коммерческие организации: корпоративные формы организации предпринимательской деятельности. — 543 с.

СЕКЦИЯ 13.

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ КУЛЬТУРЫ МИРА

Чеджемов Сергей Русланович

д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВПО «СОГУ им. К.Л. Хетагурова».

E-mail: srchedgemov@mail.ru

Глобальные проблемы человечества усиливаются и, на их фоне, также усиливаются и проблемы региональные. В современном российском государстве и обществе наблюдаются кризисные явления, угрожающие безопасности, как отдельного человека, так всему обществу и государству. Особо значение придает этому межэтническая и межконфессиональная напряженность, международный терроризм, коррупция, небывалый рост преступности подрывают моральные и нравственные устои мира и человеколюбия. Проблема культуры мира требует своего решения на основе междисциплинарного подхода.

По своему национальному и конфессиональному устройству Российская Федерация не имеет аналогов в мире. Формирование правового государства и гражданского общества неразрывно связано с созданием условий, при которых всем национальным, этническим, лингвистическим и религиозным меньшинствам могут быть обеспечены благоприятные условия для сохранения своей культуры, традиций, религии и языка.

Правовая основа в соответствии с провозглашенным в Конституции РФ приматом норм международного права заложена в документах ООН и ЮНЕСКО, в том числе: «Всеобщая декларация прав человека ООН» 1948 г., «Конвенция о защите прав человека и основных свобод» 1950 г., «Международный пакт о гражданских и политических правах» 1966 г., «Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах» 1966 г., «Заключительный акт совещания по безопасности в Европе» 1975 г., «Парижская Хартия для новой Европы» 1990 г., «Декларации и Программы действий в области культуры мира (1999 г.)», «Международное десятилетие культуры ненасилия и мира в интересах детей планеты (2001—2010 гг.)».

Российская Федерация явилась одной из первых стран, объявивших формирование культуры мира в качестве своей задачи стоящей перед национальной системой права поддержав пилотный проект ЮНЕСКО и разработав собственную программу в 2000 году «Культура мира в России».

Примечательно, что в данном проекте нашли свое отражение и национальные особенности реализации этой программы, а ряд ученых Северного Кавказа выступили с оригинальными исследованиями отдельных ее аспектов.

Современная действительность нашего государства побудила ряд западных исследователей обратить свое внимание на проблемы формирования культуры мира в общей системе правовой культуры с учетом западной правовой традиции. Это работы Д. Адамса, И. Галтунга, Генерального секретаря ЮНЕСКО Ф. Майора [1; 2; 4; 5].

Глубокая теоретическая разработка поставленной выше проблемы тесно связана с тем, что не только российское общество, но и весь мир в целом заинтересованы в возобладании идей культуры мира.

В международном праве и в ряде внутригосударственных правовых систем сформировалось устойчивое представление о необходимости определить пути установления мирных и доброжелательных отношений между различными государствами, в том числе и с различным социальным строем и религиозными верованиями.

Современный период развития международного права знаменуется обострением международной обстановки. Все чаще дают о себе знать международный терроризм, межэтнические и межконфессиональные противоречия, в том числе рост преступности и коррупции, угроза локальных и мировых войн, экологической катастрофы. Эти негативные процессы характерны и для различных регионов мира, а в России Северный Кавказ в конце XIX начале XXI веков прочно удерживал позиции самой «горячей точки».

Важнейшая особенность гуманистической концепции развития межгосударственных и межличностных отношений состоит в возможности взаимовыгодного сотрудничества в различных областях решений внутренних и внешних задач России в деле сохранения мира, упрочения безопасности и сохранения природы.

Политико-правовой анализ культуры мира как одного из явлений международного права и одной из основных проблем, стоящей перед человечеством предполагает рассмотрение понимания феноменологической сущности понятий «правовая культура» и «мир».

Определение правовой культуры дается исходя из анализа многочисленных подходов к ее определению как многофакторного

и явления, имеющего свои прогнозируемые перспективы, и в которых подчеркиваются разные стороны этого явления и понятия.

В мировом и российском научном сообществе под термином «культура» понимается как исторически определенный уровень развития общества, сил и способностей человека, выраженный в типах и формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также создаваемых ими материальных и духовных ценностях.

В истории развития человечества каждая общественно-экономическая формация, если исходить из формационного подхода или цивилизация, исходя из цивилизационного подхода, определяется определенным типом правовой культуры, которая меняется с переходом от одной формации к другой, при этом возможно и наследование, и отрицание прошлого опыта.

Культура мира, исходя из духа и буквы нормативных документов ЮНЕСКО, предполагает неприятие и недопущение насилия, использования силы во всех их формах в отношениях между государствами, между теми или иными группами, между отдельными людьми и разрешение конфликтов, разногласий, разрешение споров путем диалога и демократическими методами.

Провозглашается, также, решительная борьба (мирными, ненасильственными средствами) против расизма, ксенофобии, различных проявлений шовинизма и фундаментализма, а также культивирование уважения прав человека и гражданина и установление и укрепление демократических принципов внутри стран и в международных отношениях. К ним относятся право на развитие в условиях справедливости; уважение прав меньшинств; охрану разнообразия природного, культурного, научного, генетического и этнического наследия; признание права на мир.

Важно подчеркнуть, что в таком понимании мир как система взаимоотношений государств, обществ и индивидов не означает отсутствие различий во взглядах и предпочтений, разногласий и конфликтов. Мир выступает доминантой, перед которой отходят на второй план противоречия, т. е. они не исчезают, ибо без них немисливо развитие, но играют второстепенную роль и в этом проявление важнейшей составляющей правовой культуры — культуры мира. Мирное сосуществование мыслится как позитивный, динамичный и конструктивный процесс при широком участии институтов гражданского общества и государства.

Ценности правовой культуры — уважение к закону, общечеловеческим ценностям, чувство справедливости, уважение к правам и свободам человека и гражданина и т. д., являясь неотъемлемым

элементом человеческого бытия, воплощают в себе смысловую характеристику определенного исторического развития человечества в целом и его составляющие национально-культурологические особенности.

Видный исследователь феномена ценностей А.С. Запесоцкий определяет их совокупность в виде определенного текста, зафиксированного в преданиях, обычаях, традициях и обеспечивающих смысл существования человека и общества [3, с. 150]. Здесь целесообразно добавить, что и Ценности правовой культуры передаются из поколения в поколение и выступают как образцы поведения, поощряемые силой обычая (обычное право) и государства (писанные законы).

Данная максима, являясь одним из обобщающих подходов к многоаспектному явлению правовой культуры, представляется наиболее продуктивной в контексте современных международных и внутригосударственных договоров и соглашений. Мир, как явление международной жизни и определенное состояние отношений между людьми, является не только идеалом человеческих взаимоотношений, но и общечеловеческой правовой ценностью. Мир, как правовая ценность и как высшее достижение правовой культуры не является состоянием покоя, а представляет собой позитивную человеческую деятельность, включающую в себя отношение человека к самому себе, взаимосвязи между людьми и отношение человека к человечеству в целом [3, с. 220].

В основополагающих документах международного права, в частности в Уставе ООН, провозглашается цель избавить грядущее поколение от бедствий войны, утвердить веру в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин и равенство прав больших и малых наций, что напрямую связано с реализацией идей культуры мира.

На эти же цели направлены и программные документы ЮНЕСКО, в частности рекомендации о воспитании в духе международного взаимопонимания, сотрудничества и уважения прав человека и основных свобод. В последующем были приняты многие нормативные акты регулирующие права человека, отношения между людьми в социальной сфере и трудовых отношениях, образования, здравоохранении, различных отраслях культуры, экологии, коммуникации и т. д.

Основополагающей идеей в них являлась концепция культуры мира. Она овладевала и овладевает умами широких народных масс и на различных всемирных и континентальных конгрессах и форумах вырабатывались ко всем людям доброй воли, правительствам стран мира и неправительственным организациям содействовать построению

отношений на основе универсальных правах и свободах человека и гражданина.

Идеи культуры мира глубоко созвучны духу и историческим традициям России как страны, которая изначально является союзом народов, и как никакая другая страна испытала на себе бедствия войны. Очевидно, именно поэтому Российская Федерация стала одной из первых стран, которая поставила в качестве своей национальной задачи формирование культуры мира.

Под руководством известного общественного деятеля, доктора юридических наук, профессора И.А. Умновой в нашей стране успешно действует центр «Право мира». Целью данной организации является содействие гуманитарному развитию общества путем осуществления правовой и иной деятельности связанной с обеспечением права на мир, безопасность и устойчивое развитие, укрепление отношений дружбы и сотрудничества, формирование миролюбивого мировоззрения, гуманистического правосознания и толерантности между людьми и социальными общностями.

Предметом деятельности данной организации является организация и проведение общественно-правовых, просветительских духовно-культурных и иных гуманитарных акций связанных с пропагандой и защитой мира и безопасности, стимулирование устойчивого развития укрепления отношений дружбы и сотрудничества между народами.

В планах работы объединение усилий ученых и практиков и содействие реализации концепций и программ обеспечения мира, безопасности человечества, организация научно-профессионального и экспертного обеспечения миротворчества и внесение предложений по совершенствованию действующего законодательства, обеспечивающего мир, безопасность и устойчивое развитие человечества, эффективность и развитие разнообразных форм дружбы и сотрудничества.

Таким образом, полагаем, что цель культуры мира — это достижение человеком гармонии с окружающим миром на основе ненасилия и уважения к правам и свободам человека. Эти идеи лежат в основе всех гуманитарных наук, но особо велика роль в их реализации правоведения и педагогики.

Список литературы:

1. Адамс Д. История концепции культуры мира Культура мира и демократия. М., 1997.С. 18—20.
2. Галтунг И. Культурный мир: некоторые характеристики //Культура мира в демократии. М., 1997.С. 93—98.

3. Запесоцкий А.С. Образование. Философия, Культурология. Политика. М.: Наука, 2002. — 354 с.
4. Майор Ф. К культуре мира // Культура мира и демократия. М., 1997. — С. 19—29.
5. Майор Ф. Право человека на мир // Культура мира и демократия. М., 1997 — С. 363—364.
6. Мир, безопасность и устойчивое развитие в международном, национальном и региональном измерениях. Материалы международной научной конференции. Владикавказ, ГГАУ, 2011. 129 с.
7. Устав ООН/ [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.un.org/ru/documents/charter/preamble.shtml>.
8. Adams David. UNESCO and a Culture of Peace: Promoting a Global Movement. UNESCO Publishing, Paris: 1997.

«ЧАСТНОЕ» В КОНТЕКСТЕ ПЛЮРАЛИЗМА ПРАВООПОНИМАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА

Чувальникова Анна Сергеевна

*адъюнкт Московского университета МВД России,
г. Москва*

E-mail: anyachas@rambler.ru

Оформившиеся в теории права типы правопонимания по-своему отражают накопленный человеческой цивилизацией опыт в познании права. Признавая это, современная юридическая наука допускает плюрализм подходов к решению проблемы правопонимания. Такая методологическая установка ориентирует на поиск не ограниченных областью какого-либо отдельного подхода установок правового мышления, имеющих методологическое и мировоззренческое значение для познания права.

В современных условиях усложняющихся и динамично развивающихся общественных отношений за огромным массивом нормативно-правовых предписаний все сложнее установить, что в действующем праве сохраняется как «частное», поскольку даже имеющие очевидный частный характер явления в настоящее время получают то или иное юридическое, а, следовательно, публичное выражение. Необходимо установить, что является в самой природе и сущности права частным. Учитывая отсутствие в современной

теории права, признающей плюрализм правопонимания, единого подхода к сущности права, следует рассмотреть сам концепт частного в контексте разных типов правопонимания.

Особый интерес представляет установление частного в праве в контексте основных для теории права подходов: теории естественного права, юридического позитивизма, социологического и интегративного подходов. Существующие между ними различия связаны не просто с принципиально разным пониманием сущности права, но и с разным пониманием научности юриспруденции.

По оценкам современных исследователей, юридический позитивизм в настоящее время является одним из влиятельнейших направлений юриспруденции. В современной теории права одной из наиболее широко распространенных его интерпретаций является нормативизм. Поскольку сущность права здесь выражается в нормах права, областью, с которой данный подход соотносит свойство частного, является система позитивного (юридического) права. Ставится вопрос о частном либо публичном характере, прежде всего, норм права. Подобный взгляд позитивного направления в юриспруденции, в частности, представлен в работе немецкого правоведа Г. Радбруха «Философия права» [3, с. 141—145]. В таком понимании частноправовые нормы, будучи включенными в иерархическую по своей природе систему юридического права, подчиняясь ее законам, образуют вместе с публично-правовыми нормами две взаимосвязанные и в этом смысле лишь относительно самостоятельные иерархии норм — частное и публичное юридическое право.

Единственным собственно правовым критерием частного в праве, здесь становится *юридический критерий*. Общественным явлениям, отношениям, поступкам людей дается оценка исходя из устанавливаемых государственным правом критериев и, прежде всего, запретов. Эти публичные запреты и дозволения определяют, в первую очередь, методы, подходы юридического права к регулированию общественных отношений не только в публично-правовой сфере, но и в частноправовой. Это делает проявления публичного и частного в праве с точки зрения юридического позитивизма *едиными по форме*. В том и в другом случае юридическое право формирует «границы», «критерии» правового. Однако такой критерий позволяет достаточно произвольно определять, что является частным в праве, поскольку юридический позитивизм, в частности нормативизм, сосредотачиваясь на формальной определенности права, остается безразличным к вопросу о его содержании.

Теория естественного права относится к числу так называемых содержательных подходов к праву. Зародившись еще в античности, она была связана с различием в праве того, что исходит от воли людей, и того, что коренится в самой «природе вещей». Среди представителей естественно-правового подхода практически не находится противников идеи деления права на частное и публичное, в том числе в ее формальном, узко-юридическом понимании как классификационного деления позитивного права. Однако своей задачей данный подход полагает не выбор наилучшего критерия подобного разделения, а объяснение с помощью этой конструкции того, что сущность права не сводится только к позитивному, публичному по своей природе праву, даже если автор не может найти однозначного критерия для области этого естественного, неформального, неписанного, непубличного права. Именно этими характеристиками «неписанного» и, прежде всего, «естественного» наделяется с точки зрения теории естественного права частное право и концепт частного.

Это, однако, еще не означает, что понятие «частное право» становится тождественным понятию «естественное право», а концепт частного — категории естественного. Хотя в терминологии, используемой И. Кантом в «Метафизике нравов», такое отождествление прослеживается [1, с. 151—152]. В его интерпретации «естественное право» (право в его естественном состоянии) называется «частным правом». Это скорее интуитивное видение, «ощущение» частного права немецким философом, как представляется, лишь подтверждает, что частное право и вообще все частное в контексте естественно-правового подхода воспринимается по-особому, как «естественное частное право», как естественно частное. Однако «естественное» — достаточно абстрактное понятие, воспринимаемое скорее интуитивно и не всегда однозначно. Критика теории естественного права, как правило, и связана с тем, что в ней отсутствует четкий критерий «естественного».

Социологическое правопонимание также относится к числу содержательных подходов. Для него характерно рассмотрение в качестве носителей свойства (качества) частного потребностей, интересов, отношений. Это объясняется тем, что в центре социологического подхода к праву лежит понятие общества как универсального способа организации социального взаимодействия и связей, который обеспечивает удовлетворение всех основных потребностей людей посредством различных социальных институтов, в том числе и права.

Становится очевидным, что движущие с точки зрения социологического подхода поведением людей в обществе потребности и интересы могут быть не только публичными, но и частными. При этом совпадение личного и общего, когда частное дело лица одновременно обеспечивает реализацию публичного интереса, как представляется, становится именно тем механизмом, который делает право «живым», приводит его в движение. Таким образом, в контексте социологического подхода частный характер тех или иных потребностей и интересов не исключает того, что они могут быть общими для определенной социальной группы или даже общества в целом.

Поскольку социологическое правопонимание признает многообразие форм социальной жизни, в том числе многообразие форм права как социального института, постольку становится очевидным, что именно в контексте данного типа правопонимания должны быть обнаружены различные проявления частного как свойства, присущего этим формам, либо так или иначе соотносимого с ними. Здесь концепт частного раскрывается как правовое свойство права, существующего в таких основных формах, как международное, общественное, групповое и индивидуальное право [2, с. 125]. А также может быть рассмотрен в качестве характеристики права в таких конкретных его формах, как государственное право, обычное право, право гражданского общества, каноническое право, моральное право, корпоративное право, теневое (криминальное) право и др.

Методологические возможности проанализированных автором подходов, с одной стороны, делают очевидными некоторые важные закономерности правового мышления, обусловленные местом, ролью и функциями концепта частного в процессе правопонимания, с другой стороны, рассмотренные подходы не лишены недостатков. «Примиришь» возникающие между данными типами правопонимания противоречия в теории права призван так называемый интегративный (синтетический, комплексный) подход.

Вероятно, что в контексте интегративного правопонимания *критерий частного* также предстает как интегративный, смешанный, комплексный. Интегративный подход к праву, с одной стороны, позволяет сочетать содержательные и формальные критерии частного, не противопоставляя их. С другой стороны, здесь возникает вопрос: насколько такой комплексный критерий органичен, насколько он отражает природу права, и какую цель в конечном счете преследует его использование. Данная цель, по-видимому, должна быть установлена исходя из того, какой аспект является преобладающим в конкретном интегративном подходе.

В целом, именно так называемые содержательные подходы к праву (теория естественного права, социологический и интегративный типы правопонимания) позволяют теории права выразить посредством концепта частного правовую идею объективной ограниченности возможностей государства в упорядочении отдельных сфер общественной жизни (предпринимательских, семейных и иных частных отношений). А также обосновать исключение из сферы непосредственного государственно-правового регулирования частной (личной, приватной) жизни граждан, детерминированной неюридическими регуляторами общественных отношений.

Список литературы:

1. Кант И. Метафизика нравов. Часть 1. Метафизические начала учения о праве / Кант И. Сочинение в шести томах. Т. 4. Ч. 2. М.: Мысль, 1965. — 478 с.
2. Малахов В.П. Философия права: формы теоретического мышления о праве: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. — 236 с.
3. Радбрух Г. Философия права. М.: Международные отношения, 2004. — 240 с.

СЕКЦИЯ 14.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

ОБЗОР НЕКОТОРЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ НАРКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ

Клещёв Александр Сергеевич

*студент МГЮА им. О.Е. Кутафина 3 курс
г. Москва*

E-mail: kleshevas@gmail.com

Бимбинов Арсений Александрович

*научный руководитель,
аспирант кафедры Уголовного права МГЮА им. О.Е. Кутафина
г. Москва*

В законодательстве большинства стран современного мира, борьбе с незаконным распространением наркотических и психотропных веществ уделяется особое внимание. Связано это с целым рядом объективных и субъективных факторов. Высокий уровень общественной опасности, так как запрещенные вещества напрямую влияют на здоровье населения, низкий уровень раскрываемости преступлений данной группы.

Однако и в Российской Федерации наметилась тенденция к существенному ужесточению наказания за незаконный оборот наркотических и психотропных веществ. 01 марта 2012 года Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон № 18-ФЗ [5], которым внесены изменения в статьи 228; 228.1; 229.1 Уголовного Кодекса Российской Федерации [3], кроме того внесены дополнения в статьи 228.3 и 228.4 УК РФ. Данные изменения существенно ужесточают уголовную ответственность за незаконный оборот наркотических средств. Добавлены изменения в Общую часть УК РФ, а именно:

- Ч. 1 ст. 57 УК РФ — «Пожизненное лишение свободы устанавливается, также за совершение тяжких и особо тяжких

преступлений против здоровья населения и общественной нравственности...»

- П. «К» ч. 1 ст. 63 УК РФ «...отягчающими обстоятельствами признаются: совершение преступления с использованием, специально изготовленных наркотических средств, психотропных, сильнодействующих веществ...» (Однако данное отягчающее обстоятельство, естественно, не будет являться таковым, в случае если входит в объективную сторону преступления ст. 228.1 УК РФ).

- П. «Г» ч. 3 ст. 79 УК РФ «условно-досрочное освобождение может быть применено только после фактического отбытия осуждённым: не менее трёх четвертей срока наказания, назначенного за тяжкие и особо тяжкие преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров»

- Ч. 1 ст. 104.1 УК РФ «конфискация имущества есть принудительное безвозмездное изъятие и обращение в собственность государства на основании обвинительного приговора следующего имущества: денег, ценностей, имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных частью второй статьи 228.2 УК РФ, статьями 228.4 УК РФ»

Изменения коснулись Особенной части УК РФ, что представлено в сравнительной таблице.

Таблица 1.

Сравнительная таблица изменений ст. 228 УК РФ до вступления в силу Федерального закона № 18-ФЗ [5] и после вступления в силу федерального закона

№ статьи УК РФ	Редакция до вступления в силу № 18-ФЗ [5]	Редакция после вступления в силу № 18-ФЗ [5]
1	2	3
Ч. 1 ст. 228 УК РФ	Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка без цели сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в значительном размере, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка без цели сбыта растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, в значительном размере.	Часть изложена в новой редакции, с 2013 года вводится понятие значительного размера, который определен соответствующим Постановлением Правительства от 01.10.2012 № 1002 [1]

ч. 2 ст. 228 УК РФ	2. Те же деяния, совершенные в крупном размере	С 2013 года преступления, ранее квалифицировавшиеся по ч. 1 ст. 228 квалифицируются по ч. 2 ст. 228 УК РФ. Санкция повышена и теперь составляет от 3 до 10 лет лишения свободы.
ч. 3 ст. 228 УК РФ	3. Те же деяния, совершенные в особо крупном размере, наказываются лишением свободы на срок от десяти до пятнадцати лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового.	Полностью новая часть к ст. 228 УК РФ, которая вводит ответственность за особо крупный ущерб.

Изменено также и примечание к ст. 228 УК РФ, в список возможных к добровольной сдаче добавлены растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, как указывалось выше, к крупному и особо крупному размеру добавлен значительный.

Ст. 228.3 и ст. 228.4 УК РФ следует рассматривать вместе, так как обе являются полностью новыми для УК РФ и предполагают: введение уголовной ответственности за совершение преступлений связанных с прекурсорами наркотических средств или психотропных веществ, однако первая предполагает приобретение, хранение или перевозку, а вторая производство сбыт и пересылку данных веществ соответственно.

В целом стремления и тенденции законодателя вполне понятны и позитивны, однако № 18-ФЗ, как и предполагалось, возложил обязанность на Правительство РФ устанавливать значительный, крупный и особо крупный ущерб. Соответственно, 01.10.2012 г. Председатель Правительства Российской Федерации Дмитрий Медведев подписал Постановление Правительства Российской Федерации от 01.10.2012 г. № 1002 [1], в котором установлены соответствующие размеры для целей вышеуказанных статей. Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76 [2] определяющее крупный и особо крупный размеры нуждалось в замене в большинстве за то, что в правоприменительной практике возникали вопросы о справед-

ливости наказания. Лица осуществляющие хранение 2,5 грамм героина, отвечали в соответствии с законом одинаково с лицами, хранящими 1 кг героина. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 [1] не ликвидирует полностью эту несправедливость, но делает ее менее вероятной. Особо крупный размер рассматриваемого героина будет признан только в том случае, если он составляет 1000 грамм. Таким образом, фактически крупный и особо крупный размер Постановления Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76 [2] стал значительным и крупным размером в Постановлении Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 [1] соответственно, следовательно и санкции за них остались прежними, однако, ответственность за крупный размер увеличена, что, безусловно является позитивной тенденцией отечественного уголовного законодательства.

По-прежнему остается нерешенной проблема измерения массы веществ. Так как в настоящее время она производится не на основе психоактивного вещества, в нее также включаются и нейтральные примеси в общей массе смеси. Данный способ измерения создает огромное пространство для злоупотреблений и коррупции, так как большинство «уличных» наркотиков продаются в смесях, соответственно это позволяет привлекать к ответственности не прямые источники продажи наркотических веществ, а лишь посредников при их продаже, что не позволяет воплотить истинный замысел законодателя и минимизировать преступления данного вида на территории России.

Необходимо отметить положительные тенденции развития уголовного законодательства РФ, однако, как и любые новеллы, они не лишены пробелов, которые необходимо восполнять.

Список литературы:

1. Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ. А также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229, 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 08.10.2012, № 41, ст. 5624.

2. Постановление Правительства РФ от 7 февраля 2006 г. № 76 «Об утверждении крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ. А также крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // «Собрание законодательства РФ», 02.01.2012, № 1, ст. 135
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ //Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г.
4. Федеральный закон Российской Федерации от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // 6 марта 2012 г. в «РГ» — Федеральный выпуск № 5721.
5. Федеральный закон от 10.01.2006 № 18-ФЗ «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // 17 января 2006 г. в «РГ» — Федеральный выпуск № 3972.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКОВ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПРАВСТВЕННОСТИ И ПРОТИВ ЛИЧНОСТИ

Шмыков Дмитрий Валерьевич

*старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса,
Прикамского социального института канд. юрид. наук, г. Пермь
E-mail: dima0999or@mail.ru*

Шмыков Валерий Иванович

*доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики,
Пермского государственного национального исследовательского
университета канд. пед. наук, доцент, г. Пермь
E-mail: dima0999or@mail.ru*

Криминологический подход изучаемого явления позволяет обоснованно применить социолого-психологический метод изучения личности преступника.

Данным исследованием было охвачено свыше 250 преступников (осужденных к лишению свободы за преступления против личности и против нравственности). Градация преступников (по предлагаемым

группам) произведена в соответствии с УК РФ [10]. Экспериментальную группу составили осужденные за преступления по ст. 242, 242¹ УК РФ [10], связанные (по материалам уголовного дела) с незаконным распространением порнографических материалов (гл. 25 УК РФ [10] — преступления против нравственности) и граждане, осужденные по статьям УК РФ (228, 231, 230, 234, 240) [10]. В уголовных делах которых зафиксированы эпизоды распространения порнографических материалов или предметов (уголовное преследование которых по деяниям, предусмотренным ст. 242, 242¹ УК РФ [10], прекращено за недоказанностью). Контрольную группу преступников составили осужденные, состав преступлений которых входили в главу 16 УК РФ [10] — преступления против личности (ст. 115, 116, 117, 118 УК РФ [10]).

Возраст осужденных: от 18 до 58 лет.

Представляется целесообразным объединить полученные разрозненные данные изучения уровневых компонентов личности в обобщенный криминологический портрет личности.

Результаты обобщенных данных значимых различий в характеристиках личности преступников представлены в таблице (см. таблица).

В свойствах личности преступников групп 1 и 2 имеются одинаково выраженные качества и качества, которые свойственны только одной из рассмотренных групп преступников. Поэтому авторы полагают возможным дать описание общих качеств личности (одинаково выражены в обеих группах) и таких характеристик личности, которые выявлены только в группе преступников, совершивших преступления против нравственности, и в группе лиц, совершивших преступления против личности.

Авторами рассматривались различия качеств личности, имеющие статистическую значимость: уровень достоверности различий высокий — от $p < 0,05$ до $p < 0,001$. Следовательно, эмпирический материал относительно рассмотренных качеств личности преступников в группах сравнения является достоверным и может быть использован в составлении криминологических портретов.

Общие криминологические характеристики личности преступников экспериментальной и контрольной групп

В характеристике личности преступников рассмотрены совпадающие (одинаково отчетливо выраженные) качества личности преступников, совершивших преступления против нравственности и против личности (см. таблица).

Общий («совпадающий») криминологический портрет преступника.

- Индекс соотношения стратегий поведения и мотивации. Лица, участвующие в обследовании, применяют асоциальные стратегии — преступление совершено не случайно, а связано с поведением, направленным против общества и отдельных граждан. Направленность личности связана со стремлением обеспечить личный комфорт в жизни — так реализуются преступные намерения.

- Стратегии поведения. Для обеих групп свойственен слабый контакт — преступные замыслы вынашивают в тайне от окружающих людей и от общественных организаций. Характерна высокая асертивность, осторожность и импульсивность: такие личности проявляют осторожность при совершении деяний, активны в реализации своих намерений и умеют незамедлительно воспользоваться моментом (ситуацией), благоприятным для реализации преступных намерений.

- Акцентуации. В обеих группах одинаково выражены акцентуации характера по типу «педантичность» и «застреваемость». Авторы отмечают, что отдельно рассмотренные акцентуации по таким типам характеризуют кропотливость и настойчивость личности. Взятые отдельно от других качеств личности, они не могут отражать тип личности преступника, так как такие качества встречаются и у правопослушных граждан. Только благодаря многоаспектному подходу в криминологическом изучении личности можно описать личность преступника. В сочетании с асоциальными стратегиями и противоправной мотивацией такие акцентуации характеризуют личность преступника — соответствуют современному уровню развития криминологии. Преступники с такими акцентуациями чрезвычайно упорны, настойчивы, кропотливы в реализации своих преступных намерений.

- Свойства личности. Характерным является низкий уровень абстрактного мышления. Это означает, что преступники обладают практически-действенным (а не абстрактным, теоретическим) мышлением. Обдумывание деяний связано с практической стороной дела, с прибылью и обеспечением комфорта жизни (см. параметр «комфорт» как направленность личности).

Выявленный общий (для обеих групп) криминологический портрет личности преступников в полной мере согласуется с результатами исследований личности преступников, которые проводили Ю.М. Антоян [1], М.И. Еникеев [6], В.Е. Эминов [2], Н.П. Дубинин [5], В.Н. Кудрявцев [8], А.Р. Ратинов [9], Б.С. Волков [3], А.И. Долгова [4], К.Е. Игошев [7]. Однако в исследованиях ученых отсутствуют исследования личности преступников, совершивших преступления против общественной нравственности — результаты

исследования логически продолжают традиции российской криминологии и соответствуют современному уровню развития криминологии.

Дифференциально-криминологическая характеристика личности преступников, совершивших преступление против нравственности.

Материалы статистического анализа характеристик личности преступников, совершивших преступления против нравственности (группа 1), убедительно свидетельствуют о том, что они по криминологическим характеристикам отличаются от личностей преступников, совершивших преступления против личности (группа 2). На этом основании авторами составлена криминологическая характеристика этого типа личности (см. таблица).

Криминологический портрет преступника, совершившего преступление против нравственности

- Индекс соотношения стратегий поведения и мотивация. Для лиц, совершивших преступления против нравственности, характерны асоциальные стратегии поведения (заставить людей «врасплох», ставить свои интересы выше социальных норм, демонстрировать превосходство над людьми, с выгодой для себя поставить человека в неудобное положение и др.). Самореализация в жизни (творческое развитие: гр. 1 — 15,9; гр. 2 — 14,5; $p < 0,04$) осуществляется посредством асоциальной деятельности.

- Стратегии поведения и межличностные отношения. Стратегии поведения не агрессивные (гр. 1 — 16,2; гр. 2 — 17,7; $p < 0,04$). В межличностных отношениях недоверчивы (гр. 1 — 9,67; гр. 2 — 28,56; $p < 0,03$). Такие личности во взаимодействиях с людьми реалистичны, их поступки не агрессивны, но они крайне недоверчивы в отношениях и склонны к скептицизму и критицизму в отношении норм и ценностей общества.

- Преобладающее настроение. Характерна дисфория (гр. 1 — 10,5; гр. 2 — 9,8; $p < 0,03$). Такие личности воспринимают окружающих людей негативно. Они раздражены и неприветливы, находятся в состоянии негодования по малейшим поводам. Активность деструктивна, сопротивляются полезным социальным нормам. Постоянное проявление негативных чувств — злость, ненависть, зависть, враждебность. В своих деяниях безнравственны и циничны.

- Свойства личности. Ярко выражен самоконтроль (гр. 1 — 9,75; гр. 2 — 8,02; $p < 0,05$). Такие личности могут хорошо контролировать свои поступки и эмоции, проявляют упорство в преодолении препятствий, хорошо осознают социальные требования. Они действуют планомерно и упорядоченно, доводят начатое дело до логического

конца. Заботятся о впечатлении, которое производят своим поведением, о своей репутации «добропорядочного» гражданина.

В отличие от рассмотренного типа личности преступников, совершивших преступления против нравственности, тип личности преступников, совершивших преступление против личности, совсем иной.

Схематичная криминологическая характеристика личности преступников, совершивших преступления против личности: направленность личности на общественную активность сочетается с асоциальными действиями; стратегии поведения агрессивные; в межличностном общении — независимы, прямолинейны; преобладающее настроение — рефрактерность (избирательность, уединенность, мнительность, иррациональность); акцентуированные личности — отчетливо выражены акцентуации по экзальтированности и демонстративности; свойства личности — беспечность (легкость отношения к своей и чужой жизни, не беспокоятся о последствиях, «легковесны» в отношениях с людьми, о будущем не заботятся).

На основании подробного криминологического анализа личности преступников контрольной и экспериментальной групп обоснованно можно утверждать, что личности рассмотренных групп достоверно отличаются друг от друга.

Таблица 1.

Обобщенные данные характеристик личности [11, с. 190]

Свойства личности (по Кэттеллу)	фак- тор	Преступления		Метод оценки различий	
		против нравствен- ности	против личности	t-крите- рий Стьюден- та	Значи- мость различий
		группа 1: n=85 чел	группа 2: n=93 чел	t-value	p
		Mean	Mean	t-value	p
Абстрактное мышление	B	4,18	3,67	1,40	0,16
Беспечность	F	8,55	10,71	-2,49	0,03
Самоконтроль	Q3	9,75	8,02	1,98	0,05
Акцентуации (по К. Леонгарду)	№ п/п	Mean	Mean	t-value	p
Застреваемость	2	6,32	6,6	-0,69	0,49
Педантичность	4	6,49	6,62	-0,47	0,64
Демонстративность	7	6,29	7,02	-2,40	0,01

Экзальтированность	10	5,16	6,16	-2,13	0,03
Настроение личности (по В.В. Бойко)		Mean	Mean	t-value	p
Рефрактерность		9,61	10,6	-1,98	0,04
Дисфория		10,5	9,8	1,99	0,04
Октанты ДМО (по Т. Лири)	№ п/п	Mean	Mean	t-value	p
Независимый	2	7,79	9,56	-3,80	0,00
Прямолинейный	3	7,46	9,14	-2,58	0,01
Недоверчивый	4	9,67	8,56	2,06	0,03
Стратегии поведения (по С. Хобфолл)	№ п/п	Mean	Mean	t-value	p
Ассертивность	1	17,4	18,0	-0,71	0,47
Социальный контакт	2	12,8	12,3	0,77	0,44
Осторожные действия	4	17,3	18,2	-0,98	0,33
Импульсивность	5	18,2	17,6	0,62	0,53
Агрессивные действия	9	16,2	17,7	-2,06	0,04
Индекс соотношения стратегий:					
активные-пассивные		1,04	1,07	-0,34	0,73
просоциальные-асоциальные		0,92	0,87	1,17	0,24
прямые-непрямые		1,23	1,14	0,88	0,37
Мотивация (по В.Э. Мильман)	№ п/п	Mean	Mean	t-value	p
Обеспечение жизни	1	13,5	13,1	0,49	0,62
Комфорт	2	15,7	15,7	0,03	0,98
Общественная активность	5	14,0	15,4	-2,00	0,04
Творческая активность	6	15,9	14,5	1,98	0,04

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. Особенности личности сексуального преступника / Ю.М. Антонян, М.И. Могачев // Преступность и общество: Сб. науч. трудов ВНИИ МВД России. — М., 2005. — С. 127—136.
2. Антонян Ю.М. Личность преступника. Криминолого-психологическое исследование / Ю.М. Антонян, В.Е. Эминов. — М.: Норма: Инфра-М, 2010. — С. 368.

3. Волков Б.С. Мотивы преступлений. Уголовно-правовое и социально-психологическое исследование / Б.С. Волков. — М., 1982. — 187 с.
4. Долгова А.И. Власть как криминологическая проблема // Преступность и власть: материалы конференции / А.И. Долгова. — М.: Рос. криминологическая ассоциация, 2000. Доступ из справочно-поисковой системы «КонсультантПлюс».
5. Дубинин Н.П. Ответственность. Повеление. Поведение. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения / Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. — М., 1989. — 391 с.
6. Еникеев М.И. Юридическая психология: краткий учебный курс / М.И. Еникеев. — М.: Норма, 2004. Доступ из справочно-поисковой системы «КонсультантПлюс».
7. Игошев К.Е. Типология преступника и мотивация преступного поведения / К.Е. Игошев. — М., 1974. — 167 с.
8. Кудрявцев В.Н. Борьба мотивов в преступном поведении / В.Н. Кудрявцев. — М.: Норма, 2007. — 128 с.
9. Ратинов А.Р. Личность преступника как криминолого-психологическая проблема / А.Р. Ратинов // Вопросы борьбы с преступностью: материалы междунар. конгресса. — М., 1988. — С. 119—121.
10. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ Российской Федерации. — 1996. — № 25. Ст. 2954.
11. Шмыков Д.В. Противодействие обращению порнографических материалов или предметов: уголовно-правовой и криминологический анализ: дисс. канд. юрид. наук. Нижний Новгород, — 2011. — 200 с.

СЕКЦИЯ 15.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО И ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА

КОНФЛИКТНАЯ ПРИРОДА НАЛОГОВОГО СПОРА — ПРЕДПОСЫЛКА ОПТИМИЗАЦИИ НАЛОГОВОГО КЛИМАТА

Заика Аурика Анатольевна

*студент 3 курса Национального университета
«Юридическая академия имени Ярослава Мудрого»
Украина, г. Харьков
E-mail: Aurika1321@yandex.ua*

Кучерявенко Николай Петрович

*д-р юрид. наук, профессор,
академик Национальной академии правовых наук Украины*

В науке финансового права категория «налоговый спор» еще не получила необходимого концептуального осмысления как самостоятельная научная проблема.

В настоящее время в странах постсоветского пространства продолжается процесс построения правовых государств, который сопровождается переосмыслением значения многих правовых институтов и механизмов, проводится интенсивная подготовка нормативных актов для решения перспективных задач демократизации общественных отношений, законодательные преобразования происходят и в сфере налоговых правоотношений. Поэтому в условиях реформирования налогового законодательства указанная проблема приобрела еще большую актуальность и требует фундаментальных исследований.

Целью статьи является разработка основополагающих теоретических основ концепции налогового спора как специфического вида охранных налоговых правоотношений. Рассматривая вопрос налогового спора, прежде всего, надо обратиться с конституционными положениями.

Конституции большинства демократических государств закрепляют, что каждый обязан платить налоги и сборы в порядке и размерах, установленных законом. В тоже время, налоговые органы и должностные лица как участники налоговых отношений также имеют соответствующие обязанности перед налогоплательщиками, и обязаны действовать только на основании, в пределах полномочий и способами, которые предусмотрены законодательством.

Однако современная практика развития налогового законодательства большинства стран постсоветского пространства показывает, что поэтапное введение актов законодательства о налогах и сборах в силу, недостаточная разработанность соответствующей теоретической базы, отсутствие системности в формировании внутренней структуры налогового закона, различия в понимании у разных субъектов правовых норм. А также несогласованность интересов обуславливают возникновение конфликтных ситуаций между налогоплательщиками и государством в лице контролирующих органов.

Указанные конфликты создают предпосылки возникновения налоговых споров. Причем, как отмечает Усенко Е.А., налоговые споры возникают в правовой связи как регулятивных, так и охранных налоговых правоотношений, когда между субъектами этих правоотношений возникают противоречия по поводу содержания, объема и порядка исполнения налоговых обязательств [8].

Понятие «налоговый спор» может рассматриваться как в узком, так и в широком смысле.

В узком смысле налоговый спор представляет собой переданное на рассмотрение уполномоченного органа противоречие между участниками правоотношений, связанное с начислением и уплатой налогов, по поводу взаимных прав и обязанностей, а также их реализации, что требует его решения на основе правовой оценки условных прав сторон и проверки законности действий властно уполномоченного субъекта.

В широком смысле налоговый спор рассматривается как конкретная юридическая ситуация, в основе которой лежат противоречия между налогоплательщиками, с одной стороны, и органами государственной власти, с другой, возникающие по поводу применения норм налогового права, или как налогово-правовое отношение. Которое отражает противоречия интересов государства и налогоплательщиков и других участников налоговых правоотношений по поводу применения норм налогового права, которые решаются уполномоченным органом или по соглашению сторон.

На основе указанного можно обобщить, что налоговый спор — это разновидность юридического спора между участниками налоговых правоотношений, связанный с начислением и уплатой налогов, и может решаться как в юрисдикционном, так и в доюрисдикционном порядке.

Как уже отмечалось, основой любого налогового спора выступает конфликт. Спор выступает одной из стадий развития отношений, имеющих конфликтную природу, и является более узким понятием по сравнению с конфликтом. Особенность налогового конфликта заключается не столько в противостоянии интересов участников налоговых отношений, сколько в несовместимости, противоположности позиций таких субъектов, что обусловлено целью реализации интересов каждого. Определяя основания возникновения налоговых конфликтов, следует согласиться с мнением Н.П. Кучерявенко, который отмечает, что конфликт при регулировании налоговых отношений предопределяется:

1. коллизией налогово-правовых норм одного нормативного акта, когда мы сталкиваемся с противоречиями положений отдельных статей закона или другого нормативно-правового акта;

2. коллизией норм отдельных налоговых нормативно-правовых актов, как разновидности внутренней институциональной коллизии, когда противоречия характеризуют соотношение норм различных налоговых законов, прежде всего речь идет о противоречиях отдельных статей общих и специальных налоговых законов;

3. коллизией норм, содержащихся в различных актах финансового законодательства, что является разновидностью межинституциональной коллизии финансового законодательства, наиболее ярко характеризует соотношение отдельных норм бюджетного и налогового законодательства;

4. коллизией норм налогового законодательства и норм, входящих в другие отраслевые группировки [5].

В этом отношении Саркисов А.К. справедливо отмечал, что налоговый конфликт выявляет эффективность базовой правовой модели, регулирующей конституционные отношения «плательщик — общество — государство». Однако надо учитывать, что при возникновении налогового конфликта интересы общества здесь представлены опосредованно через государственные, поскольку данные отношения разворачиваются непосредственно между плательщиком и государством в лице контролирующих органов. При этом налоговый конфликт как предпосылка налогового спора возникает в рамках отношений, регулируемых исключительно императивными средствами. Но с момента

возникновения налогового спора можно говорить и о применении диспозитивных методов. В частности, подразумевается апелляционное административное согласования позиций сторон спора. После же согласования позиций сторон, методология вновь приобретает императивный характер [7].

Для более полного раскрытия природы налогового спора особое внимание следует остановить на его структурных особенностях. Структура налогового спора является определенной юридической конструкцией, внешним выражением правовой сущности налогового спора. В финансовом праве юридические конструкции как отдельную проблему начали исследовать совсем недавно. Д.В. Винницкий отмечал, что для регулирования даже относительно простого общественного отношения всегда необходима система взаимосвязанных норм. Эта взаимосвязь правовых норм обеспечивается различными способами. Далеко не последним по своему значению среди них есть юридические категории, презумпции, фикции и другие юридические конструкции [1].

Раскрывая особенности структурных элементов налогового спора, ученые использовали разные подходы. Киценко В.С., опираясь на точку зрения Зайцева И.Н., который рассматривая хозяйственный спор, отталкивался от теории иска и выделял три основных элемента спора: стороны, предмет, основание. По мнению Киценко В.С., этот подход является наиболее перспективным для разработки структуры налогового спора. В частности он отмечал, что структура налогового спора естественно более близка к структуре иска, чем составу правонарушения. Правонарушение является противоправным действием виновного лица. Форма и степень вины субъекта, его мотивы и цели имеют принципиальное значение для установления степени его ответственности. Налоговый спор является системой правомерных действий субъектов, их взаимоотношения связаны с восстановлением субъективного права, его защитой [2]. В то же время Усенко Е.А., представляя характеристику структурным особенностям налогового спора, акцентировал внимание на признаках налогового спора как материального отношения. В целом можно принять позицию Усенко Е.А., она целесообразно отмечала, что нельзя смешивать материальное содержание налогового спора и его предмет или объект [8].

Таким образом, структура налогового спора в общем виде состоит из следующих элементов:

- объект;
- субъективный состав;
- содержание;
- основание.

Рассматривая первый структурный элемент, а именно объект налогового спора можно определить, что таким объектом является согласование интересов участников налоговых отношений. Однако в этом случае не следует противопоставлять эти интересы, ведь они могут и совпадать, если плательщик, осознавая, точно и своевременно выполняет налоговый долг. Кроме того, более логично анализировать не публичный интерес, а интерес, вытекающий из публичного долга, так как налоговые органы реализуют и представляют интересы государства, а они совсем не совпадают с интересами общества (публичными интересами).

Еще одним не менее важным аспектом является то, что объект налогового спора нельзя связывать только с реализацией интереса или согласования интересов относительно исключительно оплаты налогов и сборов, поскольку это значительно сужает круг отношений, регулируемых в режиме решения налоговых споров.

Вторым структурным элементом выступает субъективный состав. Субъектный состав участников налогового спора обусловлен как принципиальными особенностями соотношения интересов сторон налоговых отношений, так и специфической ролью государства.

Субъектами налогового спора могут выступать организации, индивидуальные предприятия, с одной стороны, и налоговые органы, с другой. Для признания организаций и индивидуальных предпринимателей субъектами налогового спора они должны выступать в конкретном правоотношении как налогоплательщики.

Вместе с тем в отношении, возникающие в процессе осуществления налогового контроля, могут вступать и другие лица, на которые законодательством о налогах и сборах не возложены обязанности налогоплательщиков или налоговых агентов. К ним относятся, в частности, кредитные организации, находящиеся в гражданско-правовых отношениях с налогоплательщиком или налоговым агентом, органы внутренних дел, которые участвуют совместно с налоговыми органами в проводимых выездных налоговых проверках. Однако возможные конфликты указанных лиц с налоговым ведомством мы не относим к категории налоговых, поскольку они непосредственно не связаны с фискальными интересами государства.

Специализация налоговых органов характерна для налоговых споров и на другой, более решающей стадии — рассмотрения спора в суде. В настоящее время, по мнению Усенко Е.А., нельзя говорить о наличии исключительно налоговых (или финансовых) специализированных судов, что является достаточно логичным и последовательным, но развитие административной юстиции, введение специальных процедур судебного решения публичных споров,

что касается и налоговых споров, как разновидности последних, свидетельствует о реализации принципа специализации не только на стадии контроля государством за движением публичных денежных фондов, но и на этапе решения специфических споров в сфере налогообложения [8].

Поведение участников налоговых споров базируется на налоговой правосубъектности: возможность иметь процессуальные налоговые права и обязанности и быть участником налогового спора. Причем речь идет именно о процессуальной налоговой правосубъектности, что порождает соответствующую линию поведения, как налогоплательщика, так и действии других участников налогового спора.

Не менее важным структурным элементом является содержание налогового спора. Содержание связано с разным представлением плательщика и налогового органа касательно исполнения обязанным лицом долга. Причем конфликт относительно разных взглядов на определенное поведение может касаться различных аспектов. Налоговый спор охватывает не все фактические отношения, а лишь те отношения, которые стали правоотношениями. В настоящее время понимание правоотношений во многом зависит от того, как решается вопрос о связи между правовым отношением и нормой права. Классическим подходом в определении правовых отношений есть трактовка их как общественных отношений, урегулированных нормами права. Эта модель исходит из презумпции соответствия законодательного массива высшим ценностям.

Такое понимание правоотношения для сферы применения законодательства о налогах и сборах представляет собой большую ценность, так как ориентирует законодателя на четкое определение прав и обязанностей субъектов материальных налоговых отношений. Как справедливо отмечал Красавчиков А.А., любое правоотношение есть результат взаимодействия нормы права, правосубъектности и юридических фактов [4]. При таком понимании норма права и правоотношения выступают как причина и следствие.

Еще одним структурным элементом налогового спора выступает его основание. Основанием налогового спора является невыполнение налогового долга. Причем основанием спора является не просто фактическое наличие невыполнения какого-либо элемента налогового долга, а такое невыполнение, что привело к нерешенному конфликту между сторонами спора, который обусловлен разным представлением налогового органа и налогоплательщика относительно объема прав и обязанностей последнего или своевременности их выполнения.

Построение юридического состава налогового спора должна опираться на действующее законодательство страны. Легального

определения правового спора или налогового спора в законодательстве, как правило, нет. Как нет и четко закрепленного перечня его структурных элементов. Однако такие элементы законодателями фактически выделяются с целью решения целого ряда практических вопросов.

Рассмотрев структурные особенности налогового спора, изложенные выше, можно определить такие черты налогового спора:

1. налоговый спор есть разновидность финансового спора;
2. решение налоговых споров может осуществляться как в судебном, так и в несудебном порядке (доюрисдикционный и юрисдикционный);
3. решение налогового спора обеспечивается четко определенной процессуальной формой.

Таким образом, особое внимание следует остановить на гарантиях реализации и защиты прав субъектов при возникновении налоговых споров.

Гарантии реализации и защиты прав субъектов налоговых правоотношений выступают тем звеном, которое позволяет осуществить необходимый в правовом статусе субъектов налоговых правоотношений переход от предусмотренных в законах возможностей к реальной действительности и является необходимым условием демократической налоговой системы.

Например, в Украине существует два способа защиты прав и законных интересов налогоплательщиков: административный и судебный порядок обжалования решений органов государственной налоговой службы и действий или бездействия должностных и служебных лиц указанных органов.

В частности, право на обжалование в суде решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц закреплено в ст. 55 Конституции Украины [3]. Кроме того, согласно п. 56.1 ст. 56 Налогового кодекса Украины решения, принятые контролирующим органом, могут быть обжалованы в административном или судебном порядке [6].

Указанные институты являются одними из важнейших правовых гарантий в обеспечении реализации и защиты прав и законных интересов налогоплательщиков.

Налоговый спор выступает в качестве механизма гарантии реализации субъективных прав заинтересованных лиц и сбалансирования публичных и частных интересов, поскольку:

- направлен на защиту и восстановление нарушенного (оспариваемого) права, а также предупреждения его нарушения в будущем;

- направлен на решение юридического конфликта, возникшего между органом налоговой службы и налогоплательщиком, по поводу реализации прав и исполнения обязанностей;
- направлен на обеспечение стабильности условий реализации правовой нормы и оптимизацию правового регулирования;
- рассмотрение спора уполномоченным органом государственной власти обеспечивает стабильность правовой системы общества.

Обеспечение высокого уровня гарантии защиты прав налогоплательщиков и существование действенного механизма их восстановления в случае нарушения является важнейшим условием реализации всех мероприятий, направленных на улучшение налогового климата, совершенствования налогового законодательства, формирования стабильной налоговой системы.

Список литературы:

1. Винницкий Д.В. Налоговое право России.// Краткий учебный курс. — М.:НОРМА, 2004. [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.ex-jure.ru/law/news.php?newsid=113>.
2. Киценко В.С. Понятие и структура налогового спора как вид правового спора. // Форум права. — 2010. — № 4. — С. 458—461 [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://www.nbu.gov.ua/e-journals/FP/2010-4/10kvcvhc.pdf>.
3. Конституция Украины (Закон от 28.06.1996 № 254к/96-ВР) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254к/96-вр>.
4. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. / Красавчиков О.А. — М.: Госюриздат, 1958. — С. 50.
5. Кучерявенко Н.П. Курс налогового права: в 6 т. / Н.П. Кучерявенко. — Х.: Легас, 2004. — Т. 2: Введение в теорию налогового права. — 2004. — С. 215—217.
6. Налоговый кодекс Украины (Закон, Кодекс от 02.12.2010 № 2755-VI) — [Электронный ресурс]. — Режим доступа. — URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/2755-vi>.
7. Саркисов А.К. Конфликты в сфере налоговых отношений: теория и практика правового разрешения: Автореф. дисс. д-ра юрид. наук. — М., 2006.
8. Усенко Е.А. Правовое регулирование процедур решения налоговых споров. Дис. канд. юрид. наук. Ирпень, 2010. — С. 50.

СУЩНОСТЬ БЮДЖЕТНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА И ПУТИ ЕГО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Бадамшин Салават Курбангалеевич

*ассистент кафедры гражданского права и процесса ФГБОУ ВПО,
Сибайский институт «БашГУ», г. Сибай
E-mail: sk-badamshin@mail.ru*

Шарипова Юлия Саматовна

*студент 3 курса юридического факультета специальности
«Юриспруденция», СИ (филиал) БашГУ
E-mail: POSITIVKA@inbox.ru*

Иксанова Лилия Ишбулдыевна

*студент 3 курса юридического факультета специальности
«Юриспруденция», СИ (филиал) БашГУ
E-mail: liliva.fluffy@mail.ru*

Одной из центральных проблем бюджетной системы страны и взаимоотношений Федерации и регионов является проведение в жизнь принципа бюджетного федерализма. Основная суть, которого сводится к тому, что в процессе взаимоотношений Российской Федерации и субъектов РФ соблюдалось разграничение предметов ведения и полномочий, заложенные в Конституции РФ [4]. Это и обуславливает актуальность данной темы.

Существует множество определений термина бюджетный федерализм. Согласно одному из них, бюджетным федерализмом называют систему налогово-бюджетных взаимоотношений органов власти и управления различных уровней на всех стадиях бюджетного процесса [3, с. 171]. Другое определение называет бюджетным федерализмом принцип построения бюджетных отношений, который позволяет в условиях самостоятельности каждого бюджета, сочетать интересы Федерации с интересами каждого ее субъекта и органов местного самоуправления [5, с. 210].

В процессе реализации бюджетного федерализма в Российской Федерации, а также для поисков вариантов его преобразования, наверное, будет весьма полезным изучить опыт зарубежных стран в вопросах практики взаимодействия различных уровней власти в финансово-экономической сфере. В мировой практике сущность бюджетного федерализма определяется как нормативно-законодательное установление бюджетных прав и обязанностей двух

равноправных сторон — федеральных и региональных органов власти и управления, правил их взаимодействия на всех стадиях бюджетного процесса, методов частичного перераспределения бюджетных ресурсов между уровнями бюджетной системы.

При всех особенностях и отличиях федеративных государств, многие из них сталкиваются с одинаковыми или схожими проблемами. В то же время, многочисленные исследования свидетельствуют о том, что не существует какой-либо единой, одинаковой для всех стран модели федерации и что при сравнении любой пары федеративных государств обнаруживается больше различий, чем сходства. Каждая страна имеет свои особенности, обусловленные ходом ее исторического, политического, экономического, этно-социального и культурного развития. В целом специфика финансово-экономических взаимоотношений между центром и регионами в федеративных государствах определяется большим числом различных факторов. Среди них природно-географические условия, историческое наследие, современный уровень и темпы хозяйственного развития различных регионов, политические и этнокультурные реалии, социально-демографическая ситуация, геополитическое положение страны и взаимоотношения с соседними государствами.

Недооценка значимости принципов бюджетного федерализма в реальных бюджетных правоотношениях влечет за собой негативные экономические последствия. Сложившаяся к настоящему времени в России система межбюджетных отношений не отвечает основополагающим принципам бюджетного федерализма и не соответствует стратегии развития страны. Сохраняется крайне высокая централизация налогово-бюджетных полномочий на уровне федеральной власти. Региональные местные бюджеты имеют избыточные финансовые обязательства, возложенные на них федеральным законодательством, но не обеспеченные источниками финансирования. Основная часть расходов региональных и местных бюджетов регламентируется централизованно установленными нормами. Недостаточно разработана методология выравнивания уровней бюджетной обеспеченности конкретных регионов.

Бюджетный федерализм строится на основе следующих основных принципов:

1. закрепление за каждым уровнем бюджетной системы расходов в соответствии с выполняемыми функциями органов государственной и местной власти. Закрепление это осуществляется на основе распределения расходных полномочий;

2. разграничение и закрепление на постоянной основе собственных доходов бюджетов, а также распределение по временным нормативам регулирующих доходов по уровням бюджетной системы;

3. принцип равенства бюджетных прав федеральных, региональных и местных образований по формированию и использованию соответствующих бюджетов [1].

Понятие «модель бюджетного федерализма», состоит из ряда обязательных для исполнения требований, закрепленных в федеральном нормативно-правовом акте, теоретически обоснованном варианте построения межбюджетных отношений в федеративном государстве, обеспечивающем его наиболее эффективное экономическое развитие.

Как считает аудитор Счетной палаты Сергей Рябухин, важнейшей составной частью бюджетной политики страны выступает концепция межбюджетных отношений. На ее основе разрабатываются подходы к разграничению доходных и расходных полномочий между уровнями власти, определению критериев и методов предоставления финансовой помощи на базе условий функционирования бюджетной системы [7, с. 9].

Межбюджетные отношения, сложившиеся России, методология, принципы и практика их осуществления представляют собой явление сложное и противоречивое, отражающее всю многогранность проблем переходного периода в строительстве федеративных отношений. В то же время, между понятиями «бюджетный федерализм» и «межбюджетные отношения» ни в коей мере нельзя ставить знак равенства. Бюджетный федерализм понятие более высокого ранга (уровня), а межбюджетные отношения — механизм, на основе которого понятие «бюджетный федерализм» реализуется на практике.

Основными причинами огромных различий в бюджетной обеспеченности субъектов Федерации являются:

- уровень экономического развития регионов;
- степень их обеспеченности природными ресурсами;
- различная структура экономики регионов, определяющая разный налоговый потенциал;
- неодинаковые усилия региональных властей по сбору налогов.

Что касается особенности российского бюджетного федерализма, то это в первую очередь, наличие значительного разрыва в уровне бюджетной обеспеченности субъектов Федерации. Центральные органы, осуществляя функции макроэкономического регулирования и перераспределения ВВП, сосредотачивают у себя наиболее важные

налоговые доходы, ослабляя доходную базу территориальных бюджетов. Бюджетный федерализм в Российской Федерации проходит сложный этап становления. С одной стороны, это борьба регионов с «бюджетными традициями» тоталитарного государства, а с другой — сохранение России как единого целого, недопущение превалирования частных интересов субъектов Федерации над национальным интересом РФ. Для решения данных противоречий необходим компромисс между достаточно жесткими требованиями политики финансовой стабилизации страны и достижением целей экономических реформ в регионах и России в целом [6, с. 26]. Проблема вертикальной несбалансированности решается, в частности, и путем долевого участия разных уровней власти в федеральных налогах и межбюджетными трансфертами. Данный разрыв необходимо устранить путем законодательного закрепления правил реализации программ, установлением критериев их эффективности, а также путем введения практики парламентских слушаний по поводу реализации программ.

В настоящее время судьба бюджетного федерализма в России зависит не столько от той или иной его модели, сколько от способности государства как единого целого преодолеть разрушительный экономический кризис, спад производства, осуществить переход в масштабах страны к иной рыночной стратегии финансовой стабилизации. Нельзя допустить ситуации, когда развитие бюджетного федерализма само превратится в фактор усиления экономического и политического кризиса: еще более ослабит федеральный бюджет, вместо борьбы за оздоровление реального сектора экономики активизирует борьбу за дележ федеральных налогов, приведет к кризису общероссийского рынка ценных бумаг из-за конкуренции федеральных и региональных государственных облигаций, заблокирует усилия центра в проведении единой эмиссионной, кредитной и процентной политики и политики сокращения бюджетного дефицита.

Программа развития бюджетного федерализма должна начинаться с формирования системы бюджетного устройства, позволяющей регионам проводить самостоятельную налоговую и бюджетную политику в рамках их законодательно установленных полномочий. Бюджетное законодательство Российской Федерации в настоящее время не содержит четкого разграничения расходных полномочий и ответственности между органами власти разных уровней. Многие виды расходов отнесены к совместному финансированию.

Региональные и местные органы власти не в состоянии обеспечить бездефицитность своих бюджетов. В этих условиях

они проводят политику выборочного или частичного исполнения своих финансовых обязательств. Обеспечение реальных полномочий региональных и местных органов власти является основной целью реформирования межбюджетных отношений. Для этого необходимо:

- разграничение расходных полномочий между уровнями бюджетной системы;
- достижение самостоятельности региональных и местных органов власти в управлении расходами своих бюджетов;
- сокращение нефинансируемых федеральных мандатов.

В то же время значительная часть доходов территориальных бюджетов формируется за счет отчислений от федеральных налогов. Это связано с тем, что налогооблагаемая база региональных и местных налогов недостаточна для финансирования необходимых расходов.

Распределения налоговых поступлений между бюджетами различных уровней должно приводить к выравниванию финансовой обеспеченности регионов и сокращать дотационность региональных бюджетов. Но отсутствие связи между объемом предоставляемых бюджетных услуг и сбором местных налогов снижает эффективность использования финансовых ресурсов. Поэтому необходимо:

- расширить налоговые полномочия региональных и местных властей;
- закрепить отчисления от федеральных налогов за региональными и местными бюджетами на долгосрочной основе;
- сократить масштабы распределения налоговых поступлений между уровнями бюджетной системы [2].

Бюджетный федерализм необходимо все более осознанно сближать с общей макроэкономической политикой рыночных реформ. Решение проблем бюджетного федерализма в конечном итоге позволит стабилизировать российскую государственность, повысить управляемость и объективность нашей рыночной экономической системы.

Список литературы:

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации глава 5 (БК РФ) от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 25.12.2012 г.) [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=131626>.
2. Бюджетный федерализм [Электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: <http://www.grandars.ru/student/finansy/byudzhetnyy-federalizm.html>.
3. Годин А.М., Подпорина И.В. Бюджет и бюджетная система РФ: Учеб. пособие. — М.: Изд. дом «Дашков и Ко», 2011. — с. 171.

4. Конституция Российской Федерации (КРФ) от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) — М.: Юридическая литература, 2011. — 64 с.
5. Лавров А.М. К вопросу о развитии федерализма в России. — М., 2010. — с. 210.
6. Лавров А.М. Развитие бюджетного федерализма в России //Федерализм. — М., 2009. — № 3. — с. 26.
7. Рябухин С.Н. Аналитическая записка «Уровень бюджетной обеспеченности граждан Российской Федерации». — М., 2011. — с. 9.

ОСОБЕННОСТИ РЕГИСТРАЦИИ ПЛАТЕЛЬЩИКОВ АКЦИЗНОГО НАЛОГА В УКРАИНЕ

Шаренко Максим Сергеевич

канд. юрид. наук, ассистент кафедры финансового права

Национального университета

«Юридическая академия Украины имени Ярослава Мудрого»,

г. Харьков

E-mail: sharenko@i.ua

Акцизный налог является одним из разновидностей косвенных налогов на потребление отдельных видов товаров (продукции), определенных как подакцизные, которые включаются в цену таких товаров (продукции) [1].

Рассматривая налогоплательщика как основного элемента правового механизма акцизного налога необходимо учесть, что при классификации налогов по принципу плательщика данный вид платежа принадлежит к группе налогов, которые предусматривают смешанного налогоплательщика, то есть в разных вариациях как плательщик выступают как юридические, так и физические лица [2, с. 557].

Весомый вклад в развитие института «плательщиков акцизного налога» внесли фундаментальные труды Н.П. Кучерявенко, Л.К. Вороновой, Н.И. Химичевой и много других, но, несмотря на достижения в исследовании названной проблемы, научные и практические данные нуждаются в дальнейшем изучении и совершенствовании. Поэтому целью данной работы является анализ платель-

щиков акцизного налога и их новый порядок регистрации. Новизна работы обусловлена анализом особенностей отдельных положений после принятия Налогового кодекса Украины и внесением существенных изменений в законодательные акты Украины.

Детализируя разновидности плательщиков акцизного налога, выделяются группы резидентов и нерезидентов. В данном случае каждый из упомянутых видов плательщиков, которые дифференцируются в зависимости от характера деятельности, связанной с операциями с подакцизными товарами, можно разграничить на резидентов и нерезидентов, которые изготавливают или ввозят на таможенную территорию Украины подакцизные товары или продукцию. Такая дифференциация крайне необходима, потому что разделение производителей подакцизных товаров на группы в этом случае базируется на прекрасных налоговых режимах. Если резиденты Украины действуют в соответствии общего налогового режима, чувствуя общий уровень налогового давления, поведение которых регулируется нормами национального законодательства, то налоговый режим нерезидентов предусматривает измененный уровень налогового давления, изменение их статуса целым рядом международных соглашений по налогообложению [2, с. 559].

По характеру деятельности, связанной с операциями с подакцизными товарами, плательщиков акцизного налога условно можно классифицировать на импортеров и производителей подакцизных товаров. Спецификой регулирования круга плательщиков акцизного налога в отношении товаров, ввезенных на таможенную территорию, является безусловная корреспонденция налогового и таможенного законодательства. Своеобразным вариантом обязанного лица при исполнении налогового долга по акцизам является декларант — лицо, которое перемещает товары и транспортные средства, либо таможенный брокер как посредник, что делает от собственного имени операции по таможенному оформлению [2, с. 559].

Согласно ст. 212 Налогового кодекса Украины [1], плательщиками акцизного налога являются:

1. физические лица — резиденты или нерезиденты, которые ввозят подакцизные товары (продукцию) на таможенную территорию Украины в объемах, которые подлежат налогообложению, в соответствии с таможенным законодательством;
2. лица, которые осуществляют реализацию подакцизных товаров (продукции): а) по которым не обратился владелец до конца срока хранения; б) которые признаны бесхозными; в) конфискованных подакцизных товаров (продукции); г) подакцизных товаров (продук-

ции), которые переходят в собственность государства по праву наследования или на других законных основаниях, если эти товары (продукция) подлежат реализации в установленном законодательством порядке;

3. лица, которые являются субъектом хозяйствования и производящие подакцизные товары (продукцию) или ввозят их на таможенную территорию Украины;

4. лица, которые должны придерживаться требований таможенных режимов, за что предусмотрено освобождение от налогообложения, в случае нарушения этих требований;

5. лица, которые должны выполнять условия относительно целевого использования подакцизных товаров (продукции), а в случае нарушения этих условий устанавливается ставка налога 0 гривен за 1 литр 100-процентного спирта и 0 евро за 1000 кг нефтепродуктов;

6. лица, которые передают в пользование, владение, распоряжение или на реализацию подакцизные товары (продукцию), которые были ввезены на таможенную территорию Украины с освобождением от налогообложения до истечения срока, определенного пунктом 3 статьи 213 Налогового кодекса Украины;

7. лица, которые осуществляют операции с подакцизными товарами (продукцией), не подлежащих налогообложению или освобождаются от налогообложения, а в случае нарушения этих условий на них возлагается выполнение условий относительно целевого использования подакцизных товаров (продукции) [1].

Новый порядок регистрации плательщиков акцизного налога закреплен в пункте 212.3 статьи 212 Налогового кодекса Украины, согласно которому регистрация плательщиков акцизного налога предусматривает разграничение двух видов регистрационных процедур в зависимости от вида деятельности, что ими осуществляется: 1) деятельность, подлежащую лицензированию; 2) деятельность, которая не подлежит лицензированию [1].

Первая категория регистрационных процедур предусматривает участие помимо субъекта, который должен стать на учет как налогоплательщик, налогового органа и орган лицензирования. Законодательством установлена обязанность органов лицензирования, представлять органам государственной налоговой службы по месту регистрации субъекта хозяйствования информацию о выданных, переоформленных, приостановленных или аннулированных лицензиях в 5-дневный срок со дня совершения таких действий. На основании таких сведений осуществляется регистрация данного субъекта хозяйствования в качестве плательщика акцизного налога, то есть, предусмотрена

автоматическая регистрация плательщиков акцизного налога на основе информации органов лицензирования. Указанный вид процедур применяется к ограниченному кругу субъектов хозяйствования, которые осуществляют деятельность по производству подакцизных товаров (продукции) и/или импорта алкогольных напитков и табачных изделий, подлежащих лицензированию [2, с. 566].

Согласно действующему законодательству Украины, к органам лицензирования относятся: а) Департамент контроля над производством и оборотом спирта, алкогольных напитков и табачных изделий Государственной налоговой службы Украины — в части лицензирования производства спирта этилового, коньячного и плодового, алкогольных напитков и табачных изделий; б) Министерство промышленной политики Украины — в части лицензирования производства транспортных средств; в) Министерство экономического развития и торговли Украины — в части лицензирования импорта спирта этилового, коньячного и плодового, алкогольных напитков и табачных изделий [3].

Вторая категория регистрационных процедур относится ко всем остальным субъектам хозяйствования, которые осуществляют операции с подакцизными товарами. Данная регистрация плательщика акцизного налога является обязательной и реализуется таким субъектом в органах государственной налоговой службы по месту государственной регистрации в месячный срок со дня начала хозяйственной деятельности [2, с. 567].

Таким образом, современное налоговое законодательство Украины активно меняется и совершенствуется, распределяя плательщиков акцизного налога на несколько видов, закрепляя уже новый порядок их регистрации.

Список литературы:

1. Податковий кодекс України: від 02.12.2010 р., № 2755-VI // Голос України. — 04.12.2010. — № 229.
2. Податковий кодекс України: постатейний коментар: у 2 ч. / Л.К. Воронова, М.П. Кучерявенко, О.А. Лукашев та ін. ; за ред. М.П. Кучерявенка. — Х.: Право, 2011. — Ч. 2. — 1128 с.
3. Постанова Кабінету Міністрів України «Про затвердження переліку органів ліцензування»: від 14.11.2000 р., № 1698 // Урядовий кур'єр. — 07.12.2000. — № 228.

СЕКЦИЯ 16.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРТЫ ЛИЧНОСТИ НЕОСТОРОЖНОГО ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШИВШЕГО ДТП

Ефимова Елена Олеговна

*аспирант 2 года обучения ФГБОУ ВПО
«Юго-Западного государственного университета»
E-mail: pragmatik-alenka@yandex.ru*

Одним из путей получения информации о персональных особенностях водителей, предрасположенных к рискованному или иначе опасному вождению, а как следствие — наступлению тяжких последствий, является изучение личности осужденных за автодорожные преступления. Не вызывает сомнений тот факт, что неосторожные преступники — это особая категория. Они по своим психологическим характеристикам наиболее приближены к законопослушным гражданам и наиболее выделяются из основной массы преступников.

Для изучения социально-психологических особенностей личности нарушителей ПДД РФ, чьи действия причинили тяжкий вред здоровью человека по неосторожности, автором была обследована выборка из 275 осужденных, отбывающих наказание в колонии-поселения за преступления, предусмотренные ст. 264 УК РФ. Для установления личностных особенностей преступников автор применила методику опросника «Мини-мульти» сокращенного многофакторного опросника для исследования личности (СМОЛ). Данная методика позволяет оценить уровень нервно-эмоциональной устойчивости, степень интеграции личностных свойств, уровень адаптации личности к социальному окружению. Она рассчитана на исследование взрослых лиц (от 16 до 80 лет, с образованием не ниже 6—7 класса средней школы), с сохранным интеллектом.

Опросник «Мини-мульти» представляет собой сокращенный вариант ММРІ, и содержит 71 вопрос, 11 шкал. Дополнительные оценочные шкалы измеряют искренность испытуемого, степень досто-

верности результатов тестирования и величину коррекции, вносимую чрезмерной осторожностью. Основные 8 шкал являются базисными и оценивают свойства личности. Время проведения данного теста не ограничивается. Следует отметить, что для автора были важны не только показания по отдельным шкалам, но и сочетания этих шкал. Интерпретация шкал заключается в высоких показателях баллов (от 70 и выше) и низких показателях (до 40 баллов). Показатели от 40 до 70 баллов считаются оптимальными и не содержащими отклонений в психическом состоянии лиц.

Согласно результатам тестирования, автор пришел к выводу о том, что осужденные за неосторожные преступления граждане имеют отклонения от нормы по психологическим характеристикам. Автором были зафиксированы низкие показатели по следующим категориям шкал: «Депрессия», «Истерия», «Паранойяльность», «Шизоидность», «Психастения», «Гипомания».

Однако наиболее часто среди типов личности осужденных неосторожных преступников, отбывающих наказания в местах лишения свободы за автодорожные преступления, встретились лица с отклонениями по шкалам «Психопатия», «Паранойяльность» и «Гипомания». Количество низких показателей по данным шкалам превышают нормальные. Лидирующее место занимают лица с отклонениями по шкале «Паранойяльность». Согласно результатам тестирования 54,5 % всех осужденных имеют отклонения по шкале «Психопатия», 67,3 % — по шкале «Гипомания», 69,1 % — по шкале «Паранойяльность». После чего было установлено, что шкала «Паранойяльность» имеет наибольшее количество показателей.

Осужденным с такими результатами свойственны следующие черты: напряженность, тревожность, взрывчатость, эмоциональная неустойчивость, ярко выраженное ощущение вины, эгоцентричность, импульсивность, нетерпеливость, верность своим критериям, гордость своей ценностью, упрямство, выраженное чувство соперничества, «бред величия», враждебность, гиперактивность, болтливость, избалованность. Эти люди нуждаются в общении с другими людьми с целью самоутверждения. Им необходимо находиться в центре внимания и испытывать свою значимость.

Возможно предположить, что при чрезмерном родительском внимании и заботе, повышенной опеке над ребенком в детстве, будущий водитель испытывает дефицит внимания и общения со стороны окружающих. После чего, всеми способами он пытается восполнить прежний пробел и использует транспортное средство для достижения этой цели. Чувствуя себя независимым, находясь

внутри автомобиля, водитель словно придает себе уверенности. Он пытается привлечь внимание окружающих своей лихой ездой или нарушением ПДД, желая установить с ними эмоциональные отношения.

Похожую точку зрения имеет А.В. Молоствов, изучая социально-психологические черты личности указанной категории. Среди прочих вопросов при анкетировании осужденных, отбывающих наказание за совершение неосторожных преступлений, им были включены вопросы о дефицитах испытываемых респондентами в детстве. Картина дефицитов характеризовала структуру свойственных для человека потребностей. Наиболее выраженным явился дефицит личного пространства, острых ощущений и общения с близкими людьми [2, с. 134—142]. А.В. Молоствов, справедливо объясняет это тем, что, будучи детьми, осужденные испытывали «гиперопеку» близких взрослых, одновременно обесценивающих личность ребенка. Значит, родители, а скорее мать баловали ребенка, обеспечивали его материальные запросы, проявляя к нему повышенное внимание, лишая возможности доказать себе собственную самооценку и значимость в ситуациях требующих ответственности, решительности. Таким образом, можно предположить, что автомобиль для данных испытуемых — это не роскошь, не просто средство передвижения, это-то самое желаемое личное пространство, в которое никто не заберется и не обесценит хозяина [2, с. 134—142].

Действительно, достаточно вспомнить полностью тонированные черной пленкой стекла в автомобиле или же, например автотюнинг капота транспортного средства с враждебными изображениями (цепи, пламя огня). Используя такие символики, водитель выражает потребность отгородить себя от окружающих с одной стороны и бросить им вызов с другой, получая при этом полное удовлетворение. А.В. Молоствов путем анкетирования пришел к схожему выводу: осужденные, совершившие ДТП, характеризуют такие особенности как желание устанавливать с другими людьми эмоциональные отношения, желание контролировать людей в общении и не допускать контроля над собой, а также чувство высокой потребности включения в общение [2, с. 134—142].

По приведенным результатам психологического тестирования, явно обозначились основные и типичные психологические свойства личности неосторожного преступника, осужденного за совершение автомобильного происшествия. Общие характеристики наиболее распространенных шкал («Гипомания», «Паранойальность», «Психопатия») свидетельствуют о социальной дезадаптации водителей. Такие

водители наиболее агрессивны и конфликтны. Им свойственно пренебрежение социальными ценностями, и, соответственно, нормами закона. По сути это выражается в пренебрежительном отношении к правилам дорожного движения в России. Настроение у данных лиц неустойчиво, они возбудимы и чувствительны. Подъем по данным шкалам, как правило, может сопровождаться весомой причиной (состояние алкогольного опьянения). Лица, данной категории склонны к переоценке своих возможностей и игнорированию чужих интересов и точек зрения. Они характеризуются как лица с недостающей выдержкой и настойчивостью.

Немаловажно отметить такую закономерность как явно выраженное чувство тревожности у водителей. Наличие данного фактора в психике неосторожного преступника впервые обозначили Ю.М. Антонян, В.П. Голубев, В.Е. Квашиш, Ю.Н. Кудряков, которые считали, что «Тревожность — психологическая основа преступного поведения. Наряду с отчужденностью личности не меньшей, а, пожалуй, еще большей криминогенностью обладает тревожность, которая представляет собой беспредметный страх, страх вообще. Как личностное свойство она проявляется в постоянном ощущении неуверенности в себе, бессилия перед внешними факторами, в преувеличении их могущества и угрожающего характера. Такое перманентное состояние может приводить к дезорганизации поведения, изменению его направленности. В ряде случаев тревожность способна активно стимулировать преступное поведение в том случае, когда человек начинает ощущать необходимость защиты от людей или явлений, которые он субъективно воспринимает как угрожающие или деструктивные» [1, с. 10—17].

Водители транспортных средств, отличающиеся вышеперечисленными свойствами, обнаруживают неуверенность в себе, склонность к волнениям при стрессе и избыточный самоконтроль. В экстремальных ситуациях они легко теряются и склонны к эмоциональной, а не рациональной, спокойной реакции на угрозы. Все это приводит к дезорганизованному поведению в аварийной ситуации, увеличению количества ошибок. Нахождение таких лиц в состоянии алкогольного опьянения максимально способствует повышению аварийности в условиях дорожного движения. Поэтому изучение внутренних психологических факторов личности неосторожных преступников, на взгляд автора, способно выявить психологическую основу для понимания и разработки дальнейших профилактических мер по предупреждению автотранспортной преступности.

Список литературы:

1. Антонян Ю.М. и др. Некоторые отличительные особенности личности неосторожных преступников//Личность преступников и индивидуальное воздействие на них. Сб. научных трудов. М., 1989. С. 10—17.
2. Молоствов А.В. Социально психологические особенности личности осужденного за нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью человека // Прикладная юридическая психология № 1, 2010. С. 134—142.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: офиц. текст. М.: Издательство «Омега-Л», 2012. 192 с.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

«СОВРЕМЕННАЯ ЮРИСПРУДЕНЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ»

Материалы международной заочной научно-практической
конференции

13 февраля 2013 г.

В авторской редакции

Подписано в печать 19.02.13. Формат бумаги 60x84/16.
Бумага офсет №1. Гарнитура Times. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 11,5. Тираж 550 экз.

Издательство «СибАК»
630075, г. Новосибирск, Залесского 5/1, оф. 605
E-mail: mail@sibac.info

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного
оригинал-макета в типографии «Allprint»
630004, г. Новосибирск, Вокзальная магистраль, 3